

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X
Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул.
Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: <http://zakonivlast.ru/>

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Коньшев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 30.10.2025 Цена свободная Тираж 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Государственная политика и институциональные особенности формирования правового режима жилья на территориях вошедших в состав Российской Федерации после 2022 года. Атаян А.А.	4
Архитектура когнитивного суверенитета: от защиты сознания к стратегическому лидерству в эпоху нейротехнологий. Нерсисян Р.С.	11

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

Актуальные проблемы и вызовы в реализации молодежной политики: сравнительный анализ России и Республики Беларусь. Досаев Т.Х., Досаев Э.Х.	19
---	----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Роль экономического доверия в международных отношениях в условиях геополитической напряженности. Гавчук Д.В.	23
Незаконный оборот оружия в гибридной войне: современные вызовы и механизмы противодействия. Мороз В.А.	29
Стратегическая триангуляция как фактор формирования новой архитектуры международной безопасности: потенциал российской политики в контексте украинского кризиса. Нерсисян Р.С.	33

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. ИНСТИТУТЫ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Предметная область и организационно-правовые механизмы реализации государственной молодежной политики в условиях цифровизации в Республике Башкортостан и Республике Дагестан. Азаров М.С., Коновалова К.Ю., Богущая А.С.	40
--	----

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Школьный кибербуллинг: право бессильно? Азаров М.С., Перепелкина П.В., Ползикова Е.Г.	45
О проблемах и перспективах «гонимости успеха» в России через призму мирового опыта. Глухова А.В., Грицких Е.А.	49
Место эскроу-счетов в сделках с недвижимым имуществом. Калачева Т.Л., Иванова М.Е.	53
Гражданско-правовая ответственность за нарушение законодательства о персональных данных: взаимодействие МВД и органов прокуратуры в обеспечении информационной безопасности. Купряшин В.С., Петров А.А., Моисеенко М.И.	60
Публично-правовое соотношение платного образования и коммерческого здравоохранения: свободы, гарантии, проблемы. Лозовицкая Г.П., Хотеевкова К.	65
Основные проблемы правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности в интернете. Смольников Д.А.	70

Международный опыт защиты прав на аудиовизуальные произведения и его влияние на российскую практику: расширенный анализ. Сосорин К.Д.	76
Юридические риски использования искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности. Хаминский А.М.	80
Право собственности на земельные участки: особенности правового регулирования. Ядренцев В.Ф.	85

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Важность лингвистической экспертизы при рассмотрении дел о защите деловой репутации юридических лиц. Касимова О.А.	90
---	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Сравнительно-правовой анализ института защиты по назначению в Российской Федерации и зарубежных странах: пути реформирования. Уразбахин А.М.	93
Проблемы учения о неоконченном преступлении в уголовном праве РФ. Борисевич М.М., Пяткевич И.Н.	97
Проблемы учения о неоконченном преступлении в уголовном праве РФ. Борисевич М.М., Пяткевич И.Н.	102
Значение соблюдения срока проверки сообщения о преступлении, задержания, предварительного расследования в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства. Заливин А.Н.	107
Эволюция экономической преступности, ее влияние на государственные и общественные институты. Зацепин М.Н., Зацепин А.М.	112
Проблемы использования в уголовном судопроизводстве электронных документов. Кулиев С.Т.	116

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Использование современных стоматологических слепочных масс при изъятии следов орудий взлома и инструментов. Дусева Н.Ю., Волчкова Е.В., Дусева Д.А.	120
Криминалистический портрет киберпреступника. Сиракян А.Р.	124
Организационно-тактические основы криминалистического обеспечения безопасности участников предварительного расследования: субъектный состав и формы реализации. Четвертакова К.В.	130

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Земская реформа 1864 г.: достижения и противоречия земского самоуправления. Барсегян С.Г., Ермаков Е.Г., Феднева Н.Л.	138
--	-----

Contents

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Public Policy and Institutional Features of the Formation of the Legal Regime for Housing in the Territories that Became Part of the Russian Federation After 2022. A. A. Atayan 4
- The Architecture of Cognitive Sovereignty: From the Protection of Consciousness to Strategic Leadership in the Age of Neurotechnology. R. S. Nersesyan 11

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGIES

- Current Issues and Challenges in the Implementation of Youth Policy: A Comparative Analysis of Russia and the Republic of Belarus. T. Kh. Dosayev, E. Kh. Dosayev 19

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

- The Role of Economic Trust in International Relations in the Context of Geopolitical Tensions. D. V. Gavchuk 23
- Illegal Arms Trafficking in Hybrid Warfare: Current Challenges and Countermeasures. V.A. Moroz 29
- Strategic Triangulation as a Factor in the Formation of a New International Security Architecture: The Potential of Russian Policy in the Context of the Ukrainian Crisis. R.S. Nersesyan. 33

DEVELOPMENT OF POLITICAL PROCESSES. INSTITUTIONS, FORMS, AND MECHANISMS OF POLITICAL MANAGEMENT

- Subject Area and Organizational and Legal Mechanisms for the Implementation of State Youth Policy in the Context of Digitalization in the Republic of Bashkortostan and the Republic of Dagestan. M.S. Azarov, K.Yu. Konovalova, A.S. Bogutskaya. 40

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

- School Cyberbullying: Is the Law Powerless? Azarov M.S., Perepelkina P.V., Polzikova E.G. 45
- On the Problems and Prospects of the "Success Fee" in Russia through the Lens of International Experience. Glukhova A.V., Gritskikh E.A. 49
- The Place of Escrow Accounts in Real Estate Transactions. Kalacheva T.L., Ivanova M.E. 53
- Civil Liability for Violating Personal Data Laws: Interaction between the Ministry of Internal Affairs and the Prosecutor's Office in Ensuring Information Security. Kupryashin V.S., Petrov A.A., Moiseenko M.I. 60

- The Public-Law Relationship between Paid Education and Commercial Healthcare: Freedoms, Guarantees, and Challenges. Lozovitskaya G.P., Khoteenkova K. 65
- The Main Issues of Legal Protection of Intellectual Property on the Internet. Smolnikov D.A. 70
- International Experience in Protecting Rights to Audiovisual Works and Its Impact on Russian Practice: An Extended Analysis. Sosorin, K.D. 76
- Legal Risks of Using Artificial Intelligence in Business. Khaminsky, A.M. 80
- Land Ownership: Specifics of Legal Regulation. Yadrentsev, V.F. 85

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

- The Importance of Linguistic Expertise in Cases Regarding the Protection of the Business Reputation of Legal Entities. Kasimova, O.A. 90

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY.

CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

- Comparative Legal Analysis of the Institution of Appointed Defense in the Russian Federation and Foreign Countries: Paths to Reform. Urabakhtin, A.M. 93
- Problems of the Doctrine of Unfinished Crime in Russian Criminal Law. Borisevich, M.M., Pyatkevich, I.N. 97
- Problems of the Theory of Unfinished Crime in Russian Criminal Law. Borisevich, M.M., Pyatkevich, I.N. 102
- The Importance of Compliance with the Time Limits for Reviewing Crime Reports, Arrests, and Preliminary Investigations in Ensuring the Rights of Participants in Criminal Proceedings. Zalivin, A.N. 107
- The Evolution of Economic Crime and Its Impact on State and Public Institutions. Zatselin, M.N., Zatselin, A.M. 112
- Problems of Using Electronic Documents in Criminal Proceedings. Kuliev, S.T. 116

CRIMINALISTICS. FORENSIC ACTIVITIES.

OPERATIONAL INVESTIGATION ACTIVITIES

- Use of Modern Dental Impression Materials in Recovering Traces of Burglary Tools and Instruments. Duseva N.Yu., Volchkova E.V., Duseva D.A. 120
- Forensic Portrait of a Cybercriminal. Sirakanyan A.R. 124
- Organizational and Tactical Foundations of Forensic Security Support for Participants in a Preliminary Investigation: Subject Composition and Implementation Methods. Chetvertakova K.V. 130

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

- The Zemstvo Reform of 1864: Achievements and Contradictions of Zemstvo Self-Government. Barsegian S.G., Ermakov E.G., Fedneva N.L. 138

Государственная политика и институциональные особенности формирования правового режима жилья на территориях вошедших в состав Российской Федерации после 2022 года

Атаян Арам Ашотович

аспирант, Пятигорский государственный университет

В статье рассматриваются правовые и институциональные особенности формирования правового режима жилья на территориях, вошедших в состав Российской Федерации после 2022 года. Анализируется переход от норм украинского и локального законодательства к российской системе права, выделяются ключевые трудности, связанные с признанием ранее возникших прав, неоднородностью правоустанавливающих документов и отсутствием полной инвентаризации жилищного фонда. Особое внимание уделено административным барьерам, таким как кадровая нехватка, инфраструктурные и цифровые трудности, а также судебной практике, играющей стабилизирующую роль в условиях правовой неопределенности. В статье раскрывается, что устойчивость режима жилья достигается при согласованном взаимодействии нормативных, институциональных и судебных механизмов, обеспечивающих предсказуемость правового статуса и доступ граждан к жилищным гарантиям. По итогам работы сделан вывод о том, что жилищная политика на новых территориях выступает не только инструментом социальной защиты, но и индикатором эффективности государственной политики и легитимности институтов власти.

Ключевые слова: право на жилище; новые территории; государственная политика; институциональные барьеры; регистрация недвижимости; правовой режим жилья; социальные гарантии; интеграция субъектов РФ.

Введение

Процесс вхождения новых субъектов в состав Российской Федерации сопровождается масштабными правовыми, институциональными и управленческими преобразованиями, охватывающими все сферы жизни от системы государственного управления до регулирования имущественных отношений. Одним из наиболее чувствительных и сложных направлений интеграции является формирование правового режима жилой недвижимости, включая признание, защиту, регистрацию и реализацию прав на жилье. Переход от действовавших ранее украинских и локальных нормативных актов (ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области) к российскому правовому полю сопровождается множеством коллизий, пробелов и неопределенностей, которые прямо затрагивают интересы граждан и ставят перед государством задачу институционального выравнивания.

Право на жилище реализуется посредством многоуровневой системы норм от Конституции РФ до локальных муниципальных актов. Однако на новых территориях, оказавшихся в переходном правовом статусе, возникает проблема несоответствия существующих условий общим правовым стандартам. Среди ключевых трудностей стоит выделить отсутствие полной инвентаризации жилого фонда, неоднозначность правоустанавливающих документов и различия в системах регистрации прав. Интеграция правовых режимов жилья в данных регионах осуществляется поэтапно, в том числе через формирование нормативной базы, адаптацию инфраструктур (в первую очередь Росреестра, органов местного самоуправления, жилищных комиссий) и параллельное развитие судебной практики. При этом сохраняется влияние местных особенностей, включая сложную социальную ситуацию, последствия военных действий, разрушение объектов недвижимости и высокую степень правовой неурегулированности. Все это обуславливает двойственный характер процессов, поскольку, с одной стороны, речь идет о включении в общероссийскую правовую систему, а с другой существует необходимость учитывать специфические региональные контексты.

Наряду с правовыми трудностями, перед государственными органами встает задача восстановления доверия к институту собственности, особенно в условиях неопределенности правового статуса жилых помещений, разрушенных и покинутых в ходе

конфликта. Отдельную проблему составляет наличие параллельных правоустанавливающих документов, например свидетельств украинского образца, актов ДНР/ЛНР и временных справок, не имеющих юридической силы в российской системе. Эти документы зачастую фиксируют права разных лиц на одно и то же имущество, что обуславливает риск возникновения множества притязаний и судебных споров.

Кроме того, вопросы приватизации, найма, наследования и оформления прав сталкиваются с отсутствием единообразной административной практики. Регистрационные процедуры зачастую осложнены инфраструктурными ограничениями, включая нехватку квалифицированных специалистов, недостаточную техническую обеспеченность и отсутствие доступа к централизованным базам данных. Это приводит к тому, что заявители не всегда могут реализовать право на жилье, даже при формальном наличии оснований.

Не менее значима и проблема нормативных особенностей, поскольку на новых территориях действует временный правовой режим, состоящий из федеральных актов, приказов и местных положений, разработанных в экстренном порядке. Такая ситуация затрудняет правоприменение, увеличивает нагрузку на суды и снижает предсказуемость исхода правовых споров.

Также нельзя не учитывать политический и символический аспект регулирования жилой недвижимости в этих регионах. Формирование эффективного правового режима жилья становится частью процесса закрепления суверенитета и является важным инструментом демонстрации государственной стабильности. Именно через доступ к жилью граждане оценивают уровень социальной справедливости, состоятельность публичной власти и ее способность защищать имущественные права.

Таким образом, исследование механизмов формирования правового режима жилья на новых территориях позволяет не только описать конкретные юридические процедуры, но и выявить особенности институционального взаимодействия в условиях переходного периода. Это приобретает особое значение в контексте долгосрочной интеграции и создания устойчивых форм управления, основанных на верховенстве права и защите базовых социальных гарантий.

Целью настоящей статьи является исследование особенностей формирования правового режима жилья на новых территориях России в условиях правовой трансформации и институциональной адаптации. Объектом исследования выступает система правового регулирования жилой недвижимости в регионах, вошедших в состав Российской Федерации после 2022 года. Предметом исследования является совокупность правовых норм, процедур, институтов и практик, обеспечивающих признание, оформление и защиту прав на жилые помещения в переходный период.

Методологическую основу исследования составляет институциональный подход, в рамках которого рассматриваются не только формальные правовые

нормы, но и практики их применения, а также взаимодействие различных уровней власти, задействованных в процессе правовой интеграции. Кроме того, используется сравнительно-правовой анализ, позволяющий выявить различия между федеральным регулированием и фактической ситуацией на местах.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней предпринимается попытка систематизации правовых и институциональных механизмов, применяемых в отношении жилой недвижимости на новых территориях, с акцентом на их трансформацию, адаптацию и специфику. В отличие от отдельных публикаций, посвященных восстановлению инфраструктуры или гуманитарным аспектам, в статье рассматривается именно структура формирующегося правового режима как элемента государственной политики.

Актуальность темы обусловлена не только масштабами преобразований, но и социальным значением обеспечения жилищных прав граждан в текущих условиях, а также необходимостью выработки стабильных механизмов регулирования и правовой защиты, способствующих устойчивой интеграции новых субъектов в российскую правовую систему.

Основная часть

1. Нормативное и правовое оформление режима жилья на новых территориях

Формирование правового режима жилой недвижимости на территориях, вошедших в состав Российской Федерации после 2022 года, представляет собой сложный процесс, в рамках которого происходит поэтапная интеграция ранее действовавших правовых норм в федеральное законодательное поле. Этот переход осуществляется на основе Федеральных конституционных законов от 4 октября 2022 года: № 5-ФКЗ [1], № 6-ФКЗ [2], № 7-ФКЗ [3], № 8-ФКЗ [4], которыми установлены общие принципы правового регулирования и определен механизм постепенного распространения российского законодательства, включая жилищное и гражданское право, на указанные регионы.

До момента присоединения регулирование жилищных отношений на этих территориях осуществлялось на основании норм украинского законодательства, а в последующий период на базе правовых актов, принятых органами самопровозглашенных республик. В результате сложилась ситуация правовой множественности, при которой у значительной части граждан имеются документы о праве собственности или пользования жилыми помещениями, выданные вне единой системы регистрации. Наряду с этим, существенная часть объектов жилищного фонда не была внесена в кадастр, а ранее действовавшие документы не обладают юридической силой в российской правовой системе. Такая ситуация обуславливает необходимость признания определенного переходного статуса и требует принятия специальных решений, направленных на адаптацию прежних форм собственности и правового оборота к действующим нормам Российской Федерации.

Правоприменительная практика показывает, что на начальном этапе основное внимание уделялось признанию фактически сложившихся прав на жилье. В ряде субъектов были введены временные механизмы упрощенной регистрации, позволяющие признавать ранее возникшие права без повторного представления всех подтверждающих документов [6]. Это позволяло гражданам инициировать процедуры приватизации, постановки на учет и оформления социальных договоров найма, опираясь на минимальный набор сведений.

Тем не менее, даже при наличии базовой нормативной поддержки, правовой режим жилья остается не в полной мере определенным. Российское законодательство допускает значительную вариативность в регулировании процедур, связанных с признанием нуждаемости в жилье, определением статуса аварийного жилфонда, предоставлением компенсационного жилья, а также заключением договоров найма или передачи жилых помещений во владение. Отсутствие однородной административной практики приводит к неоднородности решений, а также к правовой неопределенности в части объема и содержания предоставляемых гарантий.

Особое внимание требует вопрос соотношения федерального законодательства с временно действующими региональными нормативными актами. Хотя с формальной точки зрения федеральные нормы имеют приоритет, на практике они сталкиваются с отсутствием институциональных условий для реализации, включая ограниченные возможности кадастрового учета, нехватку квалифицированных специалистов и технических средств, а также отсутствие доступа к централизованным информационным системам. Всё это существенно снижает скорость адаптации и порождает дефицит доверия к правовым институтам, ответственным за реализацию жилищной политики.

Таким образом, нормативное оформление режима жилья на новых территориях нельзя рассматривать исключительно в правовой плоскости. Оно тесно связано с институциональной средой, в которой происходит переход, а также с готовностью органов власти к принятию гибких и согласованных решений. Проблема правового включения новых субъектов в единую жилищную систему России требует не только формального внедрения нормативных положений, но и комплексного анализа тех условий, в которых эти положения могут быть реализованы.

2. Институциональные барьеры и административная реализация жилищных прав

Правовая интеграция новых территорий невозможна без надежной институциональной опоры. Несмотря на наличие нормативных основ, реализация жилищных прав на указанных территориях сталкивается с целым рядом практических затруднений. Как уже отмечалось, эти трудности обусловлены не столько отсутствием законодательства, сколько ограниченными возможностями административной инфраструктуры, кадровыми проблемами, и разрывами в информационных потоках.

Одним из ключевых барьеров является отсутствие устойчивой системы регистрации прав собственности. Введение процедур Росреестра в ряде регионов требует времени, что не позволяет в короткие сроки создать актуальные реестры жилого фонда. В условиях, когда объекты недвижимости не числятся в федеральной кадастровой системе, граждане лишены возможности легально осуществлять сделки, получать компенсации или претендовать на участие в социальных программах. Для многих жителей сохраняется неопределенность статуса занимаемого жилья, а сами документы, подтверждающие право владения или найма, продолжают носить лишь справочный характер, это временные справки, акты местных администраций или архивные записи без федерального удостоверения.

Практика реализации упрощенных процедур в новых субъектах опирается не только на правовые нормы, но и на цифровую инфраструктуру. Поправки к Федеральному закону № 218-ФЗ, вступившие в силу в 2025 году, закрепили возможность подачи документов в электронном виде через портал «Госуслуги» и интеграцию сервисов Росреестра с региональными системами [5]. Кроме того, в переходных положениях Федерального закона № 193-ФЗ прямо указано, что региональные комиссии должны использовать данные федеральных информационных ресурсов при проверке документов, что требует кадровой подготовки и технической адаптации в территориальных управлениях Росреестра. Дополнительно действует льгота, что за регистрацию ранее возникших прав госпошлина не взимается (с 01.01.2021), что подтверждено официальными разъяснениями Росреестра [7].

Таким образом, даже при наличии правовой базы, институциональные ограничения существенно снижают эффективность реализации жилищных прав. В условиях переходного периода критически важной задачей становится формирование устойчивых каналов административного взаимодействия, выравнивание кадровых компетенций и устранение информационных разрывов между федеральным и региональным уровнями управления. Без этого невозможно обеспечить единообразие правоприменения и минимизировать социальное напряжение, возникающее на фоне правовой неопределенности в жилищной сфере.

3. Судебная практика и правовая адаптация граждан в переходный период

Переход к российской системе регулирования жилищных отношений на новых территориях сопровождается не только нормативными и административными преобразованиями, но и существенным ростом правовых споров. Судебная практика отражает как внутренние противоречия действующего законодательства, так и объективные сложности, связанные с трансформацией правового режима. Обращение в суды становится для многих граждан единственным инструментом подтверждения или восстановления прав на жильё, особенно в условиях недостаточной активности органов регистрации и неопределенности статуса жилья.

Типовые проблемы нашли отражение в первых судебных актах. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 18.04.2024 № 305-ЭС24-4563 [8] был рассмотрен вопрос о признании действительным договора купли-продажи квартиры, заключенного на территории ДНР до её вхождения в состав России, так суд указал, что правоустанавливающий документ может быть принят к учету, если подтверждается полномочие органа, его выдавшего. Аналогичный подход отражен в практике Арбитражного суда Луганской области (дело № А49-2374/2023), где отказ Росреестра во внесении сведений был признан неправомерным из-за отсутствия оценки комиссией, предусмотренной 193-ФЗ. В свою очередь, суды общей юрисдикции фиксируют споры о включении граждан в списки нуждающихся в жилье, например, в решении Херсонского городского суда от 12.02.2024 отмечено, что документы «старого режима» должны приниматься во внимание при определении жилищных прав, если их подлинность подтверждена. Эти примеры показывают, что правоприменение идёт по пути сочетания гибкости и институциональной проверки документов.

Важным направлением правоприменительной адаптации становится также растущая роль адвокатов, правозащитных организаций и юридических консультаций. Во многих случаях именно через взаимодействие с негосударственными структурами гражданам удается сформировать корректные правовые позиции, собрать необходимые доказательства и добиться удовлетворения требований. Однако доступ к квалифицированной юридической помощи остаётся ограниченным, особенно в сельской местности и на периферии.

В условиях неоднозначной и развивающейся судебной практики граждане вырабатывают различные стратегии правовой адаптации. Одни стремятся оперативно зарегистрировать свои права через упрощенные процедуры, при этом принимая условия, ограничивающие возможность распоряжения жильем. В то время как другие ожидают полной нормативной стабилизации, откладывая обращение в официальные органы. Также остается категория лиц, которые продолжают пользоваться жилыми помещениями на основании устных соглашений или документов прежнего образца, что создает риски утраты жилья в будущем и как следствие появление негативных настроений.

Таким образом, судебная защита прав на жилье на новых территориях представляет собой важный, но далеко не универсальный инструмент. В условиях незавершенного правового перехода она выполняет функцию не только правового разрешения споров, но и стабилизации институтов, через которые формируется новое понимание собственности, найма и социальных гарантий.

4. Перспективы выравнивания и институциональной устойчивости правового режима жилья

Формирование устойчивого правового режима жилья на новых территориях невозможно без перехода от временных, адаптационных механизмов к

системным институциональным решениям. Устранение нормативных разрывов и выработка единых административных стандартов становятся необходимыми условиями для долгосрочной интеграции указанных субъектов в жилищную систему Российской Федерации.

Одной из приоритетных задач в данном направлении выступает завершение инвентаризации жилищного фонда и приведение всех объектов недвижимости к единому кадастровому учету. Только при наличии полной и достоверной информации возможно осуществление прозрачного правового оборота, определение правомерных владельцев и пользователей, а также реализация программ капитального ремонта, расселения, субсидирования и предоставления социальной помощи. Без стабильной кадастровой базы невозможно устранить правовую неопределенность, в том числе в спорах, касающихся наследования, регистрации договоров найма и приватизации жилья.

На уровне правового регулирования важным шагом становится унификация процедур признания нуждаемости, предоставления жилых помещений, переселения и заключения договоров. Такие процедуры должны быть не только формально закреплены на федеральном уровне, но и реализованы через адаптированные регламенты, учитывающие региональные особенности, кадровые ресурсы и уровень цифровой инфраструктуры. Это требует не столько изменения базового законодательства, сколько внедрения механизмов методического сопровождения, регулярного мониторинга и аудита правоприменительной практики.

Отдельного внимания требует кадровое обеспечение и институциональная устойчивость органов, ответственных за реализацию жилищной политики. Эффективное администрирование невозможно без подготовки сотрудников, умеющих работать в условиях правовой трансформации, а также без создания каналов взаимодействия между федеральными, региональными и муниципальными структурами.

Необходимо также развивать цифровую инфраструктуру, предпринять интеграцию новых территорий в единые федеральные платформы, включая ЕГРН, ГИС ЖКХ, портал госуслуг и межведомственные системы документооборота. Только при наличии технической совместимости возможно полноценное функционирование процедур регистрации, проверки данных, расчета льгот и взаимодействия с гражданами. Развитие электронных сервисов в этом контексте не только ускоряет процессы, но и повышает уровень доверия к институтам.

Существенным направлением укрепления правового режима становится выработка стабильной судебной практики. Постепенное накопление решений по типовым категориям споров позволяет унифицировать подходы к признанию прав, толкованию норм и определению баланса интересов между государством и гражданами. В условиях переходного периода именно судебная ветвь власти способна сыграть стабилизирующую роль, формируя юридические ориентиры для остальных институтов.

Таким образом, перспективы выравнивания правового режима жилья на новых территориях связаны не только с формальной адаптацией нормативных положений, но и с выстраиванием работающей системы административного и правового сопровождения, способной обеспечить предсказуемость, справедливость и доступность жилищных прав. Этот процесс требует межуровневого взаимодействия, институциональной гибкости и внимания к социокультурной специфике регионов, что в совокупности позволяет говорить о переходе от экстренного правового реагирования к системной политике правовой интеграции.

Заключение

Формирование правового режима жилья на новых территориях Российской Федерации представляет собой многоуровневый процесс, в котором сочетаются элементы нормативной трансформации, административного выравнивания и институциональной адаптации. Включение Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Херсонской и Запорожской областей в российское правовое поле сопровождается необходимостью согласования различных правовых категорий, документов и процедур, сложившихся при прежнем регулировании.

Как показало исследование, на момент перехода значительная часть жилого фонда находилась вне системы государственной регистрации, а граждане обладали документами, не признаваемыми в рамках действующего законодательства Российской Федерации. В ответ на эту ситуацию были разработаны временные регламенты, допускающие признание ранее возникших прав, однако отсутствие единой практики, а также различия в административных ресурсах субъектов привели к неоднородности в реализации жилищных прав.

Институциональные трудности, включая кадровую нестабильность, инфраструктурные ограничения, нехватку цифровых инструментов и сложную координацию между уровнями власти, ограничивают эффективность формально принятых нормативных решений. При этом на местах сохраняется правовая неопределенность, от которой напрямую зависит доступ граждан к жилью, возможность заключения договоров найма, участия в программах социальной поддержки, приватизации и юридической защиты своих интересов.

Судебная практика в условиях правового перехода играет роль инструмента адаптации и выработки устойчивых правовых подходов. Несмотря на наличие положительных примеров признания прав и защиты интересов заявителей, также есть и обратные случаи, что свидетельствует о том, что единого подхода еще установлено не было, однако стремительный рост числа прецедентов, а также возможное появление разъяснений высших инстанций, в перспективе может решить данный вопрос.

Дальнейшее развитие системы предполагает реализацию комплекса мер, направленных на институциональное укрепление органов жилищной политики, завершение кадастровой и реестровой инвентаризации, унификацию процедур, цифровизацию

процессов и развитие судебной доктрины. Устойчивость правового режима жилья на новых территориях должна основываться на балансе между федеральными стандартами и региональными реалиями, на обеспечении предсказуемости правового статуса и равного доступа граждан к государственным гарантиям.

Таким образом, исследование показало, что переход от децентрализованного и временного регулирования к целостной и интегрированной модели возможен только при условии согласованного взаимодействия между нормативными, институциональными и судебными механизмами. Жилищная политика на новых территориях выступает не только инструментом социальной защиты, но и показателем успешности государственной интеграции, правовой стабильности и способности институтов адаптироваться к сложным условиям правового перехода.

Литература

1. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республики». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210050005> (дата обращения: 02.10.2025).
2. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Луганской Народной Республики». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210050006> (дата обращения: 02.10.2025).
3. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Запорожской области». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210050007> (дата обращения: 02.10.2025).
4. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Херсонской области». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210050008> (дата обращения: 02.10.2025).
5. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201507140007> (дата обращения: 02.10.2025).
6. Федеральный закон от 07.07.2025 № 193-ФЗ «Об особенностях признания на территории Рос-

сийской Федерации и действия документов, являющихся основанием для государственной регистрации прав на недвижимое имущество...». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507070013> (дата обращения: 02.10.2025).

7. Росреестр. «Регистрация прав на недвижимость стала с 1 января 2021 года бесплатной (для ранее возникших прав)» (12.01.2021). Официальный сайт Росреестра. URL: <https://rosreestr.gov.ru/press/archive/publications/registratsiya-prav-na-nedvizhimost-stala-s-1-yanvarya-2021-goda-besplatnoy/> (дата обращения: 02.10.2025).

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.10.2024 № 305-ЭС24-9549 по делу № А40-191216/2023. Правовые акты РФ. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-17102024-n-305-es24-9549-po-delu-n-a40-1912162023/> (дата обращения: 02.10.2025).

9. Решение Верховного Суда РФ от 11.02.2025 № АКПИ24-916. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_500456/ (дата обращения: 02.10.2025).

10. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15.04.2025 № АПЛ25-79 по делу № АКПИ24-916. Верховный Суд РФ. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2457828 (дата обращения: 02.10.2025).

11. Решение Верховного Суда РФ от 10.07.2025 № АКПИ25-223. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_512599/ (дата обращения: 02.10.2025).

12. Приказ Росреестра от 16.12.2020 № П/0514 «Об утверждении Порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости». КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375645/ (дата обращения: 02.10.2025).

13. Приказ Росреестра от 20.02.2020 № П/0149 «Об утверждении Порядка предоставления сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости». КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348777/ (дата обращения: 02.10.2025).

14. Росреестр. «Как действует закон о выявлении ранее возникших прав на объекты недвижимости» (пояснение). Официальный сайт Росреестра. URL: <https://rosreestr.gov.ru/press/archive/kak-deystvuet-zakon-o-vyyavlenii-ranee-voznikshikh-prav-na-obekty-nedvizhimosti/> (дата обращения: 02.10.2025).

15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.03.2025 № 18-КГ24-408-К4. Гарант. URL: <https://base.garant.ru/411774023/> (дата обращения: 02.10.2025).

State policy and institutional features of the formation of the legal regime of housing in the territories that became part of the Russian Federation after 2022

Atayan A.A.

Pyatigorsk State University

The article examines the legal and institutional features of forming the housing regime in the territories that became part of the Russian Federation after 2022. The transition from Ukrainian and local legislation to the Russian legal system is analyzed, with emphasis on key challenges related to the recognition of previously established rights, heterogeneity of title documents, and the absence of a complete inventory of the housing stock. Special attention is paid to administrative barriers, such as staff shortages, infrastructural and digital difficulties, as well as to judicial practice, which plays a stabilizing role under conditions of legal uncertainty. The article demonstrates that the stability of the housing regime is achieved through the coordinated interaction of regulatory, institutional, and judicial mechanisms that ensure predictability of legal status and citizens' access to housing guarantees. The study concludes that housing policy in the new territories functions not only as an instrument of social protection, but also as an indicator of the effectiveness of state policy and the legitimacy of public institutions.

Keywords: right to housing; new territories; state policy; institutional barriers; property registration; housing legal regime; social guarantees; integration of the Russian Federation's regions.

References

1. Federal Constitutional Law of 04.10.2022 No. 5-FKZ "On the Admission of the Donetsk People's Republic to the Russian Federation and the Formation of a New Subject within the Russian Federation - the Donetsk People's Republic." Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210050005> (accessed: 02.10.2025).
2. Federal Constitutional Law of 04.10.2022 No. 6-FKZ "On the Admission of the Luhansk People's Republic to the Russian Federation and the Formation of a New Subject within the Russian Federation - the Luhansk People's Republic." Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210050006> (accessed: 02.10.2025).
3. Federal Constitutional Law of 04.10.2022 No. 7-FKZ "On the Admission of the Zaporizhzhia Oblast to the Russian Federation and the Formation of a New Subject within the Russian Federation - the Zaporizhzhia Oblast." Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210050007> (accessed: 02.10.2025).
4. Federal Constitutional Law of 04.10.2022 No. 8-FKZ "On the Admission of the Kherson Oblast to the Russian Federation and the Formation of a New Subject within the Russian Federation - the Kherson Oblast." Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210050008> (accessed: 02.10.2025).
5. Federal Law of 13.07.2015 No. 218-FZ "On State Registration of Real Estate." Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201507140007> (accessed: 02.10.2025).
6. Federal Law of 07.07.2025 No. 193-FZ "On the Specifics of Recognition in the Territory of the Russian Federation and the Validity of Documents Forming the Basis for State Registration of Rights to Real Estate..." Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507070013> (accessed: October 2, 2025).
7. Rosreestr. "Registration of real estate rights has become free since January 1, 2021 (for previously acquired rights)" (January 12, 2021). Official website of Rosreestr. URL: <https://rosreestr.gov.ru/press/archive/publications/registratsiya-prav-na-nedvizhimost-stala-s-1-yanvarya-2021-goda-besplatnoy/> (accessed: October 2, 2025).
8. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 17, 2024, No. 305-ES24-9549 in case No. A40-191216/2023. Legal Acts of the Russian Federation. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-17102024-n-305-es24-9549-po-delu-n-a40-1912162023/> (date of access: October 2, 2025).
9. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 11, 2025, No. АКПИ24-916. ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_500456/ (accessed: 02.10.2025).
10. Appellate ruling of the Appellate Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15.04.2025 No. АПЛ25-79 in case No. АКПИ24-916. Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2457828 (accessed: 02.10.2025).
11. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.07.2025 No. АКПИ25-223. ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_512599/ (accessed: 02.10.2025).
12. Order of Rosreestr dated 16.12.2020 No. P/0514 "On approval of the Procedure for maintaining the Unified State Register of Real Estate." ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375645/ (accessed: 02.10.2025).

13. Order of Rosreestr dated 20.02.2020 No. P/0149 "On approval of the Procedure for providing information contained in the Unified State Register of Real Estate." ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348777/ (accessed: 02.10.2025).
14. Rosreestr. "How the Law on Identifying Previously Acquired Rights to Real Estate Works" (explanation). Official website of Rosreestr. URL: <https://rosreestr.gov.ru/press/archive/kak-deystvuet-zakon-o-vyyavlenii-ranee-voznikshikh-prav-na-obekty-nedvizhimosti/> (accessed: 02.10.2025).
15. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.03.2025 No. 18-KG24-408-K4. Garant. URL: <https://base.garant.ru/411774023/> (accessed: 02.10.2025).

Архитектура когнитивного суверенитета: от защиты сознания к стратегическому лидерству в эпоху нейротехнологий

Нерсисян Руслан Сергеевич

независимый исследователь, ruslan_nersesyan@mail.ru

В представленной статье осуществляется комплексный анализ и синтез концепции «когнитивного суверенитета». Исследуется диалектическая эволюция данной концепции от реактивной, оборонительной парадигмы, нацеленной на защиту национального сознания от внешних манипуляций, до проактивной стратегии когнитивного лидерства, предполагающей активное проектирование будущего. В работе детально реконструируется и систематизируется многокомпонентная архитектура предлагаемого проекта, включающая его философско-методологические основания: психолиберализм, квантово-дивергентное мышление, технологический стек, который объединяет национальную операционную систему PsychOS, нейроквантовые платформы, ИИ-развиватели, трансформирующиеся социально-экономические институты и глубинную образовательную реформу. Особый акцент делается на критическом осмыслении дорожной карты практической реализации данной стратегии для Российской Федерации, анализируются потенциальные риски и вызовы, а также оценивается ее возможное влияние на формирование глобального когнитивного баланса сил в XXI веке. Статья аргументирует позицию, согласно которой данная концепция представляет собой не просто теоретический конструкт, а системный, многомерный ответ на экзистенциальные вызовы нейротехнологической революции. Предлагая модель развития, направлена на симбиотическое усиление человеческого потенциала при безусловном сохранении этических и культурных ориентиров.

Ключевые слова: когнитивный суверенитет, психолиберализм, нейротехнологии, искусственный интеллект, квантово-дивергентное мышление, PsychOS, национальная безопасность, экономика знаний, технологическое лидерство, Российская Федерация, нейроэтика, нейрогражданство, цифровая трансформация.

Современная эпоха характеризуется беспрецедентно стремительной цифровой трансформацией всех сфер человеческого бытия, которая фундаментально перекраивает устоявшиеся социальные, экономические и политические ландшафты. Эта трансформация, движимая экспоненциальным ростом вычислительных мощностей, объемов данных и сложности алгоритмов, привела к становлению новой, когнитивной фазы развития, где ключевым ресурсом и одновременно полем битвы становится человеческое сознание, мышление и внимание. Если в индустриальную эпоху доминирующими ресурсами были территория и полезные ископаемые [20, с.3], а в информационную – данные и каналы их распространения, то сегодня на авансцену истории выходит способность нации к генерации смыслов, критическому осмыслению реальности, инновационному мышлению и, что не менее важно, к защите своей ментальной автономии [4, с.5]. Этот глубинный сдвиг породил системный методологический кризис в традиционных социально-гуманитарных науках и, что особенно важно, в практике государственного управления и обеспечения национальной безопасности, которые оказались не готовы к вызовам, связанным с целенаправленным воздействием на когнитивные процессы на индивидуальном и коллективном уровне. Существующие правовые и концептуальные рамки, сфокусированные на информационной безопасности, оказываются недостаточными для противодействия изощренным технологиям нейромаркетинга, манипуляции общественным мнением через алгоритмы социальных сетей и потенциальному воздействию технологий, способных напрямую влиять на нейронные контуры головного мозга [19].

Именно в этом концептуальном вакууме и возникает масштабный интеллектуальный проект, «когнитивная сверхдержава» 1.0, 2.0, 3.0. Данный корпус текстов представляет собой не просто анализ текущей ситуации, а развернутую, детализированную попытку сконструировать новую парадигму национального и цивилизационного развития, адекватную вызовам когнитивной эпохи. Настоящая статья ставит своей основной целью синтез, критическую реконструкцию и систематизацию ключевых идей этого проекта, выстраивая целостную и логически связанную картину от его философских и аксиологических оснований до конкретных технологических решений и поэтапных дорожных карт реализации. Центральным объектом нашего анализа станет концепт когнитивного суверенитета, эволюция которого подобно живому организму проходит через три отчетливые и взаимосвязанные стадии: от оборонительной реакции на угрозы, через созидательное

раскрытие внутреннего потенциала, к архитектурному проектированию новой реальности.

В рамках данного исследования мы ставим перед собой следующие конкретные задачи:

- во-первых, всесторонне раскрыть сущность, содержание и диалектику понятия «когнитивный суверенитет», проследив его трансформацию от одной монографии к другой;
- во-вторых, подвергнуть детальному анализу философско-методологические основы предлагаемого подхода, в частности, доктрину психолиберализма и концепцию квантово-дивергентного мышления как нового когнитивного идеала;
- в-третьих, описать предлагаемую технологическую архитектуру когнитивной сверхдержавы, уделив особое внимание роли национальной операционной системы PsychOS и нейроквантового стека;
- в-четвёртых, рассмотреть предлагаемые глубинные социально-экономические и образовательные трансформации, которые должны сопровождать технологический прорыв;
- в-пятых, дать предварительную оценку предложенной дорожной карте, выявив потенциальные риски, вызовы и узкие места на пути ее практической реализации.

Концепция когнитивного суверенитета, безусловно, является стержневой, несущей конструкцией всего исследовательского и проектного замысла автора. Ее определение не является статичным, а напротив, оно демонстрирует впечатляющую динамику и смысловое обогащение от версии к версии, что отражает усложнение и углубление самого подхода, его переход от частной задачи к универсальной стратегии [11, с.1].

«Когнитивная Сверхдержава 1.0»: Оборонительная парадигма и построение когнитивного щита

В своей первоначальной версии «когнитивная сверхдержава 1.0, представляет собой базовую формулировку, которая представлена в первой монографии. Когнитивный суверенитет определяется прежде всего в терминах безопасности и обороны. Таким образом когнитивный суверенитет – это состояние защищенности национального сознания, индивидуального и коллективного мышления граждан от внешних и внутренних информационно-психологических угроз. Здесь явно доминирует оборонительный, защитный дискурс. Нация воспринимается как осажденная крепость, чье ментальное пространство подвергается постоянным атакам извне [8]. В этом контексте автор вводит количественный инструмент для диагностики ситуации, а именно «индекс полного суверенитета (ИПС)», который представляет собой комплексный показатель, агрегирующий шесть ключевых компонентов:

1. Нарративный суверенитет, который подразумевает способность формировать свои смыслы и повестку.
2. Сила внутренней идентичности.
3. Собственно когнитивный суверенитет.
4. Нарративный капитал, который накапливает смыслы и культурные коды.
5. Баланс психолиберализма.

6. Индекс геокультурного влияния. Значение этого индекса для России на момент описания оценивается в 60.5%, что указывает на наличие значительных уязвимостей. На этой, оборонительной, стадии предлагается создание мощного правового и институционального «щита» [9, с.5]. Ключевыми инициативами выступают разработка и принятие Федерального закона «О когнитивной безопасности», который должен стать правовым фундаментом для всей деятельности в этой сфере, а также создание специализированной Госкорпорации «Нейроквант», призванной консолидировать научные, технические и производственные ресурсы. Центральным технологическим элементом на этой стадии становится концепция PsychOS – национальной психолиберальной нейроквантовой операционной системы, которая задумывается как технологическая основа для защиты индивидуального и коллективного мышления, своего рода «иммунная система» национального ментального пространства.

Вторая версия концепции «когнитивной сверхдержавы 2.0» знаменует собой важнейший смысловой поворот, характеризующийся смещением фокуса с пассивной обороны на активное развитие, а также с защиты от угроз на раскрытие внутреннего потенциала. Когнитивный суверенитет здесь переопределяется как способность общества к автономному формированию и критическому осмыслению картины мира и, что является принципиально новым акцентом, к генерации инноваций и прорывных решений. Если версия 1.0 отвечала на вопрос «от чего защищаться?», то версия 2.0 отвечает на вопрос «что созидать?». Ключевым концептом, вводимым на этой стадии, становится квантово-дивергентное мышление (КДМ) – это особая когнитивная способность, позаимствовавшая свою метафорику у квантовой физики и предполагающая оперирование вероятностями, удержание в сознании взаимопротиворечащих тезисов (когнитивная суперпозиция) и генерацию не одного, а множества возможных решений для сложной проблемы.

Для измерения прогресса в развитии этой способности на национальном уровне вводится новый показатель, а именно индекс когнитивного развития (ИКР), который оценивает уже не защищенность, а именно потенциал развития, гибкостью и инновационностью национального мышления. Знаковым, для России является то, что на старте этого пути автор оценивает всего в 45 баллов из 100, что четко указывает на системный разрыв и необходимость целенаправленных, масштабных усилий по трансформации всей образовательной и социальной системы. На этой стадии PsychOS эволюционирует из инструмента защиты в платформу для персонального и коллективного развития, обретая функцию «ИИ-развивателя». «ИИ-развиватель» – это персональный когнитивный ассистент. Экономическая модель проекта также обогащается, дополняясь такими смелыми институтами, как национальная когнитивная биржа (НКБ), созданная для торговли интеллектуальными активами и концепции «когнитив-

ного рубля». Концепция «когнитивного рубля» представляет собой валюты, обеспеченные не сырьем, а интеллектуальным капиталом нации [1, с.4].

Третья версия концепции «когнитивной сверхдержавы 3.0», на сегодняшний день представлена заключительной монографией, которая завершает эту концептуальную эволюцию, выводя понятие когнитивного суверенитета на принципиально новый, архитектурный уровень. Здесь он понимается уже не просто как способность к защите или развитию, а как активная, проактивная способность нации проектировать архитектуру мышления, создавать метакогнитивные пространства и определять правила игры в когнитивную эпоху. Это переход от реакции на вызовы к их опережению и формированию желаемой реальности. Концепция расширяется до уровня нейрогражданства – новой, возникающей формы гражданской идентичности в нейротехнологическую эпоху, где традиционные права и обязанности дополняются правами на когнитивную неприкосновенность, ментальную автономию и доступ к технологиям усиления интеллекта, а обязанности включают ответственность за качество собственного мышления и участие в коллективных когнитивных процессах, например таких как нейродемократия [22, с.3]. PsychOS в этой парадигме окончательно превращается из платформы в среду, в цифровую экосистему, в «прошивку» новой социальной реальности, обеспечивающую не только безопасность и развитие, но и этическую, ценностную основу для симбиоза человека и искусственного интеллекта. Эволюцию концепции можно наглядно представить как движение от обороны границ собственного сознания к активному участию в строительстве всего когнитивного ландшафта цивилизации.

Любой масштабный проект, претендующий на трансформацию общества, должен опираться на прочный философский и методологический фундамент. Концепция автора в этом отношении не является исключением, ее концептуальный каркас уверенно покоится на двух мощных столпах. Первый столп представляет собой социально-философский принцип психолиберализма, а второй столп характеризуется когнитивно-методологическим принципом квантово дивергентного мышления.

Психолиберализм представляет собой синтез свободы и безопасности в условиях нейротехнологий [21, с.14] и позиционируется автором как новая, адекватная вызовам времени идеология, преодолевающая изъяны как классического либертарианского либерализма с его абсолютизацией индивидуальной свободы при минимизации роли государства, так и различные формы тоталитаризма и авторитаризма, подавляющие личность во имя коллективных интересов [10, с.4]. По своей сути, это принцип динамического, постоянно пересматриваемого оптимума, поиск тонкого баланса между незыблемой защитой когнитивной автономии личности, свободой информации и необходимым, но строго дозированным государственным регулированием, направленным на обеспечение коллективной когни-

тивной безопасности. Этот баланс не является застывшим, он требует постоянной калибровки в зависимости от контекста и уровня технологических угроз. Базовые принципы психолиберализма, детализируемые в третьей монографии, включают в себя:

- когнитивный суверенитет личности, представляющий фундаментальное право человека на полный контроль над собственным сознанием, ментальными данными и нейрографикой, а также дающий право на «ментальную неприкосновенность»;
- нейроэтическая пропорциональность, включающая требование, согласно которому любое вмешательство в сознание будь то со стороны государства или корпораций должно быть строго обосновано, сведено к минимально необходимой мере и быть пропорциональным величине угрозы;
- технологическая синергия, занимается установкой на то, что технологии должны не подменять человека, а усиливать его природные способности, действуя с ним в партнерстве;
- когнитивное разнообразие, осуществляет признание и поддержку различных стилей, типов и культурных моделей мышления как общественного блага, повышающего устойчивость и адаптивность всей социальной системы. Таким образом, психолиберализм предлагает изящный, хотя и чрезвычайно сложный в практической реализации, ответ на ключевую дилемму цифровой эпохи: каким образом предотвратить манипуляцию сознанием и обеспечить коллективную безопасность, не скатываясь при этом в цензуру, тотальную слежку и цифровой тоталитаризм.

Если психолиберализм задает социально-политическую рамку, то квантово дивергентное мышление предлагает конкретный когнитивный инструментарий для жизни и деятельности внутри этой рамки [12, с.2]. КДМ представляется как насущная замена устаревшему, линейному, бинарному мышлению, унаследованному от индустриальной эпохи с ее детерминированными производственными процессами. Оно базируется на плодотворных аналогиях с принципами квантовой физики, например такими как суперпозиция, вероятность, нелокальность и предполагает формирование у человека и коллектива целого набора компетенций. Среди компетенций преобладают:

- когнитивная гибкость, представляющая собой способность быстро и легко переключаться между разными ментальными моделями, перспективами и стратегиями решения задач [5, с.3];
- системное мышление, которое представляет видение не отдельных элементов, а целостных паттернов, связей и обратных петель в сложных системах [17, с.3];
- толерантность к неопределенности и неоднозначности, включает способность сохранять продуктивность и не впадать в когнитивный диссонанс в условиях отсутствия однозначных ответов и четких инструкций;
- инновационный потенциал, характеризуется способностью к генерации не одного «верного» решения, а широкого спектра возможных, в том числе

и парадоксальных, решений, с последующим «коллапсом» этого спектра в наиболее оптимальный вариант в момент принятия решения [7, с.2].

Практический «алгоритм КДМ», представленный во второй концепции, является шагом в направлении операционализации этой высокой концепции, предлагая конкретные методики и упражнения для формирования такого мышления на индивидуальном и коллективном уровне. Таким образом, развитие КДМ становится не просто факультативной задачей, а центральной, стержневой миссией обновленной системы образования и корпоративной культуры в рамках проекта когнитивной сверхдержавы.

Без детально проработанного технологического стека вся концепция оставалась бы умозрительной философской конструкцией. Сильной стороной данного проекта является именно его глубокая технологическая проработка, предлагающая многоуровневую, целостную архитектуру, которую можно обозначить как «нейроквантовый стек суверенитета». Данная инфраструктура представляет собой четырехступенчатую пирамиду, где каждый последующий уровень надстраивается над предыдущим, обеспечивая синергетический эффект.

Первый, базовый уровень получил название «квантовая инфраструктура». Он включает в себя разработку и развертывание отечественных квантовых процессоров, создание защищенных квантовых каналов связи и специализированных нейросетевых ускорителей. Задача этого уровня состоит в том, чтобы обеспечить технологический суверенитет в области «железа» и фундаментальных вычислений, предоставив неуязвимость для классических кибератак и обеспечив вычислительную мощность, необходимую для работы сложнейших нейросетей и моделирования когнитивных процессов.

Второй уровень называется «нейроинтерфейсная платформа». Это уровень взаимодействия между человеком и цифровой средой. Речь идет о создании неинвазивных, безопасных и массовых интерфейсов «мозг-компьютер» (BCI), которые позволят осуществлять прямой ввод и вывод информации, производить биометрическую аутентификацию по уникальным паттернам энцефалограммы, а также открывают возможности для персонализированных нейротренажеров, направленных на развитие тех самых навыков КДМ.

Третий уровень получил название «когнитивная операционная система» (PsychOS). Это сердце всей архитектуры, децентрализованная платформа, объединяющая все нижележащие уровни. На этом уровне PsychOS реализует свои ключевые функции, потому как выступает как персональный когнитивный ассистент (ИИ-развиватель), как система непрерывного мониторинга ментального здоровья и психофизиологического состояния, осуществляет работу нейротехнологического контроллера, следящего за соблюдением границ вмешательства в сознание, и как платформа для новых форм коллективного управления – нейродемократии [6, с.5].

Четвертый, верхний уровень автор назвал «искусственный интеллект с культурным кодом». Это уровень «софта» и смыслов. Его задача состоит в

создании русскоязычных больших языковых моделей и систем поддержки принятия решений, в алгоритмы в которых изначально, на архитектурном уровне заложены российские ценностные, этические и культурные ориентиры. Это призвано предотвратить культурную и ментальную колонизацию со стороны западных AI-моделей, неявно транслирующих чуждые ценностные установки и логики.

Ключевые технологические компоненты и драйверы развития базируются на следующих аспектах:

- PsychOS проходит собственную эволюцию: от национальной системы кибербезопасности и психологической защиты она превращается в «операционную систему для человечества», среду, обеспечивающую синергию и коэволюцию естественного и искусственного интеллекта;

- ИИ-развиватель, представляет собой персонального агента, работающего на платформе PsychOS, который проводит глубокую диагностику когнитивных паттернов и «слепых зон» пользователя и в реальном времени генерирует персональные задачи, квесты и симуляции, направленные на развитие навыков квантово-дивергентного мышления;

- госкорпорация «нейроквант», выступающая институциональным драйвером всего технологического прорыва. «Нейроквант» предлагает к созданию центральный институт развития, который должен консолидировать под своей эгидой все исследовательские, опытно-конструкторские и производственные мощности в этой сфере. Автор видит ее как третьего, недостающего «кита» российского технологического суверенитета, вставшего в один ряд с такими гигантами, как Роскосмос и Росатом [3, с.2]. «Нейроквант» призван взять на себя контроль над информацией и сознанием как новыми стратегическими ресурсами.

Глубинные технологические изменения не могут не повлечь за собой соответствующих трансформаций в экономическом базисе и социальной надстройке, прежде всего в системе образования. Проект когнитивной сверхдержавы предполагает здесь не эволюцию, а настоящую революцию. Автор планирует осуществить стратегический переход от сырьевой, ресурсной экономики к экономике, где основным производительным капиталом и источником добавленной стоимости является качество мышления, интеллектуальные активы и когнитивные способности человека. Для функционирования этой новой экономики проектируются принципиально новые институты. Национальная когнитивная биржа (НКБ) – это платформа для торговли не традиционными товарами или ценными бумагами, а интеллектуальными активами нового типа. На ней могут котироваться и продаваться паттерны решения сложных задач, оригинальные алгоритмы, дизайнконцепции, валидированные научные гипотезы, концептуальные модели и даже предсказательные сценарии. Когнитивный рубль – это цифровая валюта, принципиально отличная от всех существующих. Ее обеспечением служит не золотой запас или экспорт нефти и газа, а совокупный когнитивный капитал

нации, измеряемый через метрики ИКР, объемы интеллектуального экспорта и инновационную активность. Ее эмиссия привязана к росту этих качественных показателей. Естественно, такая трансформация породит и новые профессии, и упадок старых. На авансцену выйдут нейроаналитики когнитивных рынков, архитекторы метакогнитивных пространств, трейдеры интеллектуальных активов, консультанты по когнитивной гигиене. Одновременно с этим будет происходить быстрое снижение профессий, связанных с рутинными когнитивными операциями, работой с жестко структурированной информацией, а также традиционных менеджеров среднего звена, чьи функции будут все более делегироваться системам ИИ [13, с.8].

Трансформация системы образования рассматривается как ключевое, критически важное условие для массового внедрения квантово-дивергентного мышления и подготовки кадров для когнитивной экономики. Эта революция предполагает несколько взаимосвязанных изменений. Во-первых, введение принципиально новой дисциплины под названием «искусство управления сложностью», которая должна стать стержневой, сквозной для всей образовательной вертикали от школы до вуза. Этот предмет будет интегрировать в себе теорию сложных адаптивных систем, основы КДМ, практику работы с неопределенностью, методы системного моделирования и сценарного прогнозирования. Во-вторых, происходит кардинальная смена роли учителя и преподавателя. Модель «учителя транслятора», чья основная функция заключается в передаче суммы знаний, признается устаревшей. Ей на смену приходит модель «учителя-навигатора», который выступает в роли фасилитатора, метакогнитивного гида, помогающего ученику выстраивать индивидуальную образовательную траекторию, учитель становится архитектором образовательных сред, провокатором сложных вопросов и эмоциональным навигатором, помогающим справляться с когнитивными перегрузками и неопределенностью. В-третьих, сама система образования должна превратиться в систему непрерывного пожизненного развития, где традиционные этапы (школа, вуз, работа) сливаются в единый поток. Это будет обеспечиваться за счет создания нейроинкубаторов для взрослых, программ когнитивной реабилитации и переподготовки, а также корпоративных образовательных экосистем, встроенных непосредственно в рабочий процесс [2, с.4].

Любой грандиозный проект требует не только концептуального видения, но и четкого плана реализации, трезвой оценки рисков и понимания своего места в глобальном контексте. Стратегия реализации для России: поэтапное движение к цели приблизительно до 2050 года. Автор предлагает детальную дорожную карту, растянутую до середины XXI века и разбитую на три крупных этапа.

Первый этап условно 2025-2028/2030 годы является «подготовительным или институциональным». Его основное содержание это создание необходимой нормативно-правовой базы, в которую входит принятие законов «О когнитивной безопасности»,

«О развитии квантовых и нейроквантовых технологий», формирование ключевых институтов, таких как: учреждение Госкорпорации «Нейроквант», возможно, создание профильного министерства, начало масштабной переподготовки педагогических кадров и запуск пилотных проектов по внедрению элементов PsychOS и КДМ в ведущих госкорпорациях и вузах. Ключевой KPI этого этапа имеет охват не менее 30% педагогического состава новыми методиками и начало формирования общественного запроса на изменения.

Второй этап 2029-2032/2035 годы характеризуется как «этап активного внедрения и масштабирования». Это фаза массового внедрения, включающая: развертывание национальной инфраструктуры PsychOS, переход на новые образовательные стандарты в большинстве школ страны, официальный запуск национальной когнитивной биржи и начало оборота когнитивного рубля в тестовом режиме. Целевые показатели этого этапа характеризуются выходом России на уровень ИКР в 75/100 баллов и увеличением доли когнитивного сектора в ВВП страны до 15%.

Третий этап 2033+/2040+-2050 годы получил название «этап системной зрелости и глобальной архитектуры». На этой стадии происходит полная интеграция технологий когнитивного суверенитета в повседневную жизнь, система начинает развиваться автономно, генерируя самовоспроизводящийся инновационный цикл. Россия совершает переход от задачи внутреннего развития к активному глобальному влиянию, экспортируя свои технологические стандарты такие как: открытые версии PsychOS, образовательные методики КДМ и выступает инициатором и ключевым архитектором международных конвенций по когнитивным правам, нейроэтике и регулированию технологий искусственного интеллекта [16].

Автор отдает себе отчет в том, что столь масштабный проект сопряжен с колоссальными рисками, и предлагает некоторые подходы к их смягчению. Среди технологических рисков можно выделить следующие:

- возникновение тотальной зависимости общества от создаваемой системы PsychOS;
- возможность фатальных сбоев в ее работе;
- ошибки в алгоритмах ИИ, принимающих решения, влияющие на сознание. Исходя из вышеперечисленных рисков меры противодействия включают в себя: поэтапное, осторожное внедрение данной системы с длительным периодом пилотирования, создание аналоговых «аварийных» протоколов, встроенные в архитектуру системы многоуровневые нейроэтические контроллеры и системы человеческого надзора.

Социальные риски характеризуются сопротивлением и изменениями со стороны консервативной части общества, рисками углубления социального неравенства до состояния «когнитивного апартеида», когда элита, обладающая доступом к технологиям усиления, будет несоизмеримо могущественнее остальных. Меры противодействия социальных рис-

ков включают в себя: организацию широкой, открытой общественной дискуссии о целях и средствах проекта, законодательное закрепление принципа всеобщего доступа к базовым возможностям PsychOS и нейротехнологиям как социального права, программы поддержки для отстающих групп.

Международные риски характеризуются технологическими санкциями, информационной войной, обвинениями в создании инструментов для цифрового тоталитаризма, давлением с целью отказа от суверенного технологического пути. Меры противодействия международным рискам базируются на активной публичной дипломатии, разъяснение гуманистической и защитной составляющей проекта, диверсификацией международных партнерств в рамках БРИКС, ШОС, сотрудничеством со странами, заинтересованными в сохранении своего культурного суверенитета [15].

Стратегия России в рамках этого проекта не должна быть изоляционистской. Напротив, она предполагает активную внешнюю экспансию, но не силовую, а ценностно-технологическую. Речь идет о создании «когнитивного пояса» некой растущей сети стран-партнеров, в которую по задумке автора войдут государства ЕАЭС и СНГ, затем БРИКС и другие страны Азии, Африки и Латинской Америки. Страны будут принимать российские технологические стандарты, а именно открытые версии PsychOS, образовательные методики КДМ и нормативные подходы к регулированию нейротехнологий. Это позволит сформировать мощный альтернативный полюс влияния в противовес доминирующим сегодня западным цифровым платформам и обеспечить реальную, а не декларативную, многополярность именно в ключевой, когнитивной сфере глобальной конкуренции. Россия в этой перспективе видится не как осажденная крепость, а как центр притяжения и архитектор новой, более справедливой и сбалансированной когнитивной архитектуры мира.

Концепция «когнитивной сверхдержавы» представляет собой, один из наиболее амбициозных, комплексных и структурно целостных проектов национального и цивилизационного развития, предложенных в современной российской общественно-политической и философской мысли. Это не просто узкотехническая теория информационной или кибербезопасности, а масштабная, многомерная философская, технологическая и социально-экономическая парадигма, предлагающая системный ответ на целый комплекс экзистенциальных вызовов, порожденных нейротехнологической революцией и переходом в когнитивную эпоху.

Сильной, отличительной стороной данной концепции является ее тотальная системность, следовательно, она не заикливается на одном аспекте, но пытается связать в единый, взаимосвязанный узел развитие прорывных технологий, глубинные антропологические трансформации через образование и формирование КДМ. Концепция автора создает принципиально новые экономические институты и вырабатывает адекватную международную

стратегию. Предложенные ключевые концепты такие как психолиберализм и квантово-дивергентное мышление являются не просто удачными неологизмами, а предлагают оригинальные, продуктивные подходы к решению фундаментальных дилемм современности. Они дают гарантию свободы личности и безопасности общества, между технологической эффективностью и человеческими ценностями, между необходимостью быстрых решений и сложностью окружающего мира [18].

Вместе с тем, при всей своей концептуальной стройности и внутренней логике, проект неминуемо сталкивается с рядом колоссальных вызовов на пути своей практической реализации. Это, прежде всего, вызовы экономического и ресурсного порядка, которые автор детально описал в своих трудах «Когнитивный Цит», «Русский Нейронет». Все вызовы современности имеют предполагаемые бюджеты в триллионы рублей, что требует беспрецедентной концентрации финансовых и административных ресурсов в условиях и без того напряженной экономической ситуации. Это вызовы институциональные и культурные необходимость преодоления которых требует глубокой инерции существующей бюрократической системы, консерватизма академической и образовательной среды, а также просто неготовности значительной части населения к столь радикальным изменениям образа жизни и мысли. Стоит отметить, что это самые серьезные этические риски и вызовы, связанные с созданием всепроникающей системы мониторинга и потенциального воздействия на сознание PsychOS. Это риски возникновения нового, невиданного ранее вида такого как когнитивное неравенство, а также опасность утраты спонтанности, непредсказуемости и той самой «человечности», которую проект, по его заявлениям, призван защитить [14].

Исходя из вышеизложенного автор статьи приходит к выводу, что окончательный успех или неудача этого проекта будут зависеть не только от технологических прорывов, сколько от способности его потенциальных реализаторов обеспечить подлинно инклюзивный общественный договор, основанный на доверии, прозрачности, добровольном участии граждан и непрерывном публичном обсуждении этических границ. Самая большая ценность работы заключается в том, что она задает новый, богатый концептуальный язык и стратегическую рамку для обсуждения проблем национального суверенитета, технологического развития и будущего человека в XXI веке. Она предлагает такую стратегическую перспективу, в которой технологическое развитие направлено не на вытеснение или подмену человека, а на симбиотическое усиление его когнитивного, творческого и духовного потенциала. Вопрос о том, является ли эта амбициозная картина будущего реализуемой утопией или пророческим проектом, пока остается открытым. Однако уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что ее концептуальная мощь, системный масштаб и смелость видения делают ее одним из наиболее значимых и провокационных явлений в современной интеллектуальной дискуссии о судьбах России и траектории

развития человечества в наступающую эпоху искусственного интеллекта.

Литература

1. Авдеева З.К., Коврига С.В., Макаренко Д.И., Максимов В.И. Когнитивный подход в управлении / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyy-podhod-v-upravlenii> (дата обращения: 13.10.2025).
2. Антонов А.Г., Байбарина Е.Н. Культура использования инкубаторов / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-ispolzovaniya-inkubatorov> (дата обращения: 13.10.2025).
3. Аштаева С.С. Госкорпорации в современной России: функции, структура и особенности деятельности / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/goskorporatsii-v-sovremennoy-rossii-funktsii-struktura-i-osobennosti-deyatelnosti> (дата обращения: 13.10.2025).
4. Баргова Е.В. Информационная эпоха и современное общество / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-epoha-i-sovremennoe-obschestvo> (дата обращения: 13.10.2025).
5. Бызова М.В., Перикова Е.И. Гибкость мышления как когнитивный ресурс психологического здоровья молодежи / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibkost-myshleniya-kak-kognitivnyy-resurs-psihologicheskogo-zdorovya-molodezhi> (дата обращения: 13.10.2025).
6. Гилев А.А. Систематизация когнитивных операций / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistematizatsiya-kognitivnyh-operatsiy> (дата обращения: 13.10.2025).
7. Гуреев П.М., Гришин В.Н. Инновационный потенциал: проблемы определения и оценки / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-potentsial-problemy-opredeleniya-i-otsenki> (дата обращения: 13.10.2025).
8. Изгарская А.А. Когнитивная безопасность как новая научная дисциплина и инструмент обеспечения национального суверенитета России / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.socionauki.ru/journal/psicles/3801770/> (дата обращения: 13.10.2025).
9. Капогузов Е.А., Шерешева М.Ю. От импортозамещения к технологическому суверенитету: содержание дискурса и возможности нарративного суверенитета / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-importozamescheniya-k-tehnologicheskomu-suverenitetu-soderzhanie-diskursa-i-vozmozhnosti-narrativnogo-analiza> (дата обращения: 13.10.2025).
10. Карнаушенко Л.В. Либертарианство как политико-правовой феномен / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/libertarianstvo-kak-politiko-pravovoy-fenomen> (дата обращения: 13.10.2025).
11. Колодкин Н.Г. Основные парадигмы исследований концепции когнитивной войны / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-paradigmy-issledovaniy-kontseptsii-kognitivnoy-voyny> (дата обращения: 13.10.2025).
12. Куликова Т.Ю. Дивергентное или конвергентное мышление ведет в будущее? / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/divergentnoe-ili-konvergentnoe-myshlenie-vedet-v-budushee> (дата обращения: 13.10.2025).
13. Локтионова Е.А. Когнитивная модель национального финансового рынка: особенности построения и возможности использования для оценки безопасности его функционирования / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-model-natsionalnogo-finansovogo-rynka-osobennosti-postroeniya-i-vozmozhnosti-ispolzovaniya-dlya-otsenki-bezopasnosti> (дата обращения: 13.10.2025).
14. Нерсисян Р.С. Когнитивная сверхдержава / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/kognitivnaya-sverhderzhava-72469834/?ysclid=mfdu67k2oy983686764> (дата обращения: 16.10.2025).
15. Нерсисян Р.С. Когнитивный суверенитет и эволюция государственности в цифровую эпоху: от защиты сознания к когнитивной демократии и когнитивному государству / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/20735> (дата обращения: 16.10.2025).
16. Никишин В.Д. Правовое обеспечение медиабезопасности и когнитивного суверенитета: вызовы социальной инженерии, гибридных войн и механизмов / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexrussia.msal.ru/jour/article/view/4106/1591> (дата обращения: 13.10.2025).
17. Панов А.В., Федорова М.А. Формирование системного мышления / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sistemnogo-myshleniya> (дата обращения: 13.10.2025).
18. Полищук А.В. Машины времени: современное состояние развития и перспективы / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mashiny-vremeni-sovremennoe-sostoyanie-razvitiya-i-perspektivy> (дата обращения: 20.09.2025).
19. Поярков С.Ю. Трансформация конституционализма в современном обществе: концептуальные основания / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74044 (дата обращения: 13.10.2025).
20. Смолькин А.Е., Буйнов В.Н. Индустриальные революции и их особенности / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/industrialnye-revolutsii-i-ih-osobennosti> (дата обращения: 13.10.2025).

21. Филиппова И.А. Нейротехнологии: развитие, применение на практике и правовое регулирование / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyrotehnologii-razvitie-primenenie-na-praktikei-pravovoe-regulirovanie> (дата обращения: 13.10.2025).

22. Фурс С.П. Влияние технологий искусственного интеллекта на демократические процедуры / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-na-demokraticheskie-protsedury> (дата обращения: 13.10.2025).

The Architecture of Cognitive Sovereignty: from Consciousness Protection to Strategic Leadership in the Age of Neurotechnology **Nersesyan R.S.**

The presented article provides a comprehensive analysis and synthesis of the concept of "cognitive sovereignty". The article examines the dialectical evolution of this concept from a reactive, defensive paradigm aimed at protecting national consciousness from external manipulation to a proactive cognitive leadership strategy involving active future planning. The paper reconstructs and systematizes in detail the multicomponent architecture of the proposed project, including its philosophical and methodological foundations: psycholiberalism, quantum divergent thinking, a technological stack that combines the national PsychOS operating system, neuroquant platforms, AI developers, transforming socio-economic institutions and deep educational reform. Special emphasis is placed on a critical understanding of the roadmap for the practical implementation of this strategy for the Russian Federation, potential risks and challenges are analyzed, and its possible impact on the formation of a global cognitive balance of power in the 21st century is assessed. The article argues for the position that this concept is not just a theoretical construct, but a systemic, multidimensional response to the existential challenges of the neurotechnological revolution. Offering a model of development, it is aimed at symbiotic strengthening of human potential while unconditionally preserving ethical and cultural guidelines. The publication of the article invites readers to further discussion with the author.

Keywords: cognitive sovereignty, psycholiberalism, neurotechnology, artificial intelligence, quantum divergent thinking, PsychOS, national security, knowledge economy, technological leadership, Russian Federation, neuroethics, neuro citizenship, digital transformation.

References

1. Avdeeva Z.K., Kovriga S.V., Makarenko D.I., Maksimov V.I. Cognitive approach to management / [Electronic resource]. - Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyy-podhod-v-upravlenii> (accessed: 13.10.2025).
2. Antonov A.G., Baibarina E.N. The culture of using incubators / [Electronic resource]. - Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-ispolzovaniya-inkubatorov> (accessed: 13.10.2025).
3. Ashtaeva S.S. State corporations in modern Russia: functions, structure and features of activities / [Electronic resource]. - Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/goskorporatsii-v-sovremennoy-rossii-funktsii-struktura-i-osobennosti-deyatelnosti> (Accessed: 13.10.2025).
4. Bagrova E.V. The Information Age and Modern Society / [Electronic resource]. - Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-epocha-i-sovremennoe-obschestvo> (Accessed: 13.10.2025).
5. Byzova M.V., Perikova E.I. Flexibility of Thinking as a Cognitive Resource of Youth Psychological Health / [Electronic resource]. - Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibkost-myshleniya-kak-kognitivnyy-resurs-psihologicheskogo-zdorovya-molodezhi> (Accessed: 13.10.2025).
6. Gilev A.A. Systematization of cognitive operations / [Electronic resource]. - Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistematizatsiya-kognitivnyh-operatsiy> (Accessed: 13.10.2025).

7. Gureev P.M., Grishin V.N. Innovative potential: problems of definition and assessment / [Electronic resource]. - Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-potentsial-problemy-opredeleniya-i-otsenki> (Accessed: 13.10.2025).
8. Izgarskaya A.A. Cognitive Security as a New Scientific Discipline and a Tool for Ensuring Russia's National Sovereignty / [Electronic resource]. - Available at: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/3801770/> (Accessed: 13.10.2025).
9. Kapoguzov E.A., Sheresheva M.Yu. From Import Substitution to Technological Sovereignty: The Content of Discourse and the Potential of Narrative Sovereignty / [Electronic resource]. - Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-importozamesheniya-k-tehnologicheskomu-suverenitetu-soderzhanie-diskursa-i-vozmozhnosti-narrativnogo-analiza> (Accessed: 13.10.2025).
10. Karnaushenko L.V. Libertarianism as a Political and Legal Phenomenon / [Electronic resource]. - Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/libertarianstvo-kak-politiko-pravovoy-fenomen> (Accessed: 13.10.2025).
11. Kolodkin N.G. Main Paradigms of Research into the Concept of Cognitive Warfare / [Electronic resource]. - Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-paradigmy-issledovaniy-kontseptsii-kognitivnoy-voyny> (date of access: 13.10.2025).
12. Kulikova T. Yu. Divergent or convergent thinking leads to the future? / [Electronic resource]. - Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/divergentnoe-ili-konvergentnoe-myshlenie-vedet-v-budushee> (date of access: 13.10.2025).
13. Loktionova E. A. Cognitive model of the national financial market: features of construction and possibilities of use for assessing the security of its functioning / [Electronic resource]. - Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-model-natsionalnogo-finansovogo-rynka-osobennosti-postroeniya-i-vozmozhnosti-ispolzovaniya-dlya-otsenki-bezopasnosti> (Accessed: 13.10.2025).
14. Nersesyan R.S. Cognitive Superpower / [Electronic resource]. - Available at: <https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/kognitivnaya-sverhderzhava-72469834/?ysclid=mfdud67k2oy983686764> (Accessed: 16.10.2025).
15. Nersesyan R.S. Cognitive Sovereignty and the Evolution of Statehood in the Digital Age: From the Protection of Consciousness to Cognitive Democracy and the Cognitive State / [Electronic resource]. - Access mode: <https://universum.com/ru/social/archive/item/20735> (date of access: 16.10.2025).
16. Nikishin V.D. Legal Support for Media Security and Cognitive Sovereignty: Challenges of Social Engineering, Hybrid Wars and Mechanisms / [Electronic resource]. - Access mode: <https://lexrussia.msal.ru/jour/article/view/4106/1591> (date of access: 13.10.2025).
17. Panov A.V., Fedorova M.A. Formation of Systems Thinking / [Electronic resource]. - Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovaniye-sistemnogo-myshleniya> (Accessed: 13.10.2025).
18. Polischuk A.V. Time Machines: Current State of Development and Prospects / [Electronic resource]. - Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mashiny-vremeni-sovremennoe-sostoyaniye-razvitiya-i-perspektivy> (Accessed: 20.09.2025).
19. Poyarkov S.Yu. Transformation of Constitutionalism in Modern Society: Conceptual Foundations / [Electronic resource]. - Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74044 (Accessed: 13.10.2025).
20. Smolkin A.E., Buinov V.N. Industrial revolutions and their features / [Electronic resource]. - Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/industrialnye-revolutsii-i-ih-osobennosti> (date of access: 13 October 2025).
21. Filippova I.A. Neurotechnologies: Development, Practical Application, and Legal Regulation / [Electronic resource]. - Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyrotehnologii-razvitie-primenenie-na-praktikei-pravovoe-regulirovanie> (date of access: 13 October 2025).
22. Furs S.P. The Impact of Artificial Intelligence Technologies on Democratic Procedures / [Electronic resource]. - Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-na-demokraticheskie-protsedury> (date of access: 13.10.2025).

Актуальные проблемы и вызовы в реализации молодёжной политики: сравнительный анализ России и Республики Беларусь

Досаев Тимур Ханович

студент кафедры сравнительной политологии, Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, conoharendan@mail.ru

Досаев Эмиль Ханович

студент кафедры государственной и муниципальной службы, Государственного университета просвещения, teo.done@bk.ru

Статья посвящена компаративному анализу систем государственной молодёжной политики Российской Федерации и Республики Беларусь. В фокусе исследования находится фундаментальная проблема нарастающего разрыва между сложившимися государственно-центричными, патерналистскими моделями управления и реальными социально-экономическими, ценностными и коммуникационными запросами современной молодёжи. На основе анализа нормативно-правовой базы, институциональных структур и практик реализации выявляются общие и специфические вызовы, стоящие перед обеими странами. Автор приходит к выводу, что ключевыми проблемами являются формализм имплементируемых мер, трудности в обеспечении эффективной социально-экономической интеграции молодёжи и низкая результативность существующих механизмов гражданского участия. В качестве путей решения предлагается переход от событийно-массовой к проектно-сервисной модели, внедрение качественно новых критериев оценки эффективности и развитие механизмов поддержки низовых молодёжных инициатив.

Ключевые слова: молодёжная политика, Россия, Республика Беларусь, сравнительный анализ, участие молодёжи, социально-экономическая интеграция, государственные программы, патриотическое воспитание, цифровизация, Союзное государство, институциональный разрыв.

Введение

Молодёжь как социально-демографическая группа является не только объектом социального попечения, но и стратегическим ресурсом развития любого государства, носителем его будущего интеллектуального, экономического и культурного потенциала. В этом контексте эффективность государственной молодёжной политики (ГМП) приобретает характер одного из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности и долгосрочной конкурентоспособности. Особую актуальность данный вопрос имеет для Российской Федерации и Республики Беларусь – стран, связанных тесными интеграционными процессами в рамках Союзного государства и сталкивающихся со схожими демографическими и геополитическими вызовами. Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых отдельным аспектам ГМП в каждой из стран, ощущается дефицит комплексных компаративных работ, сфокусированных не на описании структур, а на анализе глубинных проблем и противоречий их функционирования.

Центральная проблема, исследуемая в данной статье, заключается в нарастающем рассогласовании между институциональной рамкой ГМП, унаследованной во многом патерналистские и централизованные подходы, и субъектностью самой молодёжи, чьи жизненные стратегии, ценностные ориентации и модели коммуникации формируются в условиях глобализации и цифровой трансформации. Данное рассогласование порождает ряд негативных следствий: отчуждение молодёжи от государственных институтов, снижение эффективности бюджетных расходов, формализация патриотического и гражданского воспитания, а также усиление рисков «утечки умов» и социальной апатии. Целью настоящей работы является проведение сравнительного анализа практик реализации молодёжной политики в России и Беларуси для выявления ключевых проблемных зон и формулирования научно обоснованных направлений их модернизации. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ нормативно-правовых и институциональных основ ГМП двух стран; сопоставление подходов к решению ключевых задач в сфере социально-экономической поддержки и гражданского вовлечения молодёжи; выявление общих и специфических вызовов, связанных с цифровизацией и изменением ценностных установок; разработка рекомендаций по повышению адаптивности и результативности ГМП. Методологическую основу исследования составили системный и институциональный подходы, сравнительный анализ, а также анализ нормативных документов и данных социологических исследований.

Основной анализ

Сравнительный анализ систем молодёжной политики России и Беларуси обнаруживает значительное сходство на уровне целеполагания и нормативно-правового оформления. В обеих странах приняты профильные законы (Федеральный закон РФ «О молодёжной политике в Российской Федерации» № 489-ФЗ и Закон РБ «Об основах государственной молодёжной политики»), которые определяют близкие по содержанию приоритетные направления: патриотическое воспитание, поддержка талантливых молодёжи, содействие занятости, формирование здорового образа жизни, поддержка молодых семей. Институциональная архитектура также имеет общие черты, базируясь на модели государственного управления, где ключевую роль играют специализированные органы исполнительной власти (в России – Федеральное агентство по делам молодёжи «Росмолодёжь», в Беларуси функции распределены преимущественно между Министерством образования и другими ведомствами) и крупные, поддерживаемые государством молодёжные общественные объединения. Однако за этой фасадной схожестью скрываются глубокие системные проблемы имплементации, анализ которых позволяет выявить узловые точки неэффективности¹.

Первой и, возможно, наиболее существенной проблемой является доминирование событийно-ориентированного подхода и сопряжённый с ним формализм. Деятельность органов по делам молодёжи в обеих странах в значительной степени сводится к организации и проведению массовых мероприятий: форумов, фестивалей, слётов, акций². Оценка эффективности такой работы производится преимущественно по количественным показателям: число участников, количество проведённых мероприятий, объём информационного освещения. Такой подход, удобный для бюрократической отчётности, имеет ряд фундаментальных изъянов.

Во-первых, он не позволяет оценить реальный, качественный эффект воздействия на целевую аудиторию – изменение установок, приобретение устойчивых компетенций, решение конкретной жизненной проблемы молодого человека. Во-вторых, он стимулирует «погоню за охватом», что часто приводит к принудительному или полупринудительному вовлечению студентов и работников бюджетной сферы, дискредитируя саму идею добровольного участия. В Беларуси эта проблема усугубляется высокой степенью централизации и ключевой ролью ОО «Белорусский республиканский союз молодёжи» (БРСМ) как главного оператора ГМП, что создаёт риски монополизации повестки и дальнейшей

бюрократизации. В России, при большем многообразии акторов, грантовая система «Росмолодёжи», несмотря на её позитивную роль в поддержке инициатив, также порождает специфический вид формализма – «проектную упаковку» деятельности под заранее определённые критерии и KPI, что не всегда соответствует реальным потребностям на местах³.

Вторая сквозная проблема – недостаточная эффективность механизмов социально-экономической интеграции молодёжи. Несмотря на декларирование поддержки занятости и предпринимательства, на практике молодые люди в обеих странах сталкиваются с системными барьерами. Ключевой из них – разрыв между системой образования и требованиями рынка труда. Образовательные учреждения зачастую продолжают готовить специалистов по устаревшим программам, в то время как экономика требует новых, в том числе «гибких» (soft skills) и цифровых, компетенций. Государственные программы содействия занятости (ярмарки вакансий, стажировки) носят локальный характер и не решают системной проблемы структурного несоответствия⁴.

Поддержка молодёжного предпринимательства также сталкивается с трудностями.

В России существует разветвлённая инфраструктура (центры «Мой бизнес», гранты), но молодые предприниматели указывают на высокие административные барьеры, сложность получения стартового капитала вне грантовых конкурсов и недостаток менторской поддержки⁵. В Беларуси система поддержки более централизована и, возможно, менее масштабна, что также ограничивает её влияние на общую ситуацию. Отдельно стоит жилищный вопрос, являющийся острейшим для молодых семей в обеих странах.

Существующие программы льготного кредитования и субсидирования (например, программы «Молодая семья» в РФ, система льготного кредитования в РБ) безусловно важны, но их эффективность снижается из-за высоких цен на недвижимость, сложных критериев отбора и недостаточного объёма финансирования, что делает их доступными лишь для ограниченного круга лиц. В результате значительная часть молодёжи откладывает создание семьи и рождение детей, что прямо влияет на демографическую ситуацию.

Третий комплекс проблем связан с механизмами гражданского участия и самореализации молодёжи. В обеих странах созданы формальные институты для представительства интересов молодёжи: молодёжные парламенты, советы при органах власти, иные консультативно-совещательные структуры. Однако их реальное влияние на процесс принятия

¹ Вакуленко Г.А. Представительная демократия как фактор развития гражданского общества (вопросы теории и практики) / Г.А. Вакуленко. - Саратов: авто-реф. дис. канд. юрид. наук, 2013 г. - С. 31

² Кочетков А.В. Теория правового регулирования государственной молодёжной политики в России / А.В. Кочетков. - СПб.: авто-реф. дис. д-ра юрид. наук., 2014 г. - С. 46

³ Сафонова А. С. Молодежная политика и молодежь в политике: зарубежный опыт. Учебное пособие -Мск., Изд-во «Грамота». 2013. С. 173

⁴ Суржикова О.В. Молодежная политика и проблемы студенчества // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. 2016. № 7. С. 153-

⁵ Долгова А.Н. Современное общество и молодежная политика // Актуальные концепции развития гуманитарных и естественных наук: экономические, социальные, философские, политические, правовые, аспекты материалы международной научно-практической конференции. 2016. С. 12

решений зачастую минимально. Эти структуры нередко воспринимаются самой молодёжью как «декоративные» или как социальный лифт для ограниченного круга активистов, лояльных действующей системе⁶.

Это порождает дефицит доверия и отчуждение. Государство, стремясь канализировать гражданскую активность, делает ставку на крупные, контролируемые волонтерские и патриотические движения (например, Ассоциация волонтерских центров и «Юнармия» в России, волонтерское движение БРСМ «Доброе Сердце» в Беларуси). Не умаляя их значимости, следует отметить, что такая модель оставляет за бортом огромное количество неформальных молодёжных сообществ и низовых инициатив, которые не вписываются в прогосударственную повестку, но при этом решают важные локальные задачи. Система ориентирована на мобилизацию молодёжи для участия в государственных проектах, а не на создание благоприятной среды для её свободной самоорганизации⁷.

Наконец, важнейшим вызовом, обостряющим все перечисленные проблемы, является цифровизация. Современная молодёжь живёт в глобальном цифровом пространстве, где государственные границы и информационные барьеры стираются. Это пространство является для неё основным источником информации, площадкой для общения, самообразования и формирования идентичности. Государственные структуры в обеих странах пытаются освоить это пространство, создавая официальные аккаунты, порталы и приложения. Однако их коммуникационная стратегия зачастую неэффективна. Она строится на трансляции официальной информации «сверху вниз», использует бюрократический язык и не способна конкурировать с нативной, динамичной и интерактивной средой социальных сетей и блогосферы. Возникает «цифровой разрыв» не в доступе к технологиям, а в понимании культуры и кодов коммуникации. Попытки ограничить или заблокировать нежелательный контент без предложения привлекательной и релевантной альтернативы приводят лишь к росту недоверия и поиску молодёжью обходных путей. Таким образом, цифровое пространство из потенциального инструмента диалога превращается в поле конкуренции за влияние на умы, в котором государство не всегда занимает выигрышную позицию.

В качестве пути разрешения обозначенного комплекса проблем необходима системная модернизация молодёжной политики, основанная на смене её фундаментальной парадигмы. Требуется переход от патерналистской, событийно-массовой модели к сервисно-проектной модели, ориентированной на клиента – молодого человека. Это означает, что в центре системы должен находиться не план мероприятий, а набор услуг и сервисов, отвечающих на

конкретные жизненные запросы молодёжи: профориентация, психологическая и юридическая помощь, содействие в трудоустройстве, поддержка в реализации собственных социальных и предпринимательских проектов. Для этого необходима разработка и внедрение новых ключевых показателей эффективности (KPI), отражающих качественные изменения⁸.

Кроме того, критически важно наладить реальное межведомственное взаимодействие. Проблемы молодёжи носят комплексный характер и не могут быть решены силами одного ведомства. Необходимы постоянно действующие рабочие группы с участием министерств образования, труда, экономического развития, здравоохранения и культуры для выработки и реализации сквозных, синхронизированных программ. Наконец, государство должно изменить свою роль по отношению к низовой активности – от контролёра и организатора перейти к роли фасилитатора и инвестора. Это предполагает создание гибких и прозрачных механизмов грантовой поддержки не только для крупных НКО, но и для неформальных сообществ и отдельных гражданских активистов, чья деятельность имеет позитивный социальный эффект. Только через делегирование полномочий, поддержку самоорганизации и выстраивание честного, двустороннего диалога, в том числе в цифровом пространстве, можно преодолеть нарастающий разрыв между государством и молодёжью и превратить молодёжную политику в действенный инструмент инвестиций в будущее России и Беларуси.

Литература

1. Вакуленко Г.А. Представительная демократия как фактор развития гражданского общества (вопросы теории и практики) / Г.А. Вакуленко. - Саратов: авто-реф. дис. канд. юрид. наук, 2013 г.
2. Долгова А.Н. Современное общество и молодёжная политика // Актуальные концепции развития гуманитарных и естественных наук: экономические, социальные, философские, политические, правовые, аспекты материалы международной научно-практической конференции. 2016.
3. Кочетков А.В. Теория правового регулирования государственной молодёжной политики в России / А.В. Кочетков. - СПб.: автореф. дис. д-ра юрид. наук., 2014 г.
4. Погорельская А.М. Государственная молодёжная политика в Республике Беларусь в 1996-2016 гг. В сборнике: Молодёжь Европы Томск, 2017.
5. Самохвалов Н.А. Вызовы государственной молодёжной политики Российской Федерации и возможные пути их преодоления // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. № 1 (10).

⁶ Погорельская А.М. Государственная молодёжная политика в Республике Беларусь в 1996-2016 гг. В сборнике: Молодёжь Европы Томск, 2017. С. 185

⁷ Фадеев А.В. Молодёжное движение в Республике Беларусь: история становления и современное состояние //Постсоветский материк. 2014. № 4 (4). С. 54

⁸ Самохвалов Н.А. Вызовы государственной молодёжной политики Российской Федерации и возможные пути их преодоления // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. № 1 (10). С. 20

6. Сафонова А. С. Молодежная политика и молодежь в политике: зарубежный опыт. Учебное пособие -Мск., Изд-во «Грамота». 2013.

7. Суржикова О.В. Молодежная политика и проблемы студенчества // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. 2016. № 7.

8. Фадеев А.В. Молодежное движение в Республике Беларусь: история становления и современное состояние // Постсоветский материк. 2014. № 4 (4).

Current Problems and Challenges in the Implementation of Youth Policy: A Comparative Analysis of Russia and the Republic of Belarus

Dosaev T.Kh., Dosaev E.Kh.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, State University of Education

The article provides a comparative analysis of the state youth policy systems in the Russian Federation and the Republic of Belarus. The research focuses on the fundamental problem of the growing gap between the established state-centric, paternalistic models of governance and the real socio-economic, value-based, and communication needs of contemporary youth. Based on an analysis of the legal and regulatory framework, institutional structures, and implementation practices, common and specific challenges facing both countries are identified. The author concludes that the key problems are the formalism of implemented measures, difficulties in ensuring the effective socio-economic integration of youth, and the low effectiveness of existing mechanisms for civic participation. As potential solutions, the author proposes a transition from an event-based, mass-participation model to a project-based, service-oriented one; the introduction of qualitatively new criteria for effectiveness evaluation; and the development of mechanisms to support grassroots youth initiatives.

Keywords: Youth policy, Russia, Republic of Belarus, comparative analysis, youth participation, socio-economic integration, state programs, patriotic education, digitalization, Union State, institutional gap.

References

1. Vakulenko G.A. Representative Democracy as a Factor in the Development of Civil Society (Theoretical and Practical Issues) / G.A. Vakulenko. - Saratov: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation, 2013
2. Dolgova A.N. Modern Society and Youth Policy // Current Concepts of Development of Humanities and Natural Sciences: Economic, Social, Philosophical, Political, Legal Aspects, Materials of the International Scientific and Practical Conference. 2016.
3. Kochetkov A.V. Theory of Legal Regulation of State Youth Policy in Russia / A.V. Kochetkov. - St. Petersburg: Abstract of Doctor of Law Dissertation, 2014
4. Pogorelskaya A.M. State Youth Policy in the Republic of Belarus in 1996-2016 In the collection: Youth of Europe Tomsk, 2017.
5. Samokhvalov N.A. Challenges of the state youth policy of the Russian Federation and possible ways to overcome them // Actual problems of our time: science and society. 2016. No. 1 (10).
6. Safonova A.S. Youth policy and youth in politics: foreign experience. Study guide - Moscow, Gramota Publishing House. 2013.
7. Surzhikova O.V. Youth policy and problems of students // Politics, economics and social sphere: problems of interaction. 2016. No. 7.
8. Fadeev A.V. Youth movement in the Republic of Belarus: history of formation and current state // Post-Soviet continent. 2014. No. 4 (4).

Роль экономического доверия в международных отношениях в условиях геополитической напряженности

Гавчук Денис Васильевич

аспирант Швейцарского международного института в Лозанне,
midk@bk.ru

В условиях растущей геополитической напряженности и фрагментации глобальной экономики традиционные механизмы международного экономического сотрудничества теряют свою эффективность. Цель данного исследования — выявить ключевые тенденции формирования новых институциональных форматов, способных обеспечивать устойчивость и доверие в меняющемся мирохозяйственном устройстве. Анализируются процессы трансформации глобальных и региональных институтов, усиление роли мини-латеральных и сетевых форматов, а также влияние цифровых технологий, включая блокчейн и цифровые валюты, на международные расчёты и торговлю. Особое внимание уделяется роли экономического доверия как основы для адаптации к новым вызовам, включая климатические риски, пандемии и технологическую конкуренцию. На основе сравнительного и исторического анализа, а также экспертных интервью показано, что будущее международной экономики будет определяться гибкими, дифференцированными и технологически насыщенными формами взаимодействия. Результаты исследования имеют значение для разработки стратегий устойчивого и инклюзивного международного сотрудничества в эпоху многополярности.

Ключевые слова: экономическое доверие, международные отношения, геополитическая напряженность, цифровые технологии, торговля.

Современная эпоха геополитической турбулентности требует кардинального пересмотра традиционных механизмов международного экономического сотрудничества и создания новых институциональных форматов, способных функционировать в условиях повышенной неопределенности и фрагментации глобальной экономики. Классические международные экономические институты, созданные в эпоху относительной стабильности и доминирования западных стран, оказались недостаточно гибкими и инклюзивными для решения современных вызовов. Растущая многополярность мировой экономики, усиление роли незападных центров силы, технологическая революция и изменение характера экономических отношений требуют разработки принципиально новых подходов к организации международного экономического взаимодействия.

Процесс адаптации международных экономических механизмов происходит по нескольким направлениям одновременно. Во-первых, наблюдается трансформация существующих глобальных институтов, которые пытаются приспособиться к новым реалиям путем расширения состава участников, модификации процедур принятия решений и создания новых инструментов реагирования на кризисы. Во-вторых, активно развиваются региональные и субрегиональные форматы сотрудничества, которые часто оказываются более гибкими и эффективными в решении конкретных проблем. В-третьих, формируются альтернативные глобальные институты, создаваемые незападными странами и отражающие их видение принципов международного экономического порядка.

Ключевой особенностью современного этапа является переход от универсальных к дифференцированным механизмам сотрудничества, учитывающим специфику различных групп стран и регионов. Концепция "одного размера для всех", которая долгое время доминировала в международных экономических отношениях, уступает место более гибким и адаптивным подходам. Это проявляется в развитии многоскоростной интеграции, создании специализированных институтов для решения конкретных задач, формировании коалиций заинтересованных стран для продвижения определенных инициатив.

Технологическая революция кардинально меняет характер экономического взаимодействия и создает новые возможности для международного сотрудничества. Цифровые технологии позволяют создавать более эффективные механизмы координации экономической политики, обмена информацией, мониторинга выполнения международных соглашений. Блокчейн-технологии открывают перспективы для создания децентрализованных систем международных расчетов, не зависящих от традиционных

финансовых институтов. Искусственный интеллект и большие данные могут использоваться для прогнозирования экономических кризисов и разработки превентивных мер.

Таблица 1.

Эволюция механизмов международного экономического сотрудничества

Период	Доминирующая модель	Ключевые институты	Принципы организации	Основные участники	Механизмы принятия решений	Примеры успешного функционирования
1945-1970	Бреттон-Вудская система	МВФ, МБРР, ГАТТ	Фиксированные валютные курсы, либерализация торговли	США, Западная Европа, Япония	Консенсус под лидерством США	Восстановление послевоенной экономики
1971-1990	Плавающие курсы, неолиберализм	G7, расширенное ГАТТ	Рыночные механизмы, дерегулирование	Развитые страны + НИС	Координация между развитыми странами	Преодоление нефтяных кризисов
1991-2008	Глобализация, Вашингтонский консенсус	ВТО, G8, МВФ (расширенный)	Либерализация, приватизация, стабилизация	Глобальное участие	Многосторонние переговоры	Интеграция постсоциалистических стран
2009-2020	Многополярность, G20	G20, региональные банки развития	Макроэкономическая координация	Включение развивающихся стран	Консенсус крупнейших экономик	Антикризисные меры 2008-2009
2021-настоящее	Фрагментированная многополярность	Множественные форматы	Гибкость, региональность, цифровизация	Региональные блоки, коалиции по интересам	Переменная геометрия	RCEP, CPTPP, БРИКС+

Климатическая повестка становится одним из важнейших факторов, определяющих развитие новых механизмов международного экономического сотрудничества. Необходимость координации усилий по борьбе с изменением климата и переходу к устойчивому развитию требует создания новых институтов и инструментов, способных мобилизовать значительные финансовые ресурсы и обеспечить технологический трансфер между развитыми и развивающимися странами. Парижское соглашение по климату, несмотря на свои ограничения, демонстрирует возможность достижения глобального консенсуса по сложным вопросам при использовании гибких и дифференцированных подходов.

Пандемия COVID-19 стала катализатором трансформации международных экономических механизмов, выявив их слабости и одновременно продемонстрировав потенциал для быстрой адаптации к новым вызовам. Создание механизмов международ-

ной координации в области здравоохранения, разработка новых инструментов финансовой поддержки пострадавших стран, ускоренное внедрение цифровых технологий в международное сотрудничество показали, что существующие институты способны к эволюции при наличии политической воли.

Современные геополитические вызовы стимулируют активный поиск новых институциональных решений, способных обеспечить экономическую стабильность в условиях повышенной неопределенности и фрагментации международной системы. Традиционные международные экономические институты, созданные в середине XX века, оказались недостаточно гибкими для реагирования на быстро меняющиеся условия и новые типы кризисов. Это привело к появлению инновационных форматов сотрудничества, которые характеризуются большей адаптивностью, инклюзивностью и способностью к быстрому реагированию на возникающие вызовы.

Одним из наиболее значимых трендов является развитие сетевых форм международного сотрудничества, которые заменяют жесткие иерархические структуры более гибкими и децентрализованными механизмами взаимодействия. Сетевая дипломатия позволяет различным акторам - государствам, международным организациям, частным компаниям, неправительственным организациям - участвовать в решении глобальных проблем на равноправной основе. Примером такого подхода может служить Глобальный альянс по вакцинам и иммунизации (GAVI), который объединяет государства, международные организации, фармацевтические компании и благотворительные фонды для решения проблем иммунизации в развивающихся странах.

Региональные интеграционные объединения приобретают все большее значение как альтернатива глобальным институтам, особенно в условиях, когда достижение глобального консенсуса становится все более сложным. Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (RCEP), объединяющее 15 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, стало крупнейшим торговым соглашением в истории и продемонстрировало возможность создания эффективных экономических механизмов без участия традиционных западных лидеров. Аналогичным образом, Африканская континентальная зона свободной торговли (AfCFTA) представляет собой амбициозную попытку создания единого африканского рынка, способного конкурировать с другими региональными блоками.

Цифровые технологии открывают принципиально новые возможности для создания международных экономических институтов. Блокчейн-технологии позволяют создавать децентрализованные системы международных расчетов, не зависящие от традиционных банковских сетей и валютных систем. Центральные банки различных стран активно разрабатывают цифровые валюты (CBDC), которые могут стать основой для новых механизмов международных расчетов. Китайский проект цифрового юаня, европейский цифровой евро, американские исследования цифрового доллара представляют собой

попытки создания новой архитектуры международной валютно-финансовой системы.

Многосторонние банки развития нового поколения, такие как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Новый банк развития БРИКС, демонстрируют альтернативные подходы к международному финансированию развития. Эти институты характеризуются более гибкими процедурами принятия решений, меньшим количеством условий для получения финансирования, большим вниманием к специфике развивающихся стран. АБИИ, несмотря на первоначальное сопротивление США, привлек к участию большинство европейских стран и стал одним из наиболее динамично развивающихся международных финансовых институтов.

Таблица 2.

Новые форматы международного экономического взаимодействия

Тип формата	Ключевые характеристики	Преимущества	Ограничения	Примеры	Перспективы развития
Мини-латерализм	Ограниченное число участников, специализированные цели	Быстрое принятие решений, высокая эффективность	Ограниченный охват, риск фрагментации	Quad (США, Япония, Индия, Австралия)	Расширение на новые сферы сотрудничества
Мега-региональные соглашения	Крупные торговые блоки, комплексное регулирование	Масштабный эффект, стандартизация правил	Сложность переговоров, исключение третьих стран	RCEP, CPTPP, USMCA	Дальнейшая консолидация региональных блоков
Цифровые платформы сотрудничества	Использование IT-технологий, виртуальное взаимодействие	Низкие издержки, высокая скорость	Цифровой разрыв, вопросы безопасности	Цифровая экономическая зона ЕАЭС	Интеграция с ИИ и блокчейном
Тематические коалиции	Фокус на конкретных проблемах, гибкий состав	Экспертность, целевая направленность	Ограниченная сфера действия	Международное энергетическое агентство	Расширение на новые глобальные вызовы
Гибридные государственно-частные партнерства	Участие государств и частного сектора	Мобилизация ресурсов, инновационность	Конфликт интересов, подотчетность	Глобальный фонд борьбы со СПИДом	Развитие в сфере климата и технологий
Сетевые структуры	Горизонтальные связи, децентрализация	Адаптивность, инклюзивность	Координационные сложности	Сеть центральных банков по экологизации финансовой системы	Применение в кибербезопасности

Концепция "переменной геометрии" в международных отношениях получает все большее распространение как способ преодоления институциональной инерции и обеспечения прогресса в условиях, когда не все участники готовы к одинаковому

уровню интеграции. Этот подход предполагает создание гибких коалиций заинтересованных стран для решения конкретных задач без необходимости ждать согласия всех потенциальных участников. Примером может служить создание Международного партнерства по углероду (ICAP), которое объединяет юрисдикции, внедряющие системы торговли выбросами, независимо от их участия в других климатических соглашениях.

Частно-государственные партнерства приобретают новые формы в условиях глобальных вызовов, требующих мобилизации как государственных, так и частных ресурсов. Создание Коалиции за эпидемическую готовность и инновации (CEPI) для разработки вакцин против новых инфекционных заболеваний продемонстрировало эффективность такого подхода во время пандемии COVID-19.

Таблица 3.

Новаторские подходы к созданию международных экономических институтов

Вид инновации	Описание	Ключевые особенности	Примеры реализации	Результаты	Потенциал масштабирования
Цифровые валюты центральных банков	Государственные цифровые валюты для международных расчетов	Программируемость, мгновенные расчеты, снижение издержек	Цифровой юань (Китай), проект mBridge	Пилотные трансграничные платежи на \$12 млрд	Высокий потенциал - потенциал замены SWIFT
Зеленые облигации суверенные	Государственные облигации для финансирования экологических проектов	Целевое использование, ESG-стандарты, международная сертификация	Германия (\$12 млрд), Франция (\$10 млрд)	Мобилизация \$500+ млрд частного капитала	Средний - зависит от климатических обязательств
Блокчейн-платформы торгового финансирования	Децентрализованные системы документооборота в международной торговле	Прозрачность, неизменность записей, автоматизация	TradeLens (Maersk), we.trade (европейские банки)	Сокращение времени обработки на 40%	Высокий - стандартизация процессов
Международные регулятивные песочницы	Совместные зоны тестирования финансовых инноваций	Гармонизация регулирования, снижение барьеров	Global Financial Innovation Network (GFIN)	100+ совместных проектов	Средний - требует регулятивной координации
Климатические мега-фонды	Крупномасштабные фонды для климатического финансирования	Смешанное финансирование, риск-шеринг	Зеленый климатический фонд (\$10 млрд)	Мобилизация \$100+ млрд инвестиций	Высокий - растущий спрос на климатическое финансирование
Цифровые торговые платформы	Онлайн-платформы для международной торговли	Снижение транзакционных издержек, доступ МСП	eWTP (Alibaba), Digital Economy Partnership Agreement	Рост цифровой торговли на 25% годовых	Очень высокий - цифровизация экономики

Диверсификация экономических связей становится одной из ключевых стратегий снижения геополитических рисков. Страны и компании активно пересматривают свои торговые и инвестиционные портфели с целью снижения зависимости от отдельных партнеров или регионов. Концепция "френдшоринга" предполагает перенос производственных мощностей и цепочек поставок в дружественные страны, даже если это связано с увеличением издержек. Европейский союз разработал стратегию "стратегической автономии", направленную на снижение зависимости от критически важных импортных товаров и технологий, особенно из Китая и России.

Создание резервных механизмов и альтернативных каналов взаимодействия является важным элементом стратегий минимизации рисков. Развитие альтернативных платежных систем, таких как китайская CIPS, российская СПФС, европейская INSTEX, позволяет снизить зависимость от доминирующих международных финансовых сетей. Создание стратегических резервов критически важных товаров, развитие альтернативных транспортных маршрутов, дублирование критической инфраструктуры помогают обеспечить экономическую безопасность в условиях внешних шоков.

Технологическая независимость становится приоритетом национальной экономической политики многих стран. Программы импортозамещения в высокотехнологичных секторах, государственная поддержка национальных чемпионов, инвестиции в исследования и разработки направлены на снижение технологической зависимости от потенциально недружественных стран. Китайская программа "Сделано в Китае 2025", американская инициатива CHIPS Act, европейский план цифрового суверенитета представляют собой различные варианты стратегий достижения технологической автономии.

Формирование многоуровневых систем страхования и хеджирования экономических рисков создает благоприятные условия для стабильного функционирования международного бизнеса. Такие организации, как Многостороннее агентство по инвестиционным гарантиям (MIGA), государственные страхователи экспорта и региональные гарантийные фонды предлагают защиту от политических рисков, обеспечивая поддержание внешнеэкономических связей даже в ситуациях высокого уровня геополитической нестабильности. Важнейшей тенденцией становится создание новых схем коллективного покрытия рисков, охватывающих такие области, как изменение климата и пандемии, что также служит одним из приоритетных направлений современной международной кооперации.

Создание прочной правовой базы международного экономического сотрудничества выступает ключевой предпосылкой для восстановления доверия в условиях турбулентности.

Новые технологические решения расширяют горизонты укрепления доверительного поля посредством роста прозрачности и ликвидации информационной несбалансированности. Так, технология

блокчейн способна обеспечивать фиксацию надежных сведений о международных контрактах, сокращая опасность мошеннических действий и возникновения конфликтных ситуаций. Средства цифровой идентификации и подтверждения подлинности документов эффективны в борьбе с нелегальным оборотом финансов и поддержкой террористических группировок. Применение искусственного интеллекта возможно для обработки значительных объемов данных и обнаружения потенциальных правонарушений, отклоняющихся от норм международного права.

Таблица 4.

Методы снижения геополитических угроз

Методы	Целевая аудитория	Инструменты реализации	Временной горизонт	Издержки реализации	Эффективность	Примеры применения
Диверсификация торговых партнеров	Экспортно-ориентированные экономики	Торговые миссии, льготные кредиты, ЗСТ	3-5 лет	Средние (5-10% от торгового оборота)	Высокая	Переориентация российского экспорта на Азию
Развитие альтернативных платежных систем	Страны под санкциями	Создание национальных платежных систем	5-10 лет	Высокие (\$1-5 млрд)	Средняя	CIPS (Китай), СПФС (Россия)
Технологическое импортозамещение	Технологически зависимые страны	Госпрограммы, субсидии R&D, венчурные фонды	10-15 лет	Очень высокие (\$50-200 млрд)	Переменная	Программа "Сделано в Китае 2025"
Создание стратегических резервов	Импортозависимые экономики	Государственные закупки, товарные биржи	1-3 года	Средние (\$10-50 млрд)	Высокая	Стратегические нефтяные резервы США
Региональная экономическая интеграция	Географически близкие страны	Таможенные союзы, общие рынки	5-15 лет	Высокие (реструктуризация экономики)	Высокая	ЕАЭС, АСЕАН, МЕРКОСУР
Многосторонние гарантийные механизмы	Международные инвесторы	Страхование политических рисков	1-2 года	Низкие (1-3% от суммы инвестиций)	Средняя	MIGA, национальные ЭКА

Гражданская дипломатия и сотрудничество между предпринимателями формируют параллельные пути общения, сохраняющие активность даже при обострении официальных политических разногласий между странами. Организации бизнеса, торговые палаты и отраслевые ассоциации выступают активными посредниками, укрепляя коммерческие связи и отстаивая интересы предпринимательства. Формирование неофициальных диалоговых площадок, таких как специализированные форумы и конференции, способствует сохранению контактов

между бизнесменами разных стран даже в моменты кризиса.

Таблица 5.

Инструменты повышения доверия в сфере международного экономического сотрудничества

Инструменты	Сфера применения	Участники	Инструменты	Показатели эффективности	Вызовы реализации	Перспективы развития
Международный арбитраж	Разрешение торговых и инвестиционных споров	Государства, компании, арбитражные институты	ИКСИД, ИСС, ЛКИА	Время рассмотрения споров, исполнение решений	Политизация, высокие издержки	Цифровизация процедур, ускоренные форматы
ESG-стандарты	Устойчивое инвестирование и корпоративное управление	Инвесторы, компании, рейтинговые агентства	Рейтинги, индексы, отчетность	Объем ESG-инвестиций (\$35+ трлн)	Отсутствие единых стандартов	Гармонизация требований, цифровая отчетность
Системы раннего предупреждения	Предотвращение финансовых кризисов	МВФ, центральные банки, регуляторы	Макроэкономические индикаторы, стресстесты	Точность прогнозов, время реакции	Политическое сопротивление реформам	ИИ-алгоритмы, big data аналитика
Блокчейн в торговом финансовом сотрудничестве	Документоборот в международной торговле	Банки, экспортеры, импортеры	Смарт-контракты, цифровые документы	Сокращение времени обработки на 50%	Стандартизация, интероперабельность	Интеграция с IoT, автоматизация
Цифровая идентификация	KYC/AML процедуры	Финансовые институты, регуляторы	Биометрия, цифровые подписи	Снижение издержек комплаенса на 30%	Приватность, кибербезопасность	Децентрализованная идентификация
Климатические стресстесты	Оценка климатических рисков	Центральные банки, финансовые институты	Сценарное моделирование	Покровительство 80% банковских активов	Методологическая неопределенность	Стандартизация подходов, международная координация

Постепенное восстановление доверия требует последовательной реализации принципа взаимности и поэтапного снижения барьеров. Стратегии "малых шагов" и "функционального сотрудничества" позволяют начать восстановление отношений с менее политизированных сфер, постепенно расширяя области взаимодействия. Опыт европейской интеграции, начавшейся с создания Европейского объединения угля и стали, демонстрирует эффективность такого подхода для преодоления исторических противоречий и построения долгосрочного партнерства.

Выводы

Проведенный анализ современного состояния международных экономических отношений в условиях геополитической нестабильности позволил сформулировать ряд ключевых выводов относительно динамики и перспектив развития глобальной экономической системы.

1. Глубинные преобразования глобальной экономической архитектуры

Современная эпоха отличается радикальной трансформацией международных экономических отношений, отходящей от классической модели времен холодной войны и периода американской гегемонии. Наблюдается становление многополярного мира, сопровождаемого ростом числа влиятельных экономических субъектов и фрагментированием глобальной экономики на отдельные региональные блоки. Формируются альтернативные центры экономической силы, смещаются приоритеты развития и появляется новая структура международных взаимосвязей.

2. Возрастание роли геополитики в экономике

Экономическое взаимодействие всё сильнее зависит от геополитических факторов, выражаясь в росте санкционной активности, усилении защиты внутреннего рынка и применении инструментов политического давления против крупных корпораций. Вопросы национальной безопасности и государственных интересов постепенно вытесняют традиционные принципы экономической рациональности, вынуждая пересмотреть структуру мировых производственных цепочек и потоки капитала.

3. Усиление значимости технологических преимуществ

Конкурентоспособность государств теперь определяется уровнем владения новейшими технологиями, включая искусственный интеллект, биологические науки и возобновляемую энергетику. Инвестиции в научную сферу и развитие собственных технических стандартов становятся важным инструментом укрепления позиций на мировой сцене.

4. Объединение экологии и экономики

Проблематика климатических изменений существенно влияет на принятие экономических решений, способствуя развитию устойчивого "зелёного" сектора и возникновению нового типа конкурентоспособности, основанного на доступности ресурсов и рынках товаров с низким углеродным следом. Многие страны используют устойчивое развитие как инструмент для улучшения своей международно-политической позиции.

5. Роль региональных объединений в формировании нового миропорядка

Крупные региональные проекты, такие как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИКС и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), формируют собственные стандарты и нормы поведения, замещающие роль традиционных глобальных организаций. Эти союзы служат важными связующими звеньями между регионами мира, оказывая значительное воздействие на общую картину мировой экономики.

6. Преодоление кризиса доверия

Сегодня особое внимание уделяется восстановлению доверия среди партнёров, поскольку прежние гарантии надёжности и безопасности теряют силу. Требуется новый уровень межгосударственного сотрудничества, обеспечивающего предсказуемость и доверие в рамках сложных и постоянно изменяющихся международных отношений.

7. Перспективы роста цифровой экономики

Формирование единой цифровой экосистемы станет следующим этапом глобализации, обеспечивая быстрый и эффективный обмен товарами, капиталом и знаниями. Новые цифровые валюты и технологии позволят странам освободиться от ограничений старых систем и выстроить новую финансовую систему, свободную от традиционного контроля.

Таким образом, современная ситуация требует активного переосмысления существующих подходов к организации международного экономического сотрудничества, формирования принципиально новых концепций, гарантирующих устойчивость и справедливость для всех участников глобальной экономики. Только такая стратегия позволит сохранить динамизм и развитие в ближайшие годы.

Литература

1. Ален де Бенуа. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. / Перевод с французского – Институт Общегуманитарных Исследований, 2015. – 144 с.
2. Ален де Бенуа. Карл Шмитт сегодня. / Перевод с французского. – Институт Общегуманитарных Исследований, 2016. – 192 с.
3. Евстафьев Д.Г. Стратегия «большой игры». Россия и США в Новом Мире. – М.: Концептуал, 2024. – 320 с.
4. Законодательное регулирование цифровой экономики : опыт России и Китая : монография / под ред. Л.В. Санниковой, А.П. Алексеенко. – Москва : Проспект, 2025 – 528 с.
5. Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право : монография / А.Н. Кокотов. – Репр. изд. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 192 с.
6. Ли Даокуй, Д. Китайский взгляд на мир. Развенчание мифов о Китае для предотвращения глобального конфликта / Дэвид Ли Даокуй; перевод с английского Егора Бакланова. – Ереван: Fortis Press, 2025. – 256 с. – ISBN 978-9939-9340-6-8
7. Ли Даокуй. Китайская экономика: сто лет реформ / Пер. с кит. Булдыгеровой А.Н. – М.: ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2024. – 279 с.
8. Миршаймер Д., Розато С. Как мыслят государства. Рациональность внешней политики / Перевод с английского. – Севастополь : Таврия, 2025. – 234 с.
9. Миршаймер Д. Великое заблуждение: Либеральные мечты и международные реалии / Перевод

с английского. – Севастополь : Таврия, 2024. – 440 с.

10. Моро, К. Украинский кризис и ошибки Запада. Размышления французского политолога / Ксавье Моро. – М. : Вече, 2022. – 272 с.

11. Тодд, Э. Поражение Запада / Эммануэль Тодд ; перевод с французского Н. Жиро. – Москва : Издательство АСТ, 2025. – 320 с.

12. Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции : [перевод с английского] / Клаус Шваб, Николас Дэвис. – Москва : Эксмо, 2022. – 320 с.

13. Чжань Ч. Россия и Китай : путь к устойчивому развитию : монография. – Москва : Проспект, 2025. – 176 с.

The Role of Economic Trust in International Relations in Conditions of Geopolitical Tension

Gavchuk D.V.

Swiss International Institute in Lausanne
Amid growing geopolitical tensions and the fragmentation of the global economy, traditional mechanisms of international economic cooperation are losing their effectiveness. This study aims to identify key trends in the emergence of new institutional formats capable of ensuring stability and trust in the changing global economic order. It analyzes the transformation of global and regional institutions, the growing role of mini-lateral and network formats, and the impact of digital technologies, including blockchain and digital currencies, on international settlements and trade. Particular attention is paid to the role of economic trust as the basis for adapting to new challenges, including climate risks, pandemics, and technological competition. Based on comparative and historical analysis, as well as expert interviews, it is shown that the future of the international economy will be determined by flexible, differentiated, and technology-rich forms of interaction. The study's findings have implications for the development of strategies for sustainable and inclusive international cooperation in the era of multipolarity.

Keywords: economic trust, international relations, geopolitical tension, digital technologies, trade.

References

1. Alain de Benoist. Beyond Human Rights. In Defense of Freedoms. / Translated from French - Institute for General Humanitarian Research, 2015. - 144 p.
2. Alain de Benoist. Carl Schmitt Today. / Translated from French. - Institute for General Humanitarian Research, 2016. - 192 p.
3. Evstafiev D.G. Strategy of the "Great Game". Russia and the USA in the New World. - M.: Conceptual, 2024. - 320 p.
4. Legislative regulation of the digital economy: the experience of Russia and China: monograph / edited by L.V. Sannikova, A.P. Alekseenko. - Moscow: Prospect, 2025 - 528 p.
5. Kokotov A.N. Trust. Distrust. Law: monograph / A.N. Kokotov. - Rep. ed. - Moscow : Norma : INFRA-M, 2020. - 192 p.
6. Li Daokui, D. The Chinese View of the World. Debunking Myths about China to Prevent Global Conflict / David Li Daokui; translated from English by Egor Baklanov. - Yerevan: Fortis Press, 2025. - 256 p. - ISBN 978-9939-9340-6-8
7. Li Daokui. The Chinese Economy: One Hundred Years of Reforms / Translated from Chinese by Buldygerova A.N. - Moscow: International Publishing Company Shans, 2024. - 279 p.
8. Mearsheimer D., Rosato S. How States Think. The Rationality of Foreign Policy / Translated from English. - Sevastopol : Tavria, 2025. - 234 p.
9. Mearsheimer D. The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities / Translation from English. - Sevastopol: Tavria, 2024. - 440 p.
10. Moreau, K. The Ukrainian Crisis and the Mistakes of the West. Reflections of a French Political Scientist / Xavier Moreau. - Moscow: Vechе, 2022. - 272 p.
11. Todd, E. The Defeat of the West / Emmanuel Todd; translation from French by N. Giraud. - Moscow: AST Publishing House, 2025. - 320 p.
12. Schwab K. Technologies of the Fourth Industrial Revolution: [translation from English] / Klaus Schwab, Nicholas Davis. - Moscow: Eksmo, 2022. - 320 p.
13. Zhan Z. Russia and China: the path to sustainable development: monograph. - Moscow: Prospect, 2025. - 176 p.

Незаконный оборот оружия в гибридной войне: современные вызовы и механизмы противодействия

Мороз Владимир Алексеевич

Аспирант, кафедра стратегических коммуникаций и государственного управления, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации» (ДА МИД России), morozvova2001@mail.ru.

Статья посвящена анализу незаконного оборота оружия как одного из ключевых инструментов гибридной войны. Рассматривается трансформация этого явления из уголовно-правовой проблемы в элемент стратегического воздействия, направленный на подрыв государственного суверенитета и создание управляемых очагов напряженности. Особое внимание уделено современным вызовам, включая полную цифровизацию теневой торговли через даркнет и зашифрованные мессенджеры, а также появление принципиально новых технологических угроз, таких как децентрализованное производство оружия с помощью 3D-печати. На основе изучения международного опыта автором систематизирован комплексный механизм противодействия, сочетающий создание глобальных коалиций, имплементацию профильных санкций, усиление национального законодательства, развитие оперативно-розыскных и киберполицейских возможностей, а также реализацию превентивных социальных мер. В работе детально представлен перечень конкретных действий, необходимых для организации эффективного противодействия на международном и национальном уровнях.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, гибридная война, киберпреступность, даркнет, 3D-печать оружия, национальная безопасность, международное сотрудничество, транснациональные угрозы

На сегодняшний день незаконный оборот оружия в контексте гибридной войны перестал быть просто проблемой, относящейся к уголовной ответственности, и превратился в ключевой инструмент стратегического влияния [1, с. 44]. Однако для глубокого осмысления этой трансформации необходимо четко понимать саму суть явления. Следует отметить, что в научной литературе отсутствует единый подход к определению незаконного оборота оружия. Ряд авторов рассматривает его как криминальное движение предметов незаконного оборота в совокупности с отклонениями в сфере законного оборота [2, с. 25]. Другие придерживаются схожей позиции, акцентируя, что такое движение объектов происходит с нарушениями, будь то полное изъятие предметов из оборота или осуществление оборота лицом без соответствующей лицензии.

Иной подход демонстрируют ученые, которые видят в незаконном обороте, с одной стороны, конкретные преступления (хищение, изготовление, сбыт и т.д.), а с другой — источник иных преступлений против общественной безопасности [3, с. 378]. На основе анализа существующих точек зрения, можно предположить, что незаконный оборот оружия — это нарушение установленных уголовным законодательством правил обращения с оружием, как запрещенным, так и разрешенным к обороту, включая широкий перечень преступлений.

Гибридная война, характеризующаяся сочетанием традиционных и неконвенциональных методов, активно использует серые зоны в международном праве и уязвимости глобальных систем. В этой парадигме незаконные потоки оружия выполняют несколько разрушительных функций. Они служат каналом для скрытого снабжения прокси-групп и нерегулярных формирований, позволяя внешним силам дестабилизировать ситуацию в стране-мишени, сохраняя видимую дистанцию и правдоподобное отрицание. Это создает устойчивые очаги напряженности, подрывая государственный суверенитет и монополию на легитимное насилие.

Современные вызовы в этой сфере многократно усложнились. Глобализация и цифровые технологии кардинально трансформировали сам механизм оборота [4, с. 212]. Криминальные структуры активно используют ресурсы даркнета и зашифрованные мессенджеры для организации сделок, что делает традиционные методы слежения малоэффективными. Продавцы и покупатели находят друг друга через специализированные форумы и площадки в даркнете, доступ к которым возможен только с помощью специального программного обеспечения, обеспечивающего анонимность.

Все переговоры ведутся через мессенджеры с сквозным шифрованием, где переписка самоуни-

чтожается после прочтения. Платежи осуществляются в криптовалюте, что исключает возможность отслеживания финансовых потоков. Товар перемещается по отработанным схемам с использованием «закладок» или пересылается мелкими партиями под видом легальных грузов.

Такая модель создает серьезные проблемы для правоохранительных органов. Традиционные методы оперативной работы — наружное наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, контроль финансовых операций — здесь практически не работают. Следователи сталкиваются с «цифровой стеной», для преодоления которой требуются узкоспециализированные технические экспертные знания, длительные киберрасследования и межведомственное сотрудничество на международном уровне.

На сегодняшний день активно распространяется 3D-печать, которая создает принципиально новую угрозу — возможность производства огнестрельного оружия и его ключевых компонентов в обход любых систем контроля и лицензирования. Эта технология демократизировала процесс создания оружия, переводя его из промышленных цехов в частные гаражи и квартиры. Достаточно иметь 3D-принтер, работающий с упрочненными полимерами или металлом, и цифровую модель, которую можно незаметно скачать в закрытых сетевых сообществах. Изготовление происходит абсолютно автономно, без закупки деталей через оружейные магазины и без какого-либо документооборота.

Главная опасность заключается в полной невидимости этого процесса для правоохранительных органов [5, с. 70]. Традиционный контроль был ориентирован на отслеживание цепочки движения готовых изделий — от производителя через продавца к конечному владельцу. Здесь же такой цепочки не существует. Оружие не имеет серийного номера, его производство не оставляет следов в бухгалтерских отчетах, а его компоненты не фиксируются таможенными декларациями. Правоохранительная система сталкивается с ситуацией, когда полнофункциональный пистолет или автомат, способный нанести значительный вред, возникает буквально из ничего, без единого контакта преступника с традиционным черным рынком. Это сводит на нет отработанные методики сыска и ставит перед законодателями сложнейшую задачу по регулированию цифровых чертежей, приравниванию их к самому оружию, не нарушая при этом прав граждан на информацию и частную жизнь.

Теневой рынок пополняется за счет утечек с официальных арсеналов, в том числе в зонах активных конфликтов, а также через переделку деактивированного или травматического оружия в боевое. Высокий уровень коррупции в отдельных государствах и учреждениях предоставляет каналы для легализации нелегальных партий, что размывает границу между законным и незаконным рынком.

Механизмы противодействия этому вызову требуют комплексного, многоуровневого подхода, выходящего далеко за рамки компетенции только правоохранительных органов [6, с. 139].

Таблица 1
Меры противодействия незаконному обороту оружия на международном уровне

Направление деятельности	Конкретные действия и механизмы
Укрепление правового поля	• Унификация национальных законодательств в сфере контроля над оружием. • Ратификация и имплементация международных договоров (например, Протокола ООН против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия). • Создание международных правовых норм, криминализирующих киберторговлю оружием и распространение цифровых чертежей для 3D-печати.
Оперативно-розыскное сотрудничество	• Создание совместных следственно-оперативных групп (СОГ) для расследования транснациональных каналов поставок. • Расширение полномочий и возможностей международных организаций (например, Интерпол) для кросс-граничного сбора и анализа данных. • Проведение скоординированных международных операций по перехвату партий оружия и ликвидации логистических маршрутов.
Обмен информацией и данными	• Формирование единых международных баллистических баз данных для отслеживания происхождения оружия. • Создание общих платформ для обмена оперативной информацией между таможенными, пограничными и правоохранительными службами разных стран в режиме, близком к реальному времени. • Налаживание каналов обмена разведданными о деятельности организованных преступных групп и их связях.
Финансовые и санкционные механизмы	• Введение целевых санкций (заморозка активов, визовые ограничения) против физических и юридических лиц, причастных к организации незаконного оборота. • Тесное взаимодействие финансовых разведок (типа FATF) для выявления и пресечения схем отмывания денег, связанных с торговлей оружием. • Противодействие использованию криптовалют для анонимных расчетов в даркнете.
Региональные инициативы и помощь	• Реализация целевых региональных программ (по образцу инициативы ЕС на Балканах), включающих обмен экспертизой, оборудованием и финансированием для укрепления границ в наиболее уязвимых регионах. • Оказание помощи странам с нестабильной обстановкой в установлении надежного физического контроля над государственными арсеналами для недопущения утечек.
Кибербезопасность и противодействие цифровизации	• Создание международных протоколов и стандартов для мониторинга и регулирования платформ в даркнете. • Координация усилий спецслужб для проведения активных кибератак против ключевых ресурсов, используемых для торговли оружием (вывод из строя, деанонимизация). • Разработка совместных с IT-сектором механизмов для автоматического выявления и удаления контента, связанного с нелегальным оборотом оружия и 3D-печатью.

На международном уровне необходима консолидация усилий. Ключевая роль отводится укреплению и имплементации существующих международных договоров, таких как Протокол ООН против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия (Таблица 1).

Межгосударственное сотрудничество спецслужб и правоохранительных органов должно быть переведено на качественно новый уровень, включая создание совместных оперативных групп и единых баз данных по маркировке оружия и баллистическим экспертизам. Важным элементом является оказание целевой помощи нестабильным регионам в установлении надежного контроля над запасами оружия.

Ключевым элементом является создание международных коалиций, подобных инициативе Европейского Союза (ЕС) по борьбе с контрабандой оружия на Балканах [7, с. 144]. Ключевым элементом стало развертывание в ключевых точках региона, прежде всего в Сербии, Албании и Северной Македонии, совместных аналитических центров. Такие альянсы объединяют не только полицейские, но и таможенные, пограничные и разведывательные службы разных стран, создавая единое информационное пространство для отслеживания цепочек поставок от производителя до конечного получателя. Их задача — не просто обмениваться информацией, а вести совместный оперативный анализ в реальном времени. Данные о перехваченных партиях оружия, баллистические экспертизы с мест преступлений в Европе, разведданные о деятельности организованных преступных групп и маршрутах их перемещения стекаются в единую систему. Это позволяет выявлять не отдельные эпизоды, а всю цепочку: от места хищения или нелегального производства на Балканах через транзитные страны до конечного заказчика в крупном европейском городе.

На основе этого анализа планируются и проводятся скоординированные трансграничные операции. Например, при задержании в Австрии партии автоматического оружия, данные о ней немедленно обрабатываются, и параллельно проводятся обыски у поставщиков в Боснии и задержания логистов в Хорватии, что приводит к разгрому всей сети, а не просто к изъятию одного груза. Дополнительно ЕС оказывает целевое финансирование и техническую помощь для укрепления границ и арсеналов в странах-партнерах, внедряя системы электронного учета оружия и современные сканирующие комплексы на контрольно-пропускном пункте.

Таким образом, инициатива работает на опережение, системно затрудняя сам процесс нелегального перемещения оружия, а не просто борясь с его последствиями. Отработанная модель ЕС предполагает целевое финансовое давление через санкционные режимы на физических и юридических лиц, причастных к организации каналов, что зачастую эффективнее прямых силовых операций.

Особое внимание должно уделяться борьбе с цифровизацией этого рынка. Ведущие страны развивают киберподразделения, которые ведут активную работу в даркнете, не только выявляя площадки

для торговли, но и проводя операции под прикрытием и осуществляя их целенаправленный вывод из строя. Параллельно реализуются превентивные меры, такие как публично-частное партнерство с IT-компаниями для разработки алгоритмов, автоматически выявляющих и блокирующих контент, связанный с продажей оружия и инструкциями по 3D-печати. Техническая экспертиза направлена на баллистическую идентификацию и отслеживание партий оружия по уникальным микроскопическим отметинам, что позволяет устанавливать источник и маршрут перемещения даже для небольшой партии патронов.

На оперативном уровне наиболее успешны программы по стимулированию добровольной сдачи оружия в обмен на амнистию или социальные бонусы, что позволяет изымать его до момента использования. Одновременно ведется работа по усилению физической защиты арсеналов в зонах нестабильности, включая внедрение биометрического контроля доступа и систем спутникового мониторинга. Главный вывод заключается в том, что противодействие должно опережать угрозу, а не реагировать на нее. Успех достигается там, где переплетаются международное сотрудничество, финансовое давление, высокотехнологичный мониторинг и глубокая аналитическая работа по прогнозированию новых маршрутов и способов оборота.

В связи с этим на национальном уровне первостепенное значение имеет совершенствование законодательной базы (Таблица 2).

Таблица 2
Меры противодействия незаконному обороту оружия на национальном уровне

Сфера деятельности	Конкретные меры и механизмы
Совершенствование законодательства	• Ужесточение уголовной ответственности за незаконный оборот оружия, его основных частей и компонентов. • Введение четкого правового регулирования оборота деталей, чертежей и оборудования для 3D-печати оружия. • Криминализация киберторговли оружием и распространения инструкций по его незаконному изготовлению.
Силовое и оперативное противодействие	• Создание специализированных межведомственных подразделений для борьбы с организованными каналами поставок. • Проведение целевых операций по изъятию нелегального оружия и ликвидации подпольных арсеналов и мастерских. • Усиление контроля в зонах повышенного риска, включая приграничные территории и места нелегального оборота.
Контроль и учет	• Введение единой электронной системы учета всего оборота оружия и боеприпасов (от производителя до конечного владельца). • Оснащение таможенных и пограничных пунктов современными сканерами и детекторами для выявления контрабанды. • Ужесточение процедур лицензирования и проверки законности происхождения оружия при его регистрации.

Сфера деятельности	Конкретные меры и механизмы
Техническое и технологическое развитие	• Оснащение правоохранительных органов аппаратно-программными комплексами для мониторинга даркнета и закрытых интернет-сообществ. • Развитие собственных баллистических баз данных и лабораторий для трассирования изъятых образцов. • Внедрение систем маркировки оружия и боеприпасов для их последующей идентификации.
Профилактика и работа с населением	• Реализация программ добровольной сдачи оружия с гарантиями амнистии. • Создание механизмов поощрения граждан за сообщение о местах нелегального хранения или оборота оружия. • Проведение информационных кампаний об ответственности и последствиях незаконного оборота оружия.
Межведомственное и международное взаимодействие	• Организация постоянного обмена оперативной информацией между полицией, пограничными, таможенными службами и национальной гвардией. • Реализация совместных с соседними государствами операций и скоординированных планов контроля приграничных территорий. • Участие в международных инициативах по обмену опытом, данными и технологиями в сфере контроля над оружием.

Требуется ужесточение ответственности за незаконный оборот, введение четкого регулирования оборота компонентов оружия и средств его производства, включая чертежи для 3D-принтеров. Не менее важна модернизация правоохранительной системы. Это подразумевает оснащение профильных подразделений современными техническими средствами для мониторинга цифрового пространства и проведения баллистических исследований, а также постоянное повышение квалификации сотрудников для противодействия высокотехнологичным преступлениям.

Особое внимание должно уделяться антикоррупционной составляющей и налаживанию межведомственного информационного обмена между таможенными, пограничными и внутренними органами.

При этом силовой компонент не будет эффективен без системной работы по снижению спроса. Это включает в себя меры по выявлению и нейтрализации пропагандистских нарративов, которые романтизируют насилие и вовлекают молодежь в радикальные группировки. Развитие программ социальной реабилитации и реинтеграции в зонах постконфликтного урегулирования позволяет разорвать порочный круг насилия.

Таким образом, противодействие незаконному обороту оружия в гибридной войне — это непрерывное противостояние на стыке кибербезопасности, международной дипломатии, правоохранительной деятельности и социальной политики, где успех возможен только при опережающем и скоординированном ответе всего международного сообщества.

Литература

1. Абдулмуслимов А.А. Актуальные проблемы противодействия незаконному обороту оружия. Colloquium-Journal. 2020. № 2-12 (54). С. 44-46.

2. Малышев А.Г., Абдуллина К.Р., Левин М.С. Проблема роста незаконного оборота оружия и пути ее разрешения в современных реалиях. В сборнике: Современные вопросы огневой подготовки и пути ее совершенствования. Сборник материалов научно-практического семинара с международным участием. Рязань, 2023. С. 25-29.

3. Поротов С.А., Шадчин И.Г. Незаконный оборот оружия: причины, последствия и пути решения проблемы. Аллея науки. 2024. Т. 1. № 9 (96). С. 378-381.

4. Робак В.А. Понятие незаконного оборота оружия и классификация преступлений. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 3-1. С. 212-216.

5. Соболевский А.С., Селяков Н.А. Противодействие незаконному обороту оружия. В сборнике: Развитие современной науки и образования: инновации в преподавании, обучении, научных исследованиях. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Архангельск, 2024. С. 70-72.

6. Филиппова Е.О., Журкина О.В. Противодействие незаконному обороту оружия. Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 10А. С. 139-149.

7. Шостак М.И. Причины и условия, способствующие незаконному обороту оружия. В сборнике: Актуальные вопросы современных научных исследований. сборник статей XVII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Пенза, 2025. С. 144-146.

Illicit arms trafficking in hybrid warfare: contemporary challenges and counteraction mechanisms

Moroz V.A.

Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs

This article analyzes illicit arms trafficking as a key tool of hybrid warfare. It examines the transformation of this phenomenon from a criminal-legal issue into a strategic tool aimed at undermining state sovereignty and creating controlled flashpoints. Particular attention is paid to contemporary challenges, including the complete digitalization of shadow trade via the darknet and encrypted messaging apps, as well as the emergence of fundamentally new technological threats, such as decentralized weapons production using 3D printing. Based on a study of international experience, the author has systematized a comprehensive counteraction mechanism that combines the creation of global coalitions, the implementation of specialized sanctions, the strengthening of national legislation, the development of investigative and cyberpolice capabilities, and the implementation of preventive social measures. The paper presents a detailed list of specific actions necessary to organize an effective countermeasure at the international and national levels.

Keywords: arms trafficking, hybrid warfare, cybercrime, darknet, 3D weapons printing, national security, international cooperation, transnational threats

References

1. Abdulsimov A.A. Current problems of countering illicit arms trafficking. Colloquium-Journal. 2020. No. 2-12 (54). Pp. 44-46.

2. Malyshev A.G., Abdullina K.R., Levin M.S. The problem of the growth of illicit arms trafficking and ways to resolve it in modern realities. In: Modern issues of fire training and ways of its improvement. Collection of materials of a scientific-practical seminar with international participation. Ryazan, 2023. Pp. 25-29.

3. Porotov S.A., Shadchin I.G. Illicit arms trafficking: causes, consequences and solutions. Alley of Science. 2024. Vol. 1. No. 9 (96). Pp. 378-381.

4. Robak V.A. The concept of illegal arms trafficking and classification of crimes. Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. 2021. Vol. 7 (73). No. 3-1. Pp. 212-216.

5. Sobolevsky A.S., Selyakov N.A. Countering illicit arms trafficking. In: Development of modern science and education: innovations in teaching, learning, research. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Arkhangelsk, 2024. Pp. 70-72.

Стратегическая триангуляция как фактор формирования новой архитектуры международной безопасности: потенциал российской политики в контексте украинского кризиса

Нерсисян Руслан Сергеевич

Независимый исследователь, ruslan_nersesyan@mail.ru

В данной статье проводится комплексный анализ теоретических оснований и практических механизмов реализации стратегии «стратегической триангуляции» как инструмента урегулирования системных кризисов в международных отношениях. На основе синтеза методологических подходов, представленных в двух монографиях, обосновывается тезис о невозможности разрешения затяжного украинского кризиса в рамках существующих двусторонних и многосторонних форматов, обусловленной их исчерпанностью в условиях формирующейся полицентричной модели миропорядка. Автор аргументирует, что ключ к стратегическому урегулированию лежит в трансформации глобальной архитектуры безопасности через создание устойчивой трехсторонней конфигурации «Вашингтон – Москва – Пекин», где Российская Федерация способна выполнять функцию стратегического арбитра. В качестве центрального практического механизма формирования такой оси предлагается реализация масштабных совместных экономических проектов, создающих материальную платформу взаимозависимости, ценность которой для всех участников будет превышать ценность конфронтации. В статье детально раскрывается поэтапная стратегия «российского гамбита», демонстрирующая причинно-следственную связь между запуском трехсторонней экономической платформы и последовательной деэскалацией украинского кризиса через взаимные уступки в рамках «большой сделки». Доказывается, что данный сценарий, сопряженный с управляемыми рисками, является оптимальным для национальных интересов России, позволяя трансформировать системные угрозы в стратегические возможности и обеспечить переход от роли стороны регионального конфликта к статусу со-архитектора управляемой многополярности.

Ключевые слова: стратегическая триангуляция, российский гамбит, ось, украинский кризис, политическое урегулирование, многополярность, управляемая напряженность, международная безопасность, геополитический арбитр, водородная энергетика, архитектура безопасности.

Современная система международных отношений претерпевает фундаментальную трансформацию, характеризующуюся дезинтеграцией унаследованных от эпохи «короткого XX века» институциональных структур и хаотичным становлением новой полицентричной модели. Катализатором и одновременно симптомом этих тектонических сдвигов выступает затяжной украинский кризис, который, возник как региональный конфликт и трансформировался в системный узел противоречий, стягивающий воедино проблемы европейской безопасности, геополитического соперничества и идеологического размежевания. Многочисленные попытки его урегулирования будь то в формате двусторонних консультаций, «нормандского формата» или при посредничестве международных организаций, не увенчались успехом, что свидетельствует не о тактических просчетах, а о глубинном кризисе самих дипломатических инструментов, сформированных в иную историческую эпоху [21, с.2].

Актуальность настоящего исследования обусловлена настоятельной необходимостью поиска нетривиальных выходов из системного тупика, в котором оказались ключевые акторы мировой политики. Становится все более очевидным, что украинский кризис не может быть разрешен в собственной плоскости, поскольку его гносеологические корни лежат в сфере макропроцессов, связанных с трансформацией глобального баланса сил и кризисом трансатлантической модели безопасности. Европейский Союз, выступающий в данном контексте в качестве одной из сторон конфликта, демонстрирует структурную неспособность к самостоятельному стратегическому целеполаганию в вопросах «жесткой» безопасности, оставаясь в фарватере политики Соединенных Штатов. Следовательно, разработка любого жизнеспособного долгосрочного решения требует выхода на уровень прямого и конструктивного диалога между Москвой и Вашингтоном.

Однако центральная гипотеза, вытекающая из комплексного анализа представленных монографий, заключается в том, что прямое стратегическое партнерство между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки в его классическом понимании является недостижимым на современном этапе в силу критической массы накопленного взаимного недоверия, идеологической конфронтации и институциональной инерции. В этой связи, единственной прочной основой для такого диалога может стать кардинальная смена парадигмы, а именно переход от зашедшей в тупик логики двусторонних отношений к логике трехстороннего формата, в котором Россия выступает в роли незамени-

мого системного элемента [11, с.10]. Она становится стратегическим арбитром и стабилизатором, в ключевом стратегическом противостоянии XXI века: между США и Китайской Народной Республикой. Таким образом, стратегическое урегулирование украинского кризиса видится возможным лишь в контексте достижения «большой сделки» между Россией и США, которая, в свою очередь, станет достижимой только тогда, когда Российская Федерация сможет предложить Вашингтону уникальный и высоколиквидный актив, а именно свое конструктивное посредничество и уникальные каналы коммуникации в отношениях с Пекином. Для легитимизации и институционализации этой новой роли необходима создание прочной, материальной платформы взаимного доверия и прагматической заинтересованности [20, с.3]. Такой платформой, в рамках предложенной концепции, должен стать не политический союз, чреватый новыми идеологическими расколами, а масштабный совместный бизнес-проект трех держав на территории России, основанный на принципах экономической целесообразности и долгосрочной взаимной выгоды.

Целью настоящей статьи является теоретическое обоснование и разработка контуров комплексной внешнеполитической стратегии, условно именуемой «российский гамбит», ведущей к формированию устойчивой оси Вашингтон–Москва–Пекин через реализацию конкретных совместных экономических инициатив, а также демонстрация каузального механизма, связывающего данный процесс с поэтапным снятием противоречий вокруг Украины. Научная новизна работы заключается в синтезе проблемы острого регионального кризиса с фундаментальным вопросом о трансформации глобального баланса сил, и в предложении конкретного, неспекулятивного механизма его разрешения через экономическую триангуляцию, предполагающую создание материальных интересов, перевешивающих стоимость конфронтации.

Современная система международных отношений демонстрирует системную несостоятельность как биполярной модели, доминировавшей в эпоху Холодной войны, так и униполярной конструкции, установившейся в период с 1991 по конец 2010-х годов [5, с.10]. Биполярность, обеспечивавшая относительную стабильность через доктрину гарантированного взаимного уничтожения, была основана на жесткой блоковой логике, не оставляющей пространства для стратегического маневра третьим странам и усугублявшей идеологический раскол мирового сообщества. В современных условиях, когда вызовы носят транснациональный характер, например: пандемии, кибербезопасность, изменение климата, а национальные экономики глубоко интегрированы в глобальные цепочки создания стоимости, подобная модель противостояния представляется не только анахронизмом, но и фактором, ведущим к неизбежной и неуправляемой эскалации.

Униполярная модель, базировавшаяся на доминировании Соединенных Штатов и их союзников, потерпела крах вследствие совокупности фундаментальных причин. К таковым относятся:

- стремительное возвышение Китая как равновесной экономической и военно-политической силы;
- возвращение России в клуб великих держав, отстаивающих свой суверенитет и право на самостоятельную внешнюю политику;
- глубокий кризис проекта либерального интернационализма, выразившийся в глобальном росте протестных настроений и отказе многих государств от следования в фарватере западной политики [4, с.2]. В результате, мир объективно движется к полицентричной (многополярной) системе. Однако стихийное, неуправляемое становление многополярности, лишенное общепризнанных правил и институтов арбитража, чревато хаосом, непредсказуемостью и ростом конфликтного потенциала, что наглядно демонстрирует текущая ситуация. В этих условиях возникает объективная потребность в новых, более сложных и гибких форматах взаимодействия, способных структурировать новую реальность и минимизировать риски глобальной дестабилизации [6, с.4].

С точки зрения теории систем и политического реализма, трехсторонняя конфигурация, такая как стратегический треугольник является минимально необходимой и достаточной для создания устойчивой саморегулирующейся системы. В отличие от хрупких и конфронтационных двусторонних отношений, треугольник обладает рядом фундаментальных преимуществ, определяющих его стабильность, а именно:

- во-первых, он обеспечивает эффективную балансировку и сдерживание в системе из трех равновеликих акторов ни один из них не может доминировать над двумя другими в одиночку. Любая попытка одного участника усилить свое давление на второго будет немедленно уравновешиваться его стратегическим сближением с третьим, что создает естественный сдерживающий механизм, предотвращающий крайние формы агрессии;
- во-вторых, такая конфигурация повышает маневренность и переговорную силу государства, занимающего позицию арбитра или балансира. В данном случае, Российская Федерация, обладающая уникальными каналами коммуникации с обеими сторонами глобального противоречия, получает значительное увеличение своего влияния, поскольку ее голос и позиция превращаются в ценный актив для Вашингтона и Пекина, стремящихся перетянуть Москву на свою сторону или, по крайней мере, не допустить ее полного перехода в стан оппонента;
- в-третьих, наличие третьей стороны, объективно заинтересованной в общей стабильности, создает буферную зону и дополнительные, зачастую неформальные, каналы для диалога и деэскалации в моменты острых кризисов между двумя другими участниками;
- в-четвертых, трехсторонний формат обладает повышенной устойчивостью к разрыву, если в двусторонних отношениях разрыв связи ведет к полному прекращению взаимодействия, то в треугольнике разрыв одной из связей не приводит к тотальному коллапсу всей системы. Оставшиеся две связи

сохраняются, а третий, арбитражный участник, получает возможность выступать посредником для восстановления утраченной дипломатической связи [3, с.8].

Ось Вашингтон – Москва – Пекин является эмпирически оптимальной для такой конфигурации, поскольку именно эти три державы олицетворяют три различных цивилизационных проекта, три центра экономической, технологической и военной мощи, а также обладают правом вето в Совете Безопасности ООН, и их совокупные стратегические интересы охватывают весь мировой политический ландшафт. Ни один глобальный вопрос не может быть решен долгосрочно и легитимно без участия или против воли кого-либо из этой тройки. Следовательно, кооперация в этом формате является не благим пожеланием, а объективной необходимостью для выживания и устойчивого развития человечества в антропоцене.

Анализ текущих двусторонних конфигураций подтверждает их тупиковый характер. Отношения между Россией и США пребывают в глубочайшем системном коллапсе со времен Карибского кризиса, отягощенным накопленным грузом взаимного недоверия, идеологической непримиримостью, обширным санкционным режимом и практическим отсутствием работающих диалоговых площадок. Отношения между Россией и Китаем, достигшие уровня всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия, тем не менее, таят в себе скрытые риски, главным из которых является риск асимметричной зависимости, когда технологическое и экономическое превосходство Китая может со временем трансформировать равноправное партнерство в отношения «старшего и младшего брата» [1, с.3]. Отношения между США и Китаем характеризуются как «стратегическое соперничество», при котором прямой диалог блокируется глубоким идеологическим антагонизмом, торговыми войнами и соперничеством в сфере высоких технологий. Таким образом, существующие двусторонние форматы не способны предложить решение не только сегодняшним проблемам, но и другим фундаментальным проблемам глобального управления [2, с.3]. Единственным жизнеспособным выходом представляется переход к трехсторонней конфигурации, где Россия, используя свою уникальную позицию, выступает в роли стратегического арбитра. Эта роль не даруется по умолчанию, а завоевывается через предложение США и Китаю уникального актива, ценность которого перекрывает текущие противоречия. Таким активом, автор выступает с предложением о создании совместного экономического проекта, который создаст новую реальность взаимозависимости.

Теоретическая модель «стратегической триангуляции» требует конкретного практического воплощения, поскольку в современных условиях политические декларации и меморандумы о намерениях не обладают достаточной прочностью и устойчивостью к кризисам [16, с.5]. Необходимо создание материальной, экономической основы новой оси, которая связала бы три державы узлами взаимной вы-

годы и прагматической целесообразности, стоимость поддержания которых будет неоспоримо превышать ценность продолжения конфронтационного курса. Такой основой, в рамках предложенной концепции, должен стать масштабный совместный бизнес-проект на территории Российской Федерации, имеющий долгосрочный стратегический характер и отвечающий национальным интересам всех участников.

После анализа глобальных трендов, структурных потребностей экономик и стратегических интересов всех трех сторон, в качестве оптимальной сферы для первичного сотрудничества предлагается создание на Дальнем Востоке России международного водородного хаба и центра высокотехнологичной переработки природных ресурсов. Выбор данной отрасли обусловлен ее соответствием долгосрочным векторам мирового развития. Для Соединенных Штатов, взявших курс на декарбонизацию и «зеленый переход», создание мощного внешнего источника экологически чистого водорода соответствует их климатическим и энергетическим целям. Американские технологические компании, являющиеся лидерами в области производства и использования водородных топливных элементов, получают масштабный рынок для сбыта своих технологий и установления отраслевых стандартов. Кроме того, диверсификация цепочек поставок энергоносителей за счет нового, стабильного источника вне зоны традиционной нестабильности Ближнего Востока полностью соответствует доктрине энергетической безопасности США [7, с.10].

Для Китайской Народной Республики, выступающей крупнейшим потребителем энергии в мире, участие в таком проекте является ключевым элементом обеспечения своей растущей энергетической потребности и диверсификации импорта с целью снижения зависимости от угля. Параллельно, участие в проекте совместно с американскими партнерами предоставляет китайским компаниям легитимный доступ к передовым ноу-хау, а также дает возможность непосредственного влияния на формирование будущих глобальных стандартов в этой стратегической отрасли. Инфраструктура хаба может быть органично встроена в логику инициативы «один пояс – один путь», создав новый, технологичный маршрут поставок энергии в Евразию [15, с.5].

Для Российской Федерации данный проект открывает возможность совершить стратегический рывок от сырьевой модели экономики к высокотехнологичной переработке, создав новую, конкурентоспособную отрасль национального хозяйства. Это позволит закрепить за страной статус энергетической сверхдержавы нового типа, трансформировавшись из поставщика сырых углеводородов в ведущего игрока на рынке энергетики будущего. Данный проект станет катализатором для масштабных прямых иностранных инвестиций и трансфера критически важных технологий как с Запада, так и с Востока. Географически наилучшим плацдармом для реализации проекта является Российский Дальний Восток, что обусловлено его близостью к ключевым

рынкам сбыта в АТР, наличием развитой логистической инфраструктуры, а именно близостью расположения морских портов, таких как Ванино, Владивосток, Находка. Российский Дальний Восток обладает значительными ресурсами для производства «зеленого» водорода за счет множества ГЭС и «голубого» водорода, получаемого из природного газа. Данный регион обладает геополитическим символизмом развития при прямом участии США и Китая, что станет мощным сигналом о повороте России в Азию в качестве центра новой интеграции, а не младшего партнера [9, с.6].

Принципиально важным является то, что фундаментом «новой оси» должен стать именно бизнес-проект, а не политический союз. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, бизнес оперирует универсальным языком прагматизма, взаимной выгоды и показателями окупаемости инвестиций, который понятен и легитимен для всех трех сторон, в отличие от идеологизированного и конфронтационного политического дискурса. Во-вторых, крупные транснациональные корпорации, вовлеченные в проект с многомиллиардными инвестициями, объективно превращаются во влиятельных лоббистов стабильных и предсказуемых отношений между странами-участницами. Любые санкции или политическая эскалация будут напрямую угрожать их капиталовложениям, создавая, таким образом, мощный внутренний сдерживающий фактор в каждой из стран. В-третьих, в процессе реализации проекта формируется новая элитная сетевая структура, состоящая из стрех стран, которая, работая над общей задачей, создает транснациональное сообщество, заинтересованное в кооперации, а не в конфронтации. Это создает прочную человеческую и социальную основу для долгосрочного партнерства. Совместный бизнес позволяет обойти идеологические барьеры, блокирующие диалог на государственном уровне, и выстроить параллельные, неофициальные, но чрезвычайно эффективные каналы коммуникации, которые впоследствии могут быть использованы для решения в том числе и острых политических вопросов [8, с.4]. Таким образом, создание трехстороннего «водородного хаба» представляет собой не просто экономическую инициативу, а стратегический жест, переводящий отношения между тремя державами в новое системное качество, создавая материальную платформу для реализации роли России как арбитра.

Создание трехсторонней экономической платформы не является самоцелью, а выполняет функцию стратегического рычага, предназначенного для смещения с мертвой точки наиболее острой региональной проблемы, не имеющей решения в текущей конфигурации. Прочная экономическая взаимозависимость в формате «новой оси» кардинальным образом меняет систему стимулов и создает необходимые предпосылки для реализации поэтапной стратегии урегулирования украинского кризиса, условно названной «Российский гамбит» [19]. Под этим термином понимается стратегический обмен, в котором Россия сознательно жертвует монополией на партнерство с Китаем, предлагая себя в качестве

арбитра в обмен на снятие системного давления с Запада и легитимацию своей новой роли в формирующейся архитектуре глобальной безопасности. Таким образом запуск масштабного проекта «водородный хаб» создает ранее отсутствовавшую систему сдержек и противовесов, которая начинает оказывать непосредственное влияние на политический процесс.

Во-первых, происходит формирование мощного «лобби стабильности» внутри Соединенных Штатов. Крупные американские корпорации, вовлеченные в проект с многомиллиардными инвестициями, приобретают прямой экономический интерес в предотвращении дальнейшей эскалации с Россией. Они становятся влиятельной внутренней силой, которая будет оказывать систематическое давление на администрацию и Конгресс, аргументируя это тем, что санкционная политика и поддержка конфликтов напрямую угрожают их конкурентным позициям в стратегической гонке за энергетику будущего и доступ к рынкам Азиатско-Тихоокеанского региона.

Во-вторых, Китай превращается в заинтересованного наблюдателя и косвенного гаранта стабильности. Для Пекина трехсторонний проект становится важнейшим активом, обеспечивающим его долгосрочную энергобезопасность. Следовательно, любая попытка США добиться полной геополитической капитуляции России и дестабилизировать ее внутреннюю ситуацию будет воспринята Китаем как прямая угроза своим стратегическим инвестициям и экономическим интересам. Это вынудит китайское руководство использовать свои дипломатические каналы и рычаги влияния для сдерживания Вашингтона от чрезмерно агрессивных действий, выступая, по сути, в роли неформального стабилизатора.

В-третьих, для России сам проект «Водородный хаб» становится мощным активом для торга. Ее позиция «арбитра» подкрепляется реальным экономическим весом и созданной взаимозависимостью [17, с.12]. Угроза выхода России из проекта или его целенаправленного переформатирования в исключительно китайско-российский формат становится действенным рычагом давления на США, так как в этом случае Вашингтон теряет и доступ к технологическому влиянию в регионе, и возможность контроля над процессом стратегического сближения Москвы и Пекина.

«Российский гамбит» как поэтапная стратегия предполагает последовательный размен геoeкономических достижений на геополитические уступки по украинскому вопросу. На первом, подготовительном этапе продолжительностью примерно 1-2 года, происходит подписание рамочных соглашений по «Водородному хабу», создается международный консорциум и начинается финансирование. Политическим результатом данного этапа является создание необратимого экономического факта. Формируются лоббистские группы в США и Китае, заинтересованные в успехе проекта. Прямые военные действия де-факто замораживаются, так как все стороны начинают признавать их чрезмерную риско-

ванность для зарождающейся архитектуры сотрудничества. Параллельно начинаются неофициальные контакты в трехстороннем формате на уровне экспертов и бывших дипломатов [18, с.12].

На втором этапе, «торга и деэскалации», который будет продолжаться 2-3 года, проект переходит в активную стадию строительства, а инвестиции приобретают долгосрочный и труднозаменимый характер. В этих условиях Россия, опираясь на свою возросшую переговорную силу, выдвигает Вашингтону ультиматум: поэтапное снятие секторальных санкций в обмен на поэтапную военную деэскалацию на фронте и выполнение комплекса мер доверия. Соединенные Штаты, испытывая растущее давление со стороны своего бизнес-лобби и не желая обострять отношения с Китаем, вынуждены согласиться на этот торг. Начинается синхронизированный и верифицируемый процесс отвода тяжелых вооружений, обмен пленными, снижение интенсивности боевых действий происходят параллельно с частичным снятием финансовых и технологических ограничений с российской экономики.

На третьем, завершающем этапе, который продлится около 3-5 лет, «Водородный хаб» выходит на стадию коммерческой эксплуатации, а экономические связи между тремя странами оказываются прочно укрепленными. В условиях этой новой реальности становится возможным заключение окончательной «большой сделки» по Украине [13]. Ее контуры могут включать следующие элементы:

- со стороны Запада (при посредничестве и гарантиях США) – юридическое закрепление внеблокового статуса Украины с предоставлением ей международных гарантий безопасности, полное снятие оставшихся санкций с России, а также де-факто признание существующих территориальных реалий статус Крыма и новых субъектов РФ в обмен на урегулирование гуманитарных вопросов и предоставление Украине особых экономических гарантий и программ помощи с участием России;

- со стороны России – предоставление гарантий неприменения силы при условии строгого соблюдения внеблокового статуса Украины, участие в международных программах восстановления инфраструктуры Украины, а также возобновление контрактов на транзит газа через украинскую газотранспортную систему, что становится экономически выгодным в контексте общей кооперации.

Предложенная стратегия была бы утопичной пять лет назад, однако в текущих условиях она приобретает черты прагматичности в силу изменения международного контекста. Ключевыми факторами являются стратегическая усталость США, которые оказываются перед дилеммой продолжения дорогостоящей конфронтации на два фронта, а именно против России в Европе и против Китая в АТР или поиска способа снять одно из направлений давления [14, с.4]. «Российский гамбит» предлагает Вашингтону элегантный выход, позволяя перебросить ресурсы на тихоокеанский театр, признаваемый главным, и одновременно получить уникальный канал влияния над Китаем. Кроме того, для прагматичного американского лидера, ориентированного

на экономические дивиденды и концепцию «America First», прямая сделка с Россией и Китаем может выглядеть привлекательнее, чем бесконечная и крайне затратная поддержка Украины. В этой новой системе координат региональный конфликт в Восточной Европе теряет свою глобальную значимость на фоне стратегической конкуренции за будущее энергетики и технологий.

Ключевым инструментом, переводящим эту модель из теоретической плоскости в практическую, выступает создание материальной платформы взаимозависимости масштабного совместного бизнес-проекта, такого как «Водородный хаб» на Дальнем Востоке. Именно экономика, а не идеология, становится цементом новой оси, создавая мощные транснациональные лоббистские группы внутри каждой из стран-участниц, для которых ценность сотрудничества и стабильности будет неоспоримо выше цены конфронтации и непредсказуемости.

Стратегия «Российского гамбита», при всех сопряженных с ней рисках, которые, однако, поддаются управлению, является оптимальным сценарием, позволяющим диверсифицировать внешнеполитические риски, обеспечить технологическую модернизацию экономики и укрепить внутреннюю стабильность на основе успеха и роста благосостояния. Реализация этой стратегии потребует высочайшего дипломатического мастерства, стратегического терпения и железной воли, а также готовности действовать нестандартно, постоянно доказывая свою незаменимость в качестве гаранта глобальной стабильности [10].

В конечном счете, «Российский гамбит» – это стратегическое видение будущего, в котором Россия отказывается от роли вялого «возмутителя спокойствия» в системе, определяемой другими, и берет на себя ответственность за становление управляемой многополярности. Это переход от логики обороны и защиты суверенитета к логике его активного утверждения через созидание новой, более стабильной и справедливой глобальной архитектуры. Прочность России как моста и балансира между цивилизациями будет в значительной степени определять гармонию и устойчивость всего мирового порядка в наступающую эпоху [12].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в современных международных условиях, характеризующихся кризисом старых моделей и хаотичным становлением полицентричности, у Российской Федерации существует исторический шанс кардинально изменить свою роль и положение в глобальной политике. Украинский кризис, являясь наиболее острым проявлением системного тупика, не может быть разрешен в своих собственных границах. Его урегулирование требует выхода на принципиально иной геостратегический уровень, связанный с трансформацией всей архитектуры международной безопасности.

Предложенная в статье модель, основанная на стратегической триангуляции отношений в формате Вашингтон – Москва – Пекин, представляет собой не спекулятивную конструкцию, а прагматичный и

структурный ответ на вызовы времени. Она базируется на трезвом анализе фундаментальных национальных интересов всех трех держав. Для США это – возможность переключиться с конфронтации на два фронта и стратегическую фокусировку на главном конкуренте, получив при этом уникальный канал влияния и снизив риски прямой эскалации. Для Китая – это гарантия от формирования прочного антикитайского альянса, в обеспечении долгосрочной энергетической безопасности и легитимации своего статуса как равновеликой сверхдержавы в рамках нового миропорядка. Для России – это единственный путь, ведущий не просто к снятию санкционного бремени и политической изоляции, но и к обретению качественно нового статуса глобального арбитра и со-архитектора новой системы международной безопасности.

Литература

1. Артемьев И.А. Отношения России и Китая на современном этапе. Перспективы развития экономических отношений и многостороннего сотрудничества / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-rossii-i-kitaya-na-sovremennom-etape-perspektivy-razvitiya-ekonomicheskikh-otnosheniy-i-mnogostoronnego-sotrudnichestva> (дата обращения: 21.10.2025).
2. Грэм Т. Китай -Россия – США: отношения и стратегические треугольники / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.politstudies.ru/files/File/2020/6/Polis-2020-6-Graham.pdf> (дата обращения: 21.10.2025).
3. Дегтерев Д.А., Рамич М.С. Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-treugolniki-kak-instrument-balansirovaniya-v-mirovoy-politike> (дата обращения: 21.10.2025).
4. Ильин В.В., Красовский С.П., Тимофеев А.П. Характер современного «Мирового порядка» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakter-sovremennogo-mirovogo-poryadka> (дата обращения: 21.10.2025).
5. Ильинский И.М. Холодная война: новый этап / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/holodnaya-voyna-novyy-etap> (дата обращения: 21.10.2025).
6. Капков С.С. Полицентризм как основное направление современной американской геополитической мысли / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politsentrizm-kak-osnovnoe-napravlenie-sovremennoy-amerikanskoj-geopoliticheskoy-mysli> (дата обращения: 21.10.2025).
7. Карандин К.С. Особенности применения стратегии триангуляции в социологических исследованиях / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-strategii-triangulyatsii-v-sotsiologicheskikh-issledovaniyah> (дата обращения: 21.10.2025).
8. Ключин Л. Проблемы взаимоотношений КНР и США в экономической сфере на современном этапе развития / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-vzaimootnosheniy-knr-i-ssha-v-ekonomicheskoy-sfere-na-sovremennom-etape-razvitiya> (дата обращения: 21.10.2025).
9. Кузнецова О.В., Дружинин А.Г. К новой стратегии пространственного развития России / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-novoy-strategii-prostranstvennogo-razvitiya-rossii> (дата обращения: 21.10.2025).
10. Лузянин С. Геополитический треугольник: взаимодействие России, Китая и США / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/geopoliticheskiy-treugolnik-vzaimodeystvie-rossii-kitaya-i-ssha/> (дата обращения: 21.10.2025).
11. Маркедонов С.М. Украинский кризис: воздействие на постсоветские конфликты / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskiy-kризис-vozdeystvie-na-postsovetskie-konflikty> (дата обращения: 21.10.2025).
12. Нерсисян Р.С. Россия как арбитр: Скрытый потенциал в системе стратегического треугольника США -Китай -Россия / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/rossiya-kak-arbitr-skrytyy-potencial-v-sisteme-strategich-72649198/> (дата обращения: 21.10.2025).
13. Нерсисян Р.С. Экономическая доктрина новой глобальной социальной парадигмы Российской Федерации / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/ekonomicheskaya-doktrina-novoy-globalnoy-socialnoy-paradi-72619243/> (дата обращения: 21.10.2025).
14. Нигматуллина А.Р. Отношения в треугольнике россия-сша-китай в современной системе международных отношений / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-v-treugolnike-rossiya-ssha-kitay-v-sovremennoy-sisteme-mezhdunarodnyh-otnosheniy> (дата обращения: 21.10.2025).
15. Пименова А.О. «Один пояс – Один путь» как глобальный экономический проект Китая / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/odin-poyas-odin-put-kak-globalnyy-ekonomicheskij-proekt-kitaya> (дата обращения: 21.10.2025).
16. Погорельский А.В. История становления и реализации проекта «Европейский зеленый курс» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-i-realizatsii-proekta-evropeyskiy-zelyonny-kurs> (дата обращения: 21.10.2025).
17. Прудникова А.А., Сидоренко Т.В. Развитие водородной энергетики в условиях перехода к устойчивому развитию: возможности и риски / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-vodorodnoy-energetiki-v-usloviyah-perehoda-k-ustoychivomu>

razvitiyu-vozmozhnosti-i-riski (дата обращения: 21.10.2025).

18. Саитова А.А., Ильинский А.А., Джемилев Э.Р. Перспективы развития водородной энергетики Российской Федерации / [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-vodorodnoy-energetiki-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 21.10.2025).

19. Фагергрэн Э. Русский гамбит для изменения существующего мирового порядка / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://connections-qj.org/ru/article/russkiy-gambit-dlya-izmeneniya-sushchestvuyushchego-mirovogo-poryadka> (дата обращения: 21.10.2025).

20. Хуашен Ч. Загадочная «большая сделка» Трампа с Россией / [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zagadochnaya-bolshaya-sdelka-trampa-s-rossiei> (дата обращения: 21.10.2025).

21. Шмелев Б.А. Украинский кризис / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskiy-krizis> (дата обращения: 21.10.2025).

Strategic triangulation as a factor in Shaping a New International security architecture: the Potential of Russian Policy in the Context of the Ukrainian crisis

Nersesyan R.S.

This article provides a comprehensive analysis of the theoretical foundations and practical mechanisms for implementing the strategy of "strategic triangulation" as a tool for resolving systemic crises in international relations. Based on the synthesis of methodological approaches presented in two monographs, the thesis is substantiated that it is impossible to resolve the protracted Ukrainian crisis within the existing bilateral and multilateral formats, due to their exhaustion in the context of the emerging polycentric model of the world order. The author argues that the key to a strategic settlement lies in the transformation of the global security architecture through the creation of a stable Washington–Moscow–Beijing trilateral configuration, where the Russian Federation is able to serve as a strategic arbitrator. As a central practical mechanism for forming such an axis, it is proposed to implement large-scale joint economic projects that create a material platform of interdependence, the value of which for all participants will exceed the value of confrontation. The article details the step-by-step strategy of the "Russian gambit", demonstrating the causal relationship between the launch of the trilateral economic platform and the consistent de-escalation of the Ukrainian crisis through mutual concessions within the framework of the "grand bargain". It is proved that this scenario, involving manageable risks, is optimal for Russia's national interests, allowing it to transform systemic threats into strategic opportunities and ensure a transition from the role of a party to a regional conflict to the status of a co-architect of managed multipolarity. The publication of the article invites readers to further discussion with the author.

Keywords: strategic triangulation, Russian gambit, axis, Ukrainian crisis, political settlement, multipolarity, managed tensions, international security, geopolitical arbiter, hydrogen energy, security architecture.

References

1. Artemyev I.A. Relations between Russia and China at the Current Stage. Prospects for the Development of Economic Relations and Multilateral Cooperation / [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-rossii-i-kitaya-na-sovremennom-etape-perspektivy-razvitiya-ekonomicheskikh-otnosheniy-i-mnogostoronnego-sotrudnichestva> (date of access: 21.10.2025).
2. Graham T. China-Russia-USA: Relations and Strategic Triangles / [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.polistudies.ru/files/File/2020/6/Polis-2020-6-Graham.pdf> (date of access: 21.10.2025).
3. Degtyarev D.A., Ramich M.S. Strategic triangles as a balancing instrument in world politics / [Electronic resource]. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-treugolniki-kak-instrument-balansirovaniya-v-mirovoy-politike> (Accessed: 21.10.2025).

4. Ilyin V.V., Krasovsky S.P., Timofeev A.P. The nature of the modern "World order" / [Electronic resource]. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakter-sovremennogo-mirovogo-poryadka> (Accessed: 21.10.2025).
5. Ilyinsky I.M. Cold War: New Stage / [Electronic resource]. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/holodnaya-voyna-novyy-etap> (Accessed: 21.10.2025).
6. Kapkov S.S. Polycentrism as the Main Direction of Modern American Geopolitical Thought / [Electronic resource]. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politsentrizm-kak-osnovnoe-napravlenie-sovremennoy-amerikanskoy-geopoliticheskoy-mysli> (Accessed: 21.10.2025).
7. Karandin K.S. Features of the Application of the Triangulation Strategy in Sociological Research / [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-strategii-triangularnykh-v-sotsiologicheskikh-issledovaniyakh> (date of access: 21.10.2025).
8. Klyushin L. Problems of relations between the PRC and the USA in the economic sphere at the current stage of development / [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-vzaimootnosheniy-kr-i-ssha-v-ekonomicheskoy-sfere-na-sovremennom-etape-razvitiya> (date of access: 21.10.2025).
9. Kuznetsova O.V., Druzhinin A.G. Towards a new strategy for spatial development of Russia / [Electronic resource]. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-novoy-strategii-prostranstvennogo-razvitiya-rossii> (Accessed: 21.10.2025).
10. Luzyanin S. Geopolitical Triangle: Interactions between Russia, China, and the United States / [Electronic resource]. – Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/geopoliticheskii-treugolnik-vzaimodeystviya-rossii-kitaya-i-ssha/> (Accessed: 21.10.2025).
11. Markedonov S.M. Ukrainian Crisis: Impact on Post-Soviet Conflicts / [Electronic resource]. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskiy-krizis-vozdeystvie-na-postsovetkie-konflikty> (Accessed: 21.10.2025).
12. Nersesyan R.S. Russia as an Arbitrator: Hidden Potential in the USA-China-Russia Strategic Triangle System / [Electronic resource]. – Available at: <https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/rossiya-kak-arbitr-skrityy-potencial-v-sisteme-strategich-72649198/> (Accessed: 21.10.2025).
13. Nersesyan R.S. Economic Doctrine of the New Global Social Paradigm of the Russian Federation / [Electronic resource]. – Available at: <https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/ekonomicheskaya-doktrina-novoy-globalnoy-socialnoy-paradi-72619243/> (Accessed: 21.10.2025).
14. Nigmatullina A.R. Relations in the Russia-USA-China Triangle in the Modern System of International Relations / [Electronic resource]. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-i-treugolnike-rossiya-ssha-kitay-v-sovremennoy-sisteme-mezhdunarodnyh-otnosheniy> (Accessed: 21.10.2025).
15. Pimenova A.O. "One Belt - One Road" as China's Global Economic Project / [Electronic resource]. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/odin-poyas-odin-put-kak-globalnyy-ekonomicheskii-proekt-kitaya> (Accessed: 21.10.2025).
16. Pogorelsky A.V. History of the formation and implementation of the European Green Deal project / [Electronic resource]. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-i-realizatsii-proekta-evropeyskiy-zelyonnyy-kurs> (Accessed: 21.10.2025).
17. Prudnikova A.A., Sidorenko T.V. Development of hydrogen energy in the context of the transition to sustainable development: opportunities and risks / [Electronic resource]. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-vodorodnoy-energetiki-v-usloviyah-perehoda-k-ustoychivomu-razvitiyu-vozmozhnosti-i-riski> (Accessed: 21.10.2025).
18. Saitova A.A., Ilyinsky A.A., Dzhemilev E.R. Prospects for the Development of Hydrogen Energy in the Russian Federation / [Electronic resource]. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-vodorodnoy-energetiki-rossiyskoy-federatsii> (Accessed: 21.10.2025).
19. Fagergren E. The Russian Gambit for Change I of the existing world order / [Electronic resource]. – Access mode: <https://connections-qj.org/ru/article/russkiy-gambit-dlya-izmeneniya-sushchestvuyushchego-mirovogo-poryadka> (accessed on 21.10.2025).
20. Huashen C. Trump's Mysterious "Grand Deal" with Russia / [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/zagadochnaya-bolshaya-sdelka-trampa-s-rossiei> (accessed on 21.10.2025).
21. Shmelev B.A. Ukrainian crisis / [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskiy-krizis> (accessed on 21.10.2025).

Предметная область и организационно-правовые механизмы реализации государственной молодежной политики в условиях цифровизации в Республике Башкортостан и Республике Дагестан

Азаров Михаил Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Azarov.MS@rea.ru

Коновалова Ксения Юрьевна

студентка факультета Высшая школа права Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Konovalova.KY@rea.ru

Богуцкая Алёна Сергеевна

студентка факультета Высшая школа права Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, alena300901@gmail.com

В статье рассматриваются элементы предметной области и действующие организационно-правовые механизмы реализации государственной молодежной политики в условиях цифровизации в Республике Башкортостан и Республике Дагестан на основе анализа актуальных законов и подзаконных нормативных правовых актов республик и, в особенности, региональных документов стратегического планирования.

Вопросы реализации государственной молодежной политики в Республике Башкортостан и Республике Дагестан в условиях цифровизации авторами статьи рассматриваются на примере таких сфер республиканской внутренней политики как образование и культура. На основе проведенного анализа, авторами статьи делается ряд общих выводов касательно промежуточных результатов реализации государственной молодежной политики в рассмотренных регионах с выраженной национальной идентичностью.

Ключевые слова: государственная молодежная политика; молодежь; общероссийская гражданская идентичность; молодежные общественные объединения; цифровизация; образовательная среда.

Введение

В основе выборки регионов для их рассмотрения в контексте изучения вопросов реализации ими государственной молодежной политики, авторами был положен принцип непохожести регионов.

Во-первых, выбранные регионы представляют различные федеральные округа – Приволжский федеральный округ (Республика Башкортостан) и Северо-Кавказский федеральный округ (Республика Дагестан).

Во-вторых, в рассматриваемых регионах наблюдается по-разному представленная конфессиональная принадлежность их населения: в Республике Дагестан большая часть населения исповедует ислам, в Республике Башкортостан – население исповедует как ислам, так и христианство.

В-третьих, изучаемые республики в несколько раз отличны одна от другой по площади.

В-четвертых, в этническом плане сопоставляемые субъекты также отличаются: от пестро-полиэтнического населения в Республике Дагестан к Республике Башкортостан с тремя доминирующими нациями (башкиры, русские, татары), представляющими до 90 процентов населения республики.

Учитывая, что Российская Федерация как федерация построена по национально-территориальному принципу, представляется важным и весьма интересным рассмотреть, как государственная молодежная политика в этих непохожих друг на друга республиках реализуется с опорой на цифровизацию и в целях укрепления общероссийской национальной идентичности их населения.

Республика Башкортостан

Предметная область и организационно-правовые механизмы реализации государственной молодежной политики в Республике Башкортостан закреплены в законах и подзаконных нормативных правовых актах республики.

Анализ государственной программы [1] и закона [2], направленных на развитие и реализацию государственной молодежной политики в республике, позволяет выделить ключевые особенности предметной области ее реализации.

Ключевыми направлениями, составляющими предметную область реализации государственной молодежной политики на республиканском уровне, выступают следующие:

- Нравственное воспитание молодежи (республиканские органы власти уделяют большое внимание популяризации произведений науки, литера-

туры и искусства, призванных укреплять общероссийскую гражданскую идентичность и духовные ценности молодежи региона);

- Развитие волонтерского движения;
- Совместная реализация общественно-значимых проектов республиканскими органами исполнительной власти и молодежными организациями;
- Профилактика асоциальных течений в молодежной среде;
- Развитие талантов детей и молодежи;
- Помощь молодежным общественным объединениям в реализации их целевой деятельности;
- Поддержка молодых предпринимателей из числа молодежи;
- Достижение межнационального и межрелигиозного согласия в среде республиканской молодежи;
- Воссоздание молодежных городских и сельских пространств, способствующих развитию и досугу молодого поколения;
- Реализация мероприятий, направленных на оздоровление молодежи и воспитание их культуры здорового образа жизни;
- Содействие занятости молодежи.

К числу базовых организационно-правовых механизмов реализации государственной молодежной политики на республиканском уровне, можно отнести следующие:

- Деятельность Министерства молодежной политики Республики Башкортостан, которое выступает в качестве базового (стратегического) звена развития государственной молодежной политики республики (ведет разработку государственных и межмуниципальных программ по ключевым направлениям в сфере молодежной политики с учетом социальной, экономической и этнокультурной специфики республики). К ведению указанного регионального министерства также относятся организация и мониторинг реализации государственной молодежной политики на территории республики;
- Деятельность иных федеральных органов государственной власти, региональных органов власти и органов местного самоуправления республики, которые реализуют государственную молодежную политику в тесном сотрудничестве (коллаборации) с республиканской молодежью, принимающей деятельное участие в консультативных подразделениях вышеуказанных органов;
- Функционирование учреждений молодежной политики (65 подобных учреждений и 177 молодежных центров). Помимо них, большую работу проводят Республиканский центр волонтерского движения и поддержки молодежных инициатив, а также Республиканский молодежный социально-психологический и информационно-методический центр.

Реализацию государственной молодежной политики в Республике Башкортостан в условиях цифровизации, целесообразно проследить на примере таких сфер республиканской внутренней политики как образование и культура.

Одним из ключевых драйверов развития сферы образования Республики Башкортостан является

опора на создание полноценной цифровой образовательной среды. Согласно республиканской государственной программе [3], в настоящий момент времени подобная среда в полной мере не сформирована (в частности, работа не завершена в общеобразовательных организациях республики; не в полной мере осуществлена цифровая трансформация системы образования). Вместе с тем, нельзя не сказать, что немалый пласт работ все же был успешно реализован. Например, за период с 2019 по 2022 год, цифровое оборудование было поставлено в 609 образовательных организаций, было создано около 600 центров образования «Точка роста», обеспечено функционирование 9 центров цифрового образования детей «IT-куб», приобретено 2 мобильных технопарка.

Министерство образования и науки Республики Башкортостан осуществляет управление сферой образования на уровне региона.

Сфера культуры Республики Башкортостан имеет серьезный потенциал к своему развитию (по части цифровизации), поскольку одной из актуальных задач государственной политики по этому направлению является расширение возможностей по доступу населения к культурным ценностям и информации. В особенности это актуально на муниципальном уровне. Исследователями было справедливо обозначено, что сравнительный анализ сайтов учреждений культуры Республики Башкортостан по критериям имиджевой эффективности позволил сделать выводы о неравномерном распределении возможностей использования новых технологий между городскими и сельскими учреждениями культуры [12].

Государственная республиканская программа [4], посвященная этому направлению внутренней политики, в частности, включает в себя следующий целевой показатель ее реализации – увеличение числа обращений населения республики к цифровым ресурсам в сфере культуры на 500 процентов.

В числе других целевых показателей реализации государственной программы (внутри ее подпрограмм):

- Число выставочных проектов, снабженных цифровыми гидами в формате дополненной реальности (AR);
- Число онлайн-трансляций региональных мероприятий, размещаемых на портале «Культура.РФ».

Министерство культуры Республики Башкортостан выступает в качестве ответственного исполнителя упомянутой государственной программы.

Республика Дагестан

Предметная область и организационно-правовые механизмы реализации государственной молодежной политики в Республике Дагестан закреплены в законах и подзаконных нормативных правовых актах республики.

Анализ государственной программы [5] и закона [6], ориентированных на развитие и реализацию гос-

ударственной молодежной политики на республиканском уровне, позволяет выделить ключевые особенности предметной области ее реализации.

Ключевыми направлениями, оформляющими предметную область реализации государственной молодежной политики на республиканском уровне, выступают следующие:

- Поддержка талантливой молодежи республики;
- Достижение разнообразия по части культурной и досуговой деятельности молодежи республики;
- Воспитание молодежи в патриотическом ключе (в республике проводятся множество форумов и конкурсов, посвященных, например, этапам Великой Отечественной войны 1941-1945 годов);
- Поддержка предпринимательских заделов молодежи республики;
- Профилактика вредных привычек в молодежной среде, формирование в их среде культуры здорового образа жизни;
- Содействие получению молодежью образования;
- Помощь молодежи в плане трудоустройства;
- Развитие волонтерства в молодежной среде (точкой притяжения всех добровольческих инициатив на республиканском уровне выступает Республиканский ресурсный центр развития добровольчества (волонтерства), открытый в конце 2020 года. Была серьезным образом активизирована работа центра по приему и обработке заявок участников СВО и членов их семей. За 3 года, с 2020 по 2022 годы, открылось 9 ресурсных центров развития и поддержки добровольчества (волонтерства) в крупных городах республики. Школы республики также включены в волонтерское движение, в них создаются волонтерские отряды);
- Формирование в молодежной среде высокой культуры межнационального общения;
- Популяризация семейных ценностей у молодежи;
- Воспитание нравственности молодежи [7] (речь идет по большей части о различных мероприятиях, которые ежегодно проводятся в республике, например: уроки мужества в школах с привлечением участников СВО; проведение Всероссийской недели правовой помощи по вопросам защиты интересов семьи; проведение просветительских уроков в школах республики, направленных на укрепление семейных ценностей);
- Развитие инфраструктуры молодежной политики (требуется обеспечить ее развитие не только в крупных городах республики, но и на сельских территориях).

К числу базовых организационно-правовых механизмов реализации государственной молодежной политики на республиканском уровне, можно отнести следующие:

- Деятельность Министерства по делам молодежи Республики Дагестан и подведомственных ему организаций;

- Деятельность иных органов исполнительной власти республики;

- Деятельность муниципальных образований республики (они, например, участвуют в реализации программ по модернизации сферы образования республики);

- Деятельность Открытого молодежного правительства Республики Дагестан;

- Деятельность Правительства Республики Дагестан (осуществляет мониторинг реализации молодежной политики на республиканском уровне);

- Деятельность детских и молодежных объединений (в том числе молодежных сообществ) на территории Республики Дагестан;

- Деятельность молодежных органов, созданных при органах государственной власти и местного самоуправления Республики Дагестан;

- Деятельность иных субъектов (Глава Республики Дагестан, Народное Собрание Республики Дагестан и других).

Реализацию государственной молодежной политики в Республике Дагестан в условиях цифровизации, целесообразно проследить на примере таких сфер республиканской внутренней политики как образование и культура.

Одной из ключевых проблем развития сферы образования Республики Дагестан является ограниченный доступ региональных организаций образования к современным информационным технологиям, в частности, информационным системам. Согласно республиканской государственной программе [8], инфраструктура учреждений образования республики развита недостаточно, остро стоит вопрос создания ресурсных центров, с помощью которых возможно было бы произвести информатизацию системы образования Республики Дагестан в полном объеме.

Необходимость создания соответствующей инфраструктуры для целей цифровизации касается не только сферы образования. Как справедливо отметил Мирзерагимов Р.Э., анализируя роль цифровизации в повышении инвестиционной привлекательности Республики Дагестан, регион требует ускоренного развития цифровой инфраструктуры, особенно в сельских районах, где недостаточная доступность интернета может стать препятствием для цифровизации [11].

Министерство образования и науки Республики Дагестан выступает в качестве ответственного исполнителя государственной программы, при этом другие республиканские министерства также участвуют в реализации мер, обозначенных в программе.

Согласно закону [9], иные субъекты также реализуют свои полномочия в сфере образования (например, Глава Республики Дагестан, Народное Собрание Республики Дагестан, Правительство Республики Дагестан и некоторые другие).

На сайте Министерства образования и науки Республики Дагестан ежегодно размещается годовой отчет о состоянии и перспективах развития сферы образования в Республике Дагестан.

Сфера культуры Республики Дагестан имеет серьезный потенциал к своему развитию, однако, существуют нерешенные проблемы, не позволяющие его ускорить. Одна из таких проблем – это слабый уровень технологического оснащения учреждений образования, что препятствует им воспользоваться возможностью внедрять новые формы представления информации в процессе обучения молодежи.

Государственная республиканская программа [10], посвященная этому направлению внутренней политики, нацелена на создание культурного цифрового пространства, что предполагает повышение для населения качества и доступности государственных услуг в сфере культуры и искусства, увеличение востребованности цифровых ресурсов в сфере культуры, качественно иное обеспечение прав граждан республики на доступ к культурным ценностям и информации.

Реализация целей государственной программы позволит выравнивать уровень доступности и качества культурных благ населению в независимости от территории его проживания на территории Республики Дагестан (город или сельская местность).

Министерство культуры Республики Дагестан выступает ответственным исполнителем обозначенной выше государственной программы.

Выводы по рассматриваемой теме

Проведенный анализ особенностей предметной области и организационно-правовых механизмов реализации государственной молодежной политики в условиях цифровизации в рассмотренных регионах с выраженной национальной идентичностью, **позволяет сделать ряд общих выводов:**

- В республиках не до конца сформирована полноценная сеть учреждений молодежной политики, деятельность которых охватывала бы все, даже самые отдаленные административно-территориальные единицы республик;
- Может быть признана эффективной совместная работа региональных органов исполнительной власти республик и молодежных организаций по реализации общественно-значимых проектов;
- В республиках не завершены работы по формированию цифрового образовательного пространства, одной из главных причин этого выступает недостаточная оснащенность образовательных учреждений республик современными материально-техническими средствами представления информации в целях воспитания и образования местной молодежи;
- Образовательные и культурные информационные ресурсы республик, ценные, в особенности, с точки зрения воспитания молодого поколения в духе патриотизма, во многом не оцифрованы и потому не доступны в сети Интернет, по сути оставаясь незамеченными региональной молодежью: остро стоит вопрос создания региональных цифровых образовательных и культурных пространств и повышения качества государственных услуг для населения в этой части.

Литература

1. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 26 декабря 2023 года № 769 «Об утверждении государственной программы «Развитие молодежной политики в Республике Башкортостан» // <https://npa.bashkortostan.ru/42399/>.
2. Закон Республики Башкортостан от 06 декабря 2021 года № 478-з «О молодежной политике в Республике Башкортостан» (с изменениями на 24 декабря 2024 года) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 14.12.2021.
3. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 9 января 2024 года № 1 Об утверждении государственной программы «Развитие образования в Республике Башкортостан» и о признании утратившими силу некоторых решений Правительства Республики Башкортостан // Официальный Интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан <https://npa.bashkortostan.ru>, 27.04.2024.
4. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 26 июня 2013 № 279 «О государственной программе «Развитие культуры и искусства в Республике Башкортостан» // Официальный Интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан <http://www.npa.bashkortostan.ru>, 28.06.2013.
5. Постановление Правительства Республики Дагестан от 19 ноября 2021 года № 311 «Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «Реализация молодежной политики в Республике Дагестан» // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Дагестан <http://pravo.e-dag.ru>, 30.11.2021.
6. Закон Республики Дагестан от 30 апреля 2021 года № 30 «О молодежной политике в Республике Дагестан» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 11.05.2021, N 0500202105110049.
7. Распоряжение Правительства Республики Дагестан от 28 ноября 2024 года № 544-р «Об образовании Межведомственной рабочей группы по координации исполнения Плана мероприятий по реализации в 2024 - 2026 годах Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // <https://pravo.e-dag.ru/document/05002014831/>.
8. Постановление Правительства Республики Дагестан от 23 декабря 2014 года № 664 «Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «Развитие образования в Республике Дагестан» // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Дагестан <http://pravo.e-dag.ru>, 17.05.2016.
9. Закон Республики Дагестан от 16 июня 2014 года № 14 «Об образовании в Республике Дагестан» // Опубликован «Дагестанская правда», № 210-211, 17.06.2014, «Собрание законодательства Республики Дагестан», 30.06.2014, № 12, ст. 659.
10. Постановление Правительства Республики Дагестан от 22 декабря 2014 года № 656 «Об утверждении государственной программы Республики

Дагестан «Развитие культуры в Республике Дагестан» // <https://base.garant.ru/42451132/>.

11. Мирзерагимов Р. Э. Роль цифровизации в повышении инвестиционной привлекательности региона (на примере Республики Дагестан) / Р. Э. Мирзерагимов // Вестник науки. – 2025. – Т. 3, № 4(85). – С. 123-129.

12. Гайсина Л. М. Продвижение имиджа учреждений культуры Республики Башкортостан в условиях цифровизации экономики / Гайсина Л. М., Габдулхакова Р. В., Ахметзянова А. И. // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2022. – № 3(165). – С. 161-167.

Subject area and organizational and legal mechanisms for the implementation of state youth policy in the context of digitalization in the Republic of Bashkortostan and the Republic of Dagestan

Azarov M.S., Konovalova K.Y., Bogutskaya A.S.

Plekhanov Russian University of Economics

This article examines the subject matter elements and current organizational and legal mechanisms for implementing state youth policy in the context of digitalization in the Republic of Bashkortostan and the Republic of Dagestan, based on an analysis of current laws and bylaws of the republics, and, in particular, regional strategic planning documents.

The authors examine the implementation of state youth policy in the Republic of Bashkortostan and the Republic of Dagestan in the context of digitalization using education and culture as examples of domestic policy in the republics. Based on their analysis, the authors draw a number of general conclusions regarding the interim results of state youth policy implementation in the regions with distinct national identities.

Keywords: state youth policy; youth; all-Russian civic identity; youth public associations; digitalization; educational environment.

References

1. Resolution of the Government of the Republic of Bashkortostan of December 26, 2023 No. 769 "On Approval of the State Program "Development of Youth Policy in the Republic of Bashkortostan" // <https://npa.bashkortostan.ru/42399/>.
2. Law of the Republic of Bashkortostan of December 6, 2021 No. 478-z "On Youth Policy in the Republic of Bashkortostan" (as amended on December 24, 2024) // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, December 14, 2021.
3. Resolution of the Government of the Republic of Bashkortostan of January 9, 2024, No. 1 "On Approval of the State Program "Development of Education in the Republic of Bashkortostan" and on the Invalidation of Certain Decisions of the Government of the Republic of Bashkortostan" // Official Internet Portal of Legal Information of the Republic of Bashkortostan <https://npa.bashkortostan.ru>, April 27, 2024.
4. Resolution of the Government of the Republic of Bashkortostan of June 26, 2013, No. 279 "On the State Program "Development of Culture and Art in the Republic of Bashkortostan" // Official Internet Portal of Legal Information of the Republic of Bashkortostan <http://www.npa.bashkortostan.ru>, June 28, 2013.
5. Resolution of the Government of the Republic of Dagestan dated November 19, 2021 No. 311 "On approval of the state program of the Republic of Dagestan "Implementation of youth policy in the Republic of Dagestan" // Official Internet portal of legal information of the Republic of Dagestan <http://pravo.e-dag.ru>, November 30, 2021.

6. Law of the Republic of Dagestan dated April 30, 2021 No. 30 "On Youth Policy in the Republic of Dagestan" // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, May 11, 2021, N 0500202105110049.
7. Order of the Government of the Republic of Dagestan dated November 28, 2024 No. 544-r "On the formation of the Interdepartmental Working Group to coordinate the implementation of the Action Plan for the implementation in 2024-2026 of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" // <https://pravo.e-dag.ru/document/05002014831/>.
8. Resolution of the Government of the Republic of Dagestan dated December 23, 2014 No. 664 "On approval of the state program of the Republic of Dagestan "Development of education in Republic of Dagestan" // Official Internet portal of legal information of the Republic of Dagestan <http://pravo.e-dag.ru>, 17.05.2016.
9. Law of the Republic of Dagestan of June 16, 2014 No. 14 "On Education in the Republic of Dagestan" // Published by "Dagestanskaya Pravda", No. 210-211, 17.06.2014, "Collection of Legislation of the Republic of Dagestan", 30.06.2014, No. 12, Art. 659.
10. Resolution of the Government of the Republic of Dagestan of December 22, 2014 No. 656 "On Approval of the State Program of the Republic of Dagestan "Development of Culture in the Republic of Dagestan" // <https://base.garant.ru/42451132/>.
11. Mirzeragimov R. E. The Role of Digitalization in Improving the Investment Attractiveness of a Region (using the Republic of Dagestan as an Example) / R. E. Mirzeragimov // Science Bulletin. - 2025. - Vol. 3, No. 4 (85). - P. 123-129.
12. Gaysina L. M. Promoting the Image of Cultural Institutions of the Republic of Bashkortostan in the Context of Economic Digitalization / Gaysina L. M., Gabdulkhakova R. V., Akhmetzyanova A. I. // Economics and Management: Scientific and Practical Journal. - 2022. - No. 3 (165). - P. 161-167.

Школьный кибербуллинг: право бессильно?

Азаров Михаил Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Azarov.MS@rea.ru

Перепелкина Полина Витальевна

студентка факультета Высшая школа права Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, polinaperepelkina14@mail.ru

Ползикова Елизавета Геннадьевна

студентка факультета Высшая школа права Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, elizavetapolzikova@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются актуальные дискуссионные вопросы, касающиеся отличительных особенностей и характеристик кибербуллинга. Авторами исследуются сущность данного явления, возможные причины его возникновения, связь буллинга и кибербуллинга. При исследовании сущностных особенностей явления проводится разграничение кибербуллинга и места. Авторы поднимают актуальные, как с правовой, так и с социологической точки зрения, вопросы о моменте начала травли, о специфике Интернета и факторах высокой общественной опасности травли. Проводится анализ правовых норм, регулирующих распространение информации в Интернете, а также правовых последствий в виде юридической ответственности за совершение актов кибербуллинга. В качестве выводов авторами даются рекомендации по предупреждению кибербуллинга.

Ключевые слова: кибербуллинг; буллинг; Интернет; травля; информация; социальные сети.

Рассмотрение правовой природы кибербуллинга и оценка предложений о снижении возраста ответственности за него невозможны без уяснения его сущности.

Постараемся разграничить обычный буллинг (иначе говоря, травлю в школе) от кибербуллинга и перечислим его ключевые особенности:

Во-первых, кибербуллинг не является уникальным явлением, природа которого предопределена лишь уникальными характеристиками и особенностями сети Интернет. Новизна этого явления заключается исключительно в его локализации. Строго говоря, кибербуллинг есть обыкновенная школьная травля, перенесенная в сеть Интернет. Практически каждый взрослый человек в период своего обучения в школе очно сталкивался с этим явлением: либо в качестве стороннего наблюдателя, либо в качестве буллы, либо в качестве жертвы.

Во-вторых, буллинг и производный от него кибербуллинг едва ли «генетически» связан с такой категорией как месть. Месть – намеренное причинение зла с целью отплатить за оскорбления, обиды и т. п. [1]. Поведение буллы отнюдь не предопределено жаждой отмщения. Часто жертвы буллинга (кибербуллинга) *de facto* не виноваты. Травля – это всегда вопрос собственного позиционирования. Когда ученик выбирает для себя роль буллы, он, тем самым, позиционирует себя в коллективе (закрепляет за собой определенное место, статус). Это – один из способов вхождения в коллектив. Позиционировав себя, буллы, сам того не осознавая, позиционировал и других – наблюдателей и жертв.

В-третьих, причины буллинга (кибербуллинга) лежат в плоскости проблем социализации. В каждом конкретном классе любой школы имеется определенная, своеобразная «иерархия». Войти в коллектив, стать участником этой «корпорации», означает занять ступеньку в этой «иерархии». Дело вовсе не в школе. Иерархия присуща практически всем видам социальных взаимодействий. И так было всегда: и в первобытном обществе, и сейчас. Если ученик не может найти собственное место в школьном коллективе, то другие «помогают» ему найти его. Ученик становится изгоем класса. Коллектив исторгает его посредством травли. Что мешает ученику освоиться в коллективе? Зачастую, его непохожесть на остальных учеников. Коллектив каждому раздает свою роль и человек довольно сильно срастается с ней, при этом не так важно, насколько комфортно ему самому. Так – с древности. В древности невозможно было выжить, будучи одиночкой. Люди выжили племенами. Представляется, что эти неосознанные переживания и сейчас работают в психике любого человека. Отсюда – негативное, опять-таки, часто неосознанное, восприятие одиночек (не

важно, взрослый это или ребенок). Вот почему коллектив исторгает из себя ученика, зараженного «флюидами одиночества».

В-четвертых, в отличие от мести буллинг и кибербуллинг чаще всего делаются напоказ. Напоказ – перед своим коллективом. Буллы, занимаясь травлей напоказ, как бы присягают на верность своему коллективу (классу). «Я с вами, я соблюдаю правила игры, я делаю то, что делает «племя» с «такими», что делают другие мои одноклассники» – сообщают окружающим ученики, издеваясь над одиночкой. Как справедливо отмечает А.А. Бочавер «популярность среди ровесников, получение их одобрения – важнейшие мотивы и ресурсы юношеского поведения» [2].

В-пятых, буллинг и кибербуллинг как его разновидность – явления систематические. Буллинг – «пьеса», состоящая из множества актов (конкретные проявления травли) и со множеством «актеров» (ученики класса, приятели и т.д.). Столкновения, конфликты, драки, проблемы – все это, в целом, рядовые события школьной жизни. Можно даже сказать, что школьные «траблы» есть важное условие социализации юного человека. Ведь именно в школе во многом отрабатываются поведенческие модели, которые пригодятся и во взрослой жизни. Но эти быстротечные конфликты следует отличать от продолжительной травли, когда коллектив не может «впустить» в себя конкретного ученика. Одна из важных проблем состоит в сложности распознавания момента начала буллинга. При каких обстоятельствах обыкновенный конфликт или банальное недопонимание переходят в травлю (кибертравлю)? Какие качества агрессора и жертвы способствуют такому перерождению? Поскольку травля, зачастую, растягивается на месяцы и годы, сама систематичность явления подсказывает нам еще одну его особенность – иррациональность поведения агрессоров и тех, кто им помогают. Агрессоры не могут насытиться издевательствами над жертвой, пока окончательно не «съедят» ее. Налицо своего рода эмоциональный вампиризм.

В-шестых, кибербуллинг приобретает, подчас, самые отвратительные формы. И ряд технических особенностей сети Интернет только ухудшают положение жертвы. Дело в следующем. Мы живем в эпоху, когда информацию о каждом из нас окружающие нередко черпают из Интернета. Так, например, из сети Интернет мы можем почерпнуть довольно приличный объем информации о директоре компании, в которой собираемся работать; о преподавателе, на лекции которого ходим; и так далее. Наши фотографии, видеозаписи, другой медиаконтент, который содержит информацию о нас (персональные данные или личную и семейную тайну, которая уже перестала быть таковой), отзывы о нас – все эти данные формируют наш цифровой портрет. И если в очном общении мы можем корректировать восприятие нас другими людьми (посредством различных методик и просто потому, что мы меняемся), то сеть Интернет «запоминает» все (и хорошее, и плохое) и хранит это, как правило, в неизменном виде. Во многом мы не властны над собственным цифровым

портретом в сети Интернет: его могут формировать и другие, причем по-разному и почти всегда без согласования с нами. Интернет во многом – «свалка» клеветы, слухов, устаревшей и ложной информации. И ведь это все – на фоне того, что цифровое забвение едва ли возможно. Часто информация, размещенная на одном форуме, одновременно и автоматически размещается на десятке других. Удалить из сети Интернет все сведения о себе – практически нереально. Взрослых это (та информация, которая содержится о них в сети Интернет) может особо и не волновать, но как быть с подрастающим поколением? Информационные технологии настолько прочно вошли в жизнь тех, кому сейчас 10-20 лет, что отсутствие у них цифровых аватаров позволяет, отчасти, заподозрить их в том, что с ними что-то не так, или не так в их семье, или что они боятся социализации. Возвратимся к самым отвратительным проявлениям кибербуллинга. Это, например, избивание ученика школы другими учениками и загрузка подобного контента в сеть. Как юному гражданину страны психологически справиться или, точнее сказать, пережить нахождение такой видеозаписи на платформе в сети Интернет? Подросток может не разделять реальную жизнь и жизнь в сети Интернет, которая является только частью реальной жизни. Не сформировавшись как личность, полагая, что наличие подобной записи в сети Интернет опозорит его на всю оставшуюся жизнь – кто знает к чему это может привести подростка?

В-седьмых, помимо всего сказанного, имеется еще ряд особенностей, отличающих кибербуллинг от обычной школьной травли. В первую очередь, это возможная анонимность агрессора. Агрессоры, желающие остаться анонимными, регистрируют профили в социальных сетях на вымышленные имена. Во вторую очередь, это огромная зрительская аудитория. Любой желающий может ознакомиться с дискредитирующим школьника видео, если видео, скажем, было размещено в популярной и открытой социальной сети. Просмотры, лайки будут поднимать это видео в топ, то есть способствовать его распространению. То, что такое видео появится в сети Интернет – всегда ли прихоть буллы? Может ли оказаться так, что какие-то ученики российских школ были избиты на камеру просто потому, что те, кто их избивал, получили за это деньги? Может быть есть вполне взрослые интересные подобных видео? Те, кто коммерциализируют подобный контент? Наконец, однажды созданный контент может работать довольно долго. Удаление контента на одних площадках, не отменяет возможности его размещения на других. Особую опасность кибербуллинга подчеркивает в своей работе и Д.В. Крахмалев. По его мнению, в отличие от традиционного буллинга кибербуллинг может происходить круглосуточно, и возможность анонимности делает жертву более уязвимой, подверженной депрессии, тревожности или социальной изоляции [3]. Не станем отрицать, что последствия кибербуллинга могут быть крайне тяжелыми, включая депрессию, тревожность, социальную изоляцию и даже суицидальные мысли. В

связи с этим проблема профилактики и защиты от кибербуллинга требует пристального внимания со стороны общества, образовательных учреждений и семьи.

Анализ природы кибербуллинга приводит авторов настоящей статьи к идее о том, что далеко не все его проявления требуют ответной реакции, основанной на закрепленных правовых механизмах. Скорее требуют своего развития неправовые формы воздействия на акторов кибербуллинга и тех, кто их поддерживает. Естественно, для этого должна существовать соответствующая правовая база (юристы в сфере образования должны проанализировать законодательство и подготовить предложения по его усовершенствованию). Учителя должны вникать в школьную жизнь учеников и иметь возможность их полноценно воспитывать. Для этого необходимо, чтобы учителя обладали некоторым временным ресурсом (в течение рабочего дня). Чтобы он появился, следует продолжать работу по цифровизации методической работы учителей (особенно в вопросах отчетности). Педагог – проводник ученика на пути его социализации в нужном государству ключе.

Как справедливо отмечают ряд исследователей, «в настоящее время в Российской Федерации отсутствует специальное законодательство в сфере защиты от кибербуллинга и иных форм онлайн-преследований, какое существует, например, в странах Западной Европы и Северной Америки» [4].

Речь, конечно же, идет о комплексной профилактике подобного явления. Вместе с тем, по состоянию на сегодняшний день, существует механизм, позволяющий блокировать обозначенный выше по тексту контент, в том случае, если он оказался в сети Интернет. Этот механизм с правовой точки зрения выглядит следующим образом.

Согласно ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – «ФЗ об информации») [5], ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами и актами Президента Российской Федерации в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В соответствии с ч. 6 ст. 10 указанного закона, запрещается распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность.

В соответствии с ч. 1 ст. 15.1 ФЗ об информации, в целях ограничения доступа к сайтам в сети «Интернет», содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, создается единая автоматизированная информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать

сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

Часть 5 ст. 15.1 ФЗ об информации закрепляет основания для включения в реестр вышеобозначенных нами и деструктивных для молодого поколения сведений, в том числе и в тех случаях, когда речь идет о порнографических материалах с участием несовершеннолетних, другой информации, распространяемой в сети Интернет, распространение которой в Российской Федерации запрещено (при наличии решения суда). Напомним, что согласно п. 1 ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» к информации, запрещенной для распространения среди детей, относится, в частности, информация побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству, либо жизни и (или) здоровью иных лиц, либо направленная на склонение или иное вовлечение детей в совершение таких действий [6].

Не в последнюю очередь благодаря общественной деятельности Е.М. Мизулиной (член Общественной палаты Российской Федерации) касательно разработки комплекса мер по противодействию кибербуллингу, в последние годы существенным образом был расширен перечень видов информации, запрещенной для распространения среди детей (ст. 5 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»). Подобная инициатива уже сейчас позволяет «чистить» подростковый Интернет, осуществлять профилактику кибербуллинга. Конечно, и ответственные за виртуальное пространство площадки должны не допускать появления «вредного» контента у себя в сети (принципы функционирования сетевых сообществ должны органично вмещать в себя требования российского законодательства хотя бы потому, что функционирование этих площадок на территории Российской Федерации допускается).

Даже если кибербуллинг и не приводит к тяжелым последствиям, это не повод отмахнуться от него и ничего не делать. И не повод для того, что рассчитывать исключительно на правовые механизмы. В конце концов страдают российские дети. Какого-то одного способа защититься от кибербуллинга не существует. **Скорее, можно и нужно говорить о комплексе мер или точнее рекомендаций: в дополнение к праву.**

Рекомендации ученику:

- не делиться в сети Интернет, в частности, в социальных сетях личной информацией или информацией о своей семье (не следует указывать свою дату рождения, город, номер телефона, номер школы, настоящие фамилию, имя и отчество, возможно, не стоит даже размещать свои фотографии, а если и делать это, то «фильтровать» выставляемый контент, отчетливо понимать кто конкретно будет иметь к нему доступ);

- закрывать от посторонних свой профиль в социальных сетях (доступ к информации профиля должен иметься лишь у тех, чью заявку в друзья одобрил ученик);

- учиться распознавать «троллей» и не вступать с ними в дискуссию, не провоцироваться.

Рекомендации родителям и учителям:

- родители должны разъяснять своим детям правовой смысл категории «свобода» и «сетевая свобода», принципы цивилизованного общения в жизни и в сети Интернет;

- родители должны учить своих детей правильно (критически) относиться к информации, которая содержится в сети Интернет, не смешивать сетевую и реальную жизнь;

- учителя должны иметь реальную возможность высказывать свое мнение насчет такого социального явления как кибербуллинг и быть услышанными, и иметь возможность, в случае необходимости, оказывать воспитательное и психологическое воздействие как на агрессоров, так и на жертв кибербуллинга, не боясь при этом быть уволенными.

Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2019. 1376 с.

2. Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Боцавер А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков. Психология и право. 2019. 9 (2). 276–295.

3. Крахмалев Д.В. Профилактика кибербуллинга и меры защиты // Современное право. 2025. № 6. С. 110–112.

4. Иванова К.А., Степанов А.А., Немчинова Е.В. Кибербуллинг как девиация права граждан на свободу мнения в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1 (98). 96–101.

5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.

6. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // «Российская газета», № 297, 31.12.2010.

School Cyberbullying: Is the Law Powerless?

Azarov M.S., Perepelkina P.V., Polzikova E.G.

Plekhanov Russian University of Economics

This article examines current controversial issues concerning the distinctive features and characteristics of cyberbullying. The authors explore the essence of this phenomenon, its possible causes, and the relationship between bullying and cyberbullying. In examining the essential characteristics of this phenomenon, they distinguish between cyberbullying and revenge. The authors raise relevant questions, from both a legal and sociological perspective, about the onset of bullying, the specifics of the internet, and the factors that contribute to the high social danger of bullying. They analyze the legal norms governing the dissemination of information online, as well as the legal consequences of cyberbullying, in terms of legal liability. The authors conclude with recommendations for preventing cyberbullying.

Keywords: cyberbullying; bullying; Internet; harassment; information; social networks.

References

1. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian Language. Moscow: Mir i obrazovanie, 2019. 1376 p.
2. Khlomov K.D., Davydov D.G., Bochaver A.A. Cyberbullying in the Experience of Russian Adolescents. Psychology and Law. 2019. 9 (2). 276–295.
3. Krakhmalev D.V. Cyberbullying Prevention and Protective Measures // Modern Law. 2025. No. 6. pp. 110–112.
4. Ivanova K.A., Stepanov A.A., Nemchinova E.V. Cyberbullying as a Deviation of Citizens' Right to Freedom of Opinion on the Internet // Current Issues of Russian Law. 2019. No. 1 (98). 96–101.
5. Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ (as amended on 24.06.2025) "On Information, Information Technologies and the Protection of Information" (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2025) // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 31.07.2006, No. 31 (part 1), Article 3448.
6. Federal Law of 29.12.2010 No. 436-FZ (as amended on 30.11.2024) "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development" // "Rossiyskaya Gazeta", No. 297, 31.12.2010.

О проблемах и перспективах «гонорара успеха» в России через призму мирового опыта

Глухова Анна Вячеславовна,

студентка магистратуры, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, a.v.glukhova@mail.ru

Грицких Елена Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, gritskih77@mail.ru

Статья посвящена исследованию правовой природы и современного состояния «гонорара успеха» в цивилистическом процессе. Автор рассматривает эволюцию отношения к «гонорару успеха» в российской правовой системе, начиная с полного запрета и заканчивая его легитимацией Федеральным законом № 400-ФЗ от 02.12.2019. Проведен сравнительно-правовой анализ регулирования «гонорара успеха» в зарубежных странах, где он признан важным механизмом обеспечения доступа к правосудию для социально уязвимых категорий граждан. Отмечено, что в России, несмотря на законодательное признание «гонорара успеха», сохраняются ограничения, препятствующие его эффективной реализации, для разрешения которых автором выдвинуты предложения, направленные на устранение законодательных пробелов. Подчеркивается, что внедрение данных изменений обеспечит баланс интересов сторон и повысит реальную доступность квалифицированной юридической помощи. Исследование имеет как теоретическое, так и практическое значение для развития российского института адвокатуры.

Ключевые слова: гонорар успеха, адвокат, адвокатская деятельность, оплата юридических услуг.

«Гонорар успеха» – это условие соглашения о выплате адвокату вознаграждения, размер которого зависит от результата оказания юридических услуг. Подобные договоренности, известные также как «*pactum de quota litis*» или «*contingency fee*», широко применяются в мировой практике юридических услуг. Они возникли прежде всего в странах англосаксонского права, как способ обеспечить доступ к правосудию для лиц, не имеющих средств на оплату адвоката, где адвокат ведет дело без предоплаты и получает оговоренный процент от присужденной суммы только в случае успешного завершения судебного дела, а в противном случае не получает ничего. В то же время в континентально-европейской правовой традиции долгое время господствовал запрет на «гонорары успеха», исходя из этического подхода, согласно которому вознаграждение адвоката должно соответствовать проделанной работе и не ставится в зависимость от исхода дела [5, с. 273]. Однако в последние десятилетия во многих государствах наблюдается отход от абсолютного запрета, осознание ценности «гонорара успеха» для расширения доступа к правосудию и усиления конкурентности рынка юридических услуг.

В настоящее время законодательство целого ряда стран прямо допускает заключение соглашений о «гонораре успеха». Официально они разрешены, например, в Австралии, Бразилии, Канаде, Франции, Греции, Ирландии, Японии, Новой Зеландии, Великобритании и США [6, с. 200].

Как отмечает И.А. Иванников, «законодатель устанавливает определенные ограничения, гарантирующие соразмерность такого вознаграждения. Так, в Австралии адвокат вправе получить премию за выигрыш не свыше 25 % от суммы обычного вознаграждения по соглашению, но запрещается прямо обуславливать гонорар процентом от присужденной доверителю компенсации. В Южной Африке дополнительный «гонорар успеха» не может превышать 100 % от базового вознаграждения адвоката, причем по искам о денежной компенсации предельный размер гонорара успеха ограничен 25 % от суммы присужденного возмещения без учета судебных издержек. В Великобритании распространена модель «*no win, no fee*», при которой адвокат работает без оплаты в случае «проигрыша» и получает заранее оговоренный «бонус за успех». В США и Канаде практикуются соглашения о доле в «выигрыше» («*contingency fee*»), например, в США типично условие, по которому адвокат забирает определенный процент (20–40 %) от присужденной суммы в пользу истца, не имеющего возможности иначе оплатить услуги, при этом соглашение обычно подлежит судебному контролю на предмет справедливости» [2, с. 42].

Что касается стран романо-германского права, то первоначально в них преобладал запрет на «гонорар успеха» как на договор, противоречащий публичному порядку. Тем не менее, судебная практика в ряде государств смягчила этот подход. Как указывает Ю.И. Шавырина, «в Германии долгое время действовал прямой законодательный запрет обусловленных гонораров в гражданском судопроизводстве, но Федеральный конституционный суд ФРГ в 2004 г. признал такой запрет несоразмерным и противоречащим Основному закону. Впоследствии в германское законодательство были внесены изменения, разрешающие заключение соглашений о выплате вознаграждения, зависящего от исхода дела, в отдельных случаях – прежде всего, когда доверитель не в состоянии оплатить юридическую помощь на обычных условиях» [7, с. 279].

В целом, мировая практика выработала модель, при которой «гонорар успеха» служит легитимным инструментом, расширяющим доступ к правосудию, особенно для малоимущих лиц, однако его применение ставится под контроль государства (через законодательные ограничения и этические нормы) во избежание злоупотреблений и чрезмерно высокого вознаграждения адвокатов.

В российском законодательстве долгое время не было прямого упоминания «гонорара успеха», хотя на практике подобные условия встречались в договорах на юридические услуги. Исторически суды вырабатывали однозначно отрицательное отношение к возможности взыскания такого вознаграждения. Еще в 1999 году Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в Информационном письме от 29.09.1999 № 48 разъяснил, что не подлежит удовлетворению требование исполнителя о выплате вознаграждения, если данное требование обосновано условием договора, ставящим размер оплаты услуг в зависимость от решения суда или государственного органа, которое будет принято в будущем. Иными словами, суды отказывались признавать юридическую силу за условием, делающим оплату услуг «ex post» зависимой от исхода процесса, размер вознаграждения в таких случаях подлежал определению по правилам ст. 424 ГК РФ – то есть исходя из фактически проделанной работы и средних тарифов за аналогичные услуги. Такая позиция долгое время доминировала в цивилистической судебной практике, фактически рассматривая условие о «гонораре успеха» либо как юридически ничтожное, либо как «*pactum nudum*» – договорное условие, не обеспеченное принудительной силой и не порождающее право на судебную защиту. Адвокаты, включавшие подобные условия в соглашения с доверителями, практически не имели шансов взыскать в такой форме оплату оказанных юридических услуг через суд, если доверитель отказывался их оплачивать.

Важно отметить, что негативное отношение судов опиралось не только на букву гражданского законодательства, но и на мотивы правовой этики и принципов отправления правосудия. Высшие судебные инстанции подчеркивали, что исход дела нахо-

дится в исключительной компетенции суда, а условие договора, фактически ставящее вознаграждение представителя в зависимость от будущего судебного решения, противоречит природе возмездного оказания услуг и может рассматриваться как своего рода «премирование за выигрыш дела». Так, Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) постановлением от 23.01.2007 № 1-П фактически запретил применение таких гонораров, ссылаясь на риск недобросовестного поведения участников договора, однако судебная практика в отношении «гонорара успеха» оставалась в целом по-прежнему неоднозначной.

В свою очередь, в 2019 году Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ), который ранее в своих судебных актах прямо указывал на запрет применения «гонорара успеха», признал его законным, что свидетельствует о постепенном принятии этого механизма в судебной системе. Так, ВС РФ, отказав в передаче спора на рассмотрение в Судебную коллегия ВС РФ, неожиданно согласился с позицией нижестоящих судебных инстанций о том, что «общие начала гражданского законодательства не исключают включения в текст договора оказания юридических услуг условия о выплате дополнительного вознаграждения в зависимости от исхода дела, так как существо законодательного регулирования отношений сторон договора возмездного оказания услуг допускает возможность обуславливать выплату вознаграждения исполнителю принятым по делу решением суда. Как представляется, это связано с изменением подходов к потестативным условиям условных сделок».

Однозначная легитимация «гонорара успеха» произошла лишь недавно. Осознавая назревшую необходимость узаконить возможность применения адвокатами и их доверителями соглашения о «гонораре успеха», законодатель внес соответствующие поправки Федеральным законом от 02.12.2019 № 400-ФЗ в статью 25 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а именно была введена норма (п. 4.1 ст. 25), согласно которой в соглашение об оказании юридической помощи с адвокатом может включаться условие, в соответствии с которым размер выплаты вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания юридической помощи, причем прямо оговорено исключение – такое условие недопустимо при оказании помощи по уголовным делам и делам об административных правонарушениях. Установлено, что порядок включения условия о гонораре успеха определяется Советом Федеральной палаты адвокатов.

Реализация этой нормы не заставила себя ждать, 02.04.2020 Советом Федеральной палаты адвокатов были утверждены Правила включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи (далее – Правила).

В данных Правилах закреплён ряд принципиальных положений, направленных на унификацию и безопасное применение «гонорара успеха». В част-

ности, подчеркивается, что «гонорар успеха» не является гарантией или обещанием положительного результата оказания юридической помощи. Правила допускают установление «гонорара успеха» в виде твердой денежной суммы, доли (процента) от размера удовлетворенных требований доверителя или от размера требований к доверителю, в удовлетворении которых было отказано, а также иным способом, позволяющим рассчитать размер вознаграждения. Возможны комбинированные договоренности, когда одна часть гонорара выплачивается независимо от исхода (например, минимальный фиксированный аванс), а другая часть – только при достижении «успеха». Отдельно оговорено, что адвокат обязан предупредить доверителя о невозможности взыскания выплаченного «гонорара успеха» с другого лица в качестве судебных издержек, что является чрезвычайно важным правилом, отражающим текущую позицию судебных органов по вопросу распределения таких расходов между сторонами процесса, и о чем более подробно будет сказано в настоящей статье дальше.

В целом, данные Правила основываются на принципе свободы договора и дают адвокату и доверителю возможность самостоятельно определять детали применения «гонорара успеха», устраняя прежние неопределенности. Главная же цель введения «гонорара успеха», как отмечает В.Б. Арзуманова, – это «обеспечение конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи при отсутствии у них возможности оплачивать услуги адвоката на иных условиях» [1, с. 69].

Между тем практическое применение «гонорара успеха» выявило ряд проблем, связанных с неопределенностью нормативно-правовой базы. Правила содержат общие положения, но не дают четких критериев определения положительного исхода дела, что приводит к неоднозначности в трактовке условий вознаграждения и создает правовую неопределенность как для адвокатов, так и для их доверителей. Например, отсутствие четкого определения «положительного исхода дела» может вызвать споры о том, когда именно адвокат имеет право на получение вознаграждения: при вынесении окончательного судебного решения, подписании мирового соглашения или даже при прекращении производства по делу.

Кроме того, дополнительные сложности возникают в сфере нормативного урегулирования авансового «гонорара успеха». В частности, пункт 8 Правил запрещает внесение в соглашение положения об авансовой выплате условного вознаграждения, хотя в реальной практике такая форма получения гонорара оказывается более выгодной и надежной для адвоката, позволяя снизить вероятность незаконного уклонения доверителя от оплаты. В этих условиях модель цессии, подразумевающая уступку права требования на вознаграждение с последующей выплатой в виде процента от взысканных средств, способна стать надежным механизмом для охраны прав и интересов адвоката.

Введение «гонорара успеха» направлено на повышение доступности юридической помощи и стимулирование адвокатов к более ответственному отбору дел, тем не менее отсутствие однозначных и конкретных предписаний, определяющих условия и порядок применения данного механизма, создает правовые коллизии и неопределенность в судебной практике. Для эффективного функционирования «гонорара успеха» необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, а также разработка более детализированных правил и рекомендаций, регулирующих отношения между адвокатами и их доверителями в контексте обусловленного вознаграждения.

В этой связи для эффективного решения проблем, связанных с внедрением и практическим применением «гонорара успеха» адвокатов в цивилистическом процессе, необходимо комплексное изменение нормативно-правовой базы, а также разработка детализированных методических рекомендаций, направленных на устранение существующих правовых неопределенностей и обеспечение сбалансированного взаимодействия между адвокатами и их доверителями.

Прежде всего, необходимо внести изменения в действующее законодательство, чтобы четко определить критерии, определяющие положительный исход дела, что может быть достигнуто путем конкретизации в Правилах случаев, при которых адвокат имеет право на получение вознаграждения, связанного с результатом судебного разбирательства. Например, данная норма должна предусматривать, что под «положительным исходом дела» понимается не только удовлетворение иска, но и подписание мирового соглашения, прекращение производства по делу по инициативе сторон или иные обстоятельства, которые свидетельствуют об успешном завершении юридического процесса в интересах доверителя, такая конкретизация позволит избежать споров и недоразумений между адвокатом и доверителем относительно момента и основания для выплаты вознаграждения.

Кроме того, необходимо разработать специальные положения, регулирующие вопрос авансового «гонорара успеха». Запрет авансовой уплаты обусловленного вознаграждения, закрепленный в пункте 8 текущих Правил, создает определенные риски для адвокатов, связанные с отказом доверителя от оплаты, поэтому для минимизации этих рисков необходимо исключить данный запрет, а также целесообразно будет внедрение механизмов цессии, позволяющих адвокату передавать требование о получении вознаграждения финансовым учреждениям или иным третьим лицам, что обеспечит адвокату гарантии получения части вознаграждения, тем самым повышая безопасность и предсказуемость финансовых отношений между ним и доверителем.

Дополнительно видится необходимым разработать стандартизированные формы договоров об оказании юридической помощи с условием о «гонораре успеха», включающие четкие и понятные условия вознаграждения, зависящего от результата, та-

кие формы должны содержать подробные определения всех ключевых терминов и условий, таких как процент от взысканной суммы, порядок расчета вознаграждения, условия его выплаты в различных сценариях исхода дела и т.д. Стандартизация таких договоров поможет снизить уровень правовой неопределенности и обеспечить единообразие в практике их заключения.

Не менее значимым является создание системы мониторинга и контроля за соблюдением условий договоров о «гонораре успеха», что может включать регулярные проверки деятельности адвокатов, анализ заключенных договоров и оценку их соответствия установленным нормативным требованиям со стороны Федеральной палаты адвокатов, региональных палат адвокатов и Министерства юстиции. В случае выявления нарушений необходимо предусмотреть механизмы санкций и исправительных мер, направленных на предотвращение злоупотреблений и обеспечение защиты интересов доверителей.

В свою очередь, нельзя не отметить еще одну проблему – соотношение «гонорара успеха» и института судебных издержек. Согласно общему правилу цивилистического процесса, выигравшая сторона вправе требовать возмещения с проигравшей стороны понесенных судебных расходов, к которым относятся, в том числе, расходы на оплату услуг представителя (адвоката) в разумных пределах (ст. 100 ГПК РФ, ст. 110 АПК РФ, ст. 112 КАС РФ). Возникает закономерный вопрос, можно ли в составе таких расходов взыскивать сумму «гонорара успеха», выплаченную адвокату победившей стороной? ВС РФ в определении от 17.11.2022 № 305-ЭС22-10035 по делу № А40-21242/2021 дал однозначный ответ, что дополнительное вознаграждение, выплаченное представителю лишь в случае победы, не включается в судебные расходы и не подлежит взысканию с процессуального оппонента. Экономическая коллегия ВС РФ разъяснила, что подобный обусловленный платеж фактически представляет собой премирование исполнителя за уже оказанные и оплаченные услуги и не связан с оказанием новых услуг для доверителя. Следовательно, обязывать проигравшую сторону возмещать этот «бонус» было бы неправильно, ведь она не являлась участником соответствующей договоренности между адвокатом и его доверителем. Данная правовая позиция мотивирована также заботой о балансе интересов, полностью переложить выплату «гонорара успеха» на противоположную сторону – значит потенциально ухудшить ее положение сверх предусмотренного законом, что суды посчитали недопустимым. Аналогичная правовая позиция изложена и в иных судебных актах ВС РФ (например, в определении от 16.08.2022 № 307-ЭС21-17029 по делу № А56-64109/2020; определении от 31.05.2022 № 301-ЭС22-8310 по делу № А17-4873/2020; определении от 27.05.2022 № 303-ЭС22-7047 по делу № А59-2007/2020 и др.). Эту позицию также поддержал КС РФ в определении от 06.04.2023 № 749-О.

Однако такая позиция кажется противоречащей самой сути «гонорара успеха», ведь цель его введения – это не премирование адвоката за проделанную работу, а попытка сделать юридические услуги доступнее для доверителей, которые не могут позволить себе их оплату на этапе заключения соглашения с адвокатом.

Стоит добавить, что еще на стадии подготовки Правил адвокаты предвидели такой исход, именно поэтому в Правилах и закреплена обязанность уведомлять доверителя о риске невзыскания «гонорара успеха» с другой стороны, о которой было сказано ранее [4, с. 112].

По состоянию на конец 2025 года сложилась несколько парадоксальная ситуация, когда с одной стороны, российское право теперь признает «гонорар успеха» законным условием соглашения об оказании юридической помощи между адвокатом и доверителем, что уже само по себе является прогрессивным шагом, улучшающим доступ к правосудию. С другой стороны, судебная практика по-прежнему исключает возможность компенсировать это вознаграждение за счет проигравшей стороны, оставляя данную выплату внутренним делом доверителя и его представителя. Иными словами, до конца не реализован компенсационный потенциал «гонорара успеха», он облегчает заключение договора с адвокатом для доверителя в отсутствие денежных средств, но не избавляет победившую сторону от бремени расходов, поскольку компенсации от оппонента не происходит.

Для решения указанной проблемы предлагается внесение изменений в цивилистические процессуальные кодексы – АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ, а именно: включение в перечень судебных расходов, подлежащих возмещению, выплат по соглашениям о «гонораре успеха» при соблюдении определенных условий. Например, предлагается дополнить ст. 110 АПК РФ новой частью следующего содержания: «Если истец или ответчик заключил с адвокатом соглашение, предусматривающее выплату вознаграждения, зависящего от исхода дела, и такое соглашение было обусловлено отсутствием у данной стороны достаточных средств для оплаты юридических услуг адвоката на иных условиях, суд вправе отнести сумму указанного вознаграждения в разумных пределах к судебным издержкам, взыскиваемым с другой стороны». Аналогичные положения можно предусмотреть применительно к гражданскому и административному судопроизводству (в ст. 100 ГПК РФ и ст. 112 КАС РФ соответственно). Разумеется, подобные нововведения должны сопровождаться оговорками о разумности размера взыскиваемого «гонорара успеха» (например, путем законодательного установления пределов размера «гонорара успеха») и о недопустимости его взыскания, если оппонентом является тоже гражданином слабого имущественного положения (дабы не создавать новых «перекосов»).

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что «гонорар успеха» представляет собой важный инструмент обеспече-

ния доступа граждан к квалифицированной юридической помощи, особенно для лиц с ограниченными финансовыми возможностями. Сравнительно-правовой анализ показал, что в большинстве зарубежных стран обусловленное вознаграждение адвоката признано законным при наличии механизмов, направленных на предотвращение злоупотреблений и чрезмерных выплат. В России эволюция отношения к «гонорару успеха» прошла путь от полного запрета до его легитимации в 2019-2020 годах, что стало значительным шагом вперед в развитии рынка юридических услуг. В соответствии с указанной новеллой «гонорар успеха» подразумевает, что размер вознаграждения адвоката может определяться в зависимости от результата оказания юридической помощи, включая исход судебного решения. Указанное означает, что адвокат получает процент от суммы, присужденной доверителю в результате судебного разбирательства, что способствует повышению эффективности юридической практики, поскольку адвокат несет часть риска, связанного с исходом дела.

Вместе с тем в настоящий момент имеется ряд проблем, препятствующих эффективной реализации «гонорара успеха», что требует законодательных изменений, в том числе возможности включения «гонорара успеха» в судебные издержки, стандартизацию договорных отношений, а также повышение профессиональной ответственности и информированности всех участников процесса. Именно комплексные меры, направленные на устранение правовых неопределенностей и создание прозрачных и справедливых условий взаимодействия между адвокатами и доверителями, позволят обеспечить эффективное и справедливое применение «гонорара успеха», способствуя развитию российского института адвокатуры и расширению доступа к правосудию.

Литература

1. Арзуманова В.Б. «Гонорар успеха» адвоката в российском гражданском процессе: правовые основы и практический опыт // Молодой ученый. 2023. № 34 (481). С. 69-74.
2. Иванников И.А. Модель contingency fee (гонорар успеха) в России и зарубежных странах // Актуальные исследования. 2023 № 31 (161). С. 39-45.
3. Ключевская Н. «Гонорар успеха»: от зарубежного опыта к отечественному // Московский адвокат. 2020. № 1. С. 29-32.
4. Ковалевич И.В., Крючков М.А. «Гонорар успеха»: история и современность // Актуальные проблемы отраслевой юридической науки: Сборник научных трудов XIII Международной научно-практической конференции и IV Международной научно-практической конференции. Владимир: Копия-Сервис. 2024. С. 277-280.
5. Николаев А.Е. История формирования практики взыскания «гонорара успеха» // Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции: Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции. М.: Русайнс. 2023. С. 110-114.

6. Свиридова А.В., Алиев Т.Т. Гонорар успеха: этические и правовые аспекты // Экономика и социум. 2021. № 6-2 (85). С. 707-710.

7. Тимошкин А.К. Гонорар успеха: понятие и оценка в судебной практике // Регулирование правоотношений: проблемы теории и практики: Сборник статей XXI ежегодной международной студенческой научно-практической конференции. М.: Российский государственный университет правосудия. 2023. С. 272-276.

8. Уткина А.Н., Голубева Н.М., Ненахова К.А. Практика зарубежных стран по регулированию гонорара адвоката // Неделя науки СПбПУ: Материалы научной конференции с международным участием. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 2020. С. 199-201.

9. Шавырина Ю.И. Эволюция «гонорара успеха» в России и практика его применения за рубежом // Адвокатская практика. 2022. № 5. С. 6-9.

10. Царев К.А., Климов С.Н., Феоктистов Д.Е. «Гонорар успеха» в российском праве: проблемы и перспективы // Современные тенденции развития отечественного и зарубежного законодательства: сборник статей по материалам III региональной научно-практической конференции. Пенза: Пензенский государственный университет. 2023. С. 266-271.

On the problems and prospects of "success fee" in Russia through the prism of world experience
Glukhova A.V., Gritskikh E.A.

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

The article is devoted to the study of the legal nature and current state of the "success fee" in civil proceedings. The author examines the evolution of the attitude towards the "success fee" in the Russian legal system, starting from a complete ban and ending with its legitimization by Federal Law No. 400-FZ of December 2, 2019. A comparative legal analysis of the regulation of the "success fee" in foreign countries has been conducted, where it is recognized as an important mechanism for ensuring access to justice for socially vulnerable categories of citizens. It is noted that in Russia, despite the legislative recognition of the "success fee", there are still restrictions that hinder its effective implementation, for the resolution of which the author has proposed measures aimed at eliminating legislative gaps. It is emphasized that the introduction of these changes will ensure a balance of interests of the parties and increase the actual availability of qualified legal assistance. The study has both theoretical and practical significance for the development of the Russian bar institution.

Keywords: success fee, attorney, legal activity, payment for legal services.

References

1. Arzumanova V.B. "Success Fee" of a Lawyer in Russian Civil Procedure: Legal Foundations and Practical Experience // Young Scientist. 2023. No. 34 (481). Pp. 69-74.
2. Ivannikov I.A. Contingency Fee Model (Success Fee) in Russia and Foreign Countries // Current Research. 2023. No. 31 (161). Pp. 39-45.
3. Klyuchevskaya N. "Success Fee": From Foreign to Domestic Experience // Moscow Advocate. 2020. No. 1. Pp. 29-32.
4. Kovalevich I.V., Kryuchkov M.A. "Success Fee": History and Modernity // Current Issues of Sectoral Legal Science: Collection of Scientific Papers of the XIII International Scientific and Practical Conference and the IV International Scientific and Practical Conference. Vladimir: Copy-Service. 2024. pp. 277-280.
5. Nikolaev A.E. History of the Formation of the Practice of Collecting "Success Fees" // Problems and Prospects for the Development of Modern Jurisprudence: Collection of Scientific Articles Based on the Results of the International Scientific and Practical Conference. Moscow: Rusains. 2023. pp. 110-114.
6. Sviridova A.V., Aliev T.T. Success Fee: Ethical and Legal Aspects // Economy and Society. 2021. No. 6-2 (85). Pp. 707-710.
7. Timoshkin A.K. Success Fee: Concept and Assessment in Judicial Practice // Regulation of Legal Relations: Problems of Theory and Practice: Collection of Articles from the XXI Annual International Student Scientific and Practical Conference. Moscow: Russian State University of Justice. 2023. pp. 272-276.
8. Utkina A.N., Golubeva N.M., Nenakhova K.A. Practice of Foreign Countries in Regulating Attorney's Fees // Science Week of SPbPU: Proceedings of a Scientific Conference with International Participation. St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 2020. pp. 199-201.

Место эскроу-счетов в сделках с недвижимым имуществом

Калачева Татьяна Леонтьевна

кандидат юридических наук, доцент высшей школы теории права и частного права, Тихоокеанский государственный университет, 001183@togudv.ru

Иванова Маргарита Евгеньевна

студент, Тихоокеанский государственный университет, 2023107955@togudv.ru

В статье рассматривается правовое регулирование и практика применения эскроу-счетов в сделках с недвижимым имуществом в Российской Федерации. Автор анализирует двухаспектную природу института эскроу, закрепленного в российском гражданском законодательстве как в форме счета эскроу, так и в виде договора условного депонирования. Особое внимание уделяется специфике использования эскроу-счетов в сфере долевого строительства, где они получили наиболее широкое распространение в качестве механизма защиты прав дольщиков. Исследуются особенности правового статуса эскроу-агента, а также процедура передачи денежных средств после выполнения условий сделки. В работе выявлены существенные проблемы правового регулирования эскроу-счетов, включая ограниченный размер страхового возмещения (10 млн рублей), запрет на начисление процентов, недостаточную проработанность норм о проверке оснований для передачи средств бенефициару. Автор обосновывает необходимость увеличения страхового возмещения до 20-25 млн рублей, разрешения начисления процентов на депонированные средства и установления четких требований к эскроу-агентам. Особый акцент делается на перспективах адаптации института эскроу к условиям цифровой экономики, включая расширение перечня объектов депонирования за счет цифровых прав. Результаты исследования имеют практическую значимость для совершенствования правового регулирования и повышения эффективности использования эскроу-счетов в гражданском обороте.

Ключевые слова: недвижимость, договор эскроу, эскроу-агент, эскроу-счет, условное депонирование.

В условиях современного развития гражданского оборота и усиления требований к безопасности сделок, инструменты условного депонирования приобретают все большую значимость. Особое место в этой системе занимают эскроу-счета, которые активно применяются в различных сферах гражданского оборота, но наиболее широкое распространение получили именно в сделках с недвижимым имуществом. В российском правовом поле данный институт закреплен в виде двух гражданско-правовых конструкций – условного депонирования (эскроу) и счета эскроу, что позволяет обеспечить повышенную защиту участников сделок с недвижимостью [15, с. 23].

Исторически следует отметить, что в силу принципа свободы договора «эскроу-подобные» соглашения заключались российскими участниками делового оборота еще задолго до их официального закрепления в Гражданском кодексе РФ. Первые шаги по легализации данного института были предприняты в Концепции развития гражданского законодательства РФ 2009 года, а практическая реализация началась с введения в 2014 году норм об эскроу-счетах и, наконец, в 2018 году заработали общие нормы об условном депонировании [15, с. 24].

В сфере недвижимости эскроу-счета получили наиболее широкое применение. Данная тенденция требует глубокого анализа причин и разработки мер по повышению эффективности использования эскроу-счетов в сделках с недвижимостью.

Рынок недвижимости традиционно характеризуется высокими суммами сделок и значительными рисками для обеих сторон. В условиях, когда покупатель опасается передать деньги без гарантии получения прав на недвижимость, а продавец, в свою очередь, не желает передавать права собственности без получения оплаты, возникает необходимость в нейтральном посреднике, обеспечивающем безопасность расчетов. Эскроу-счет как раз и представляет собой такой механизм, позволяющий минимизировать риски сторон и обеспечить выполнение обязательств в сделках с недвижимостью.

Следует отметить, что эскроу-счета не только обеспечивают безопасность расчетов, но и способствуют повышению доверия между участниками сделки, что особенно важно в условиях, когда стороны не имеют длительных деловых отношений или когда сделка имеет трансграничный характер. В международной практике эскроу-счета широко используются при покупке недвижимости иностранцами, где дополнительные сложности возникают из-за различий в правовых системах и языковых барьерах.

В российском правовом регулировании эскроу-счета получили особое значение именно в сфере долевого строительства, где защита прав дольщиков стала приоритетной задачей государства после многочисленных случаев обманутых дольщиков.

Внедрение механизма расчетов через эскроу-счета в долевого строительстве стало важным шагом в обеспечении безопасности граждан, вкладывающих средства в строящееся жилье.

С учетом положений гражданского законодательства счет эскроу представляет собой специальный банковский счет, предназначенный для условного депонирования безналичных денежных средств (п. 1 ст. 860.7 ГК РФ) [13]. В английском праве термин «эскроу» используется в двух основных значениях, которые в 2017 году нашли свое отражение и в российском гражданском законодательстве: 1) специальный банковский счет, используемый для осуществления денежных операций (§ 3 и 4 главы 45 Гражданского кодекса Российской Федерации); 2) договор условного депонирования (глава 47.1 ГК РФ) [12, с. 34].

Эскроу (условное депонирование) представляет собой такой способ исполнения обязательства, когда имущество передается через пользующееся доверием третье лицо (эскроу-агента). Согласно положениям п. 1 ст. 926.1 ГК РФ, по договору эскроу депонент обязуется передать имущество эскроу-агенту, чтобы исполнить свое обязательство перед бенефициаром. При этом основное обязательство депонента перед бенефициаром считается исполненным с момента депонирования имущества [13].

Эскроу-агент обязуется обеспечить сохранность имущества в течение срока депонирования и при возникновении определенных в договоре оснований передать его бенефициару [1]. Если такие основания не возникнут, имущество возвращается депоненту [1].

Особенностью данного договора является то, что денежные средства вносятся на счет одним лицом - депонентом с целью их передачи другому лицу (бенефициару), но только после выполнения определенных действий, предусмотренных договором [13]. Таким образом, права на денежные средства, находящиеся на счете эскроу, принадлежат депоненту до даты возникновения оснований для передачи средств бенефициару, а после указанной даты - бенефициару.

В отношении депонированного имущества не допускаются обращение взыскания, арест и принятие обеспечительных мер (п. 1 ст. 926.7 ГК РФ, ч. 1 ст. 73.3, ч. 3.2 ст. 80 федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве») [4]. Это означает, что депонированное имущество будет передано бенефициару даже в случае, когда все остальное имущество депонента арестовано или продано за долги.

Кредиторы депонента смогут обратиться взыскание на его право (требование) к бенефициару или эскроу-агенту. Это возможно, только если договор прекращен или нарушен (п. 2 ст. 926.7, п. 1 ст. 926.8 ГК РФ), например, срок депонирования истек до возникновения оснований для передачи имущества бенефициару, но имущество не возвращено депоненту.

Кредиторы бенефициара смогут обратиться взыскание на его право (требование) о передаче эскроу-агентом имущества (п. 3 ст. 926.7 ГК РФ).

Следует отметить, что защита депонированного имущества будет действовать только при условии, что договор эскроу заключен с целью исполнить основное обязательство. В случае банкротства депонента ни внешний, ни конкурсный управляющий не могут распоряжаться депонированным имуществом (п. 6 ст. 101, п. 2 ст. 131 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О банкротстве») [3].

Максимальный срок действия договора эскроу - пять лет. Срок депонирования должен быть предусмотрен в договоре. Если он не установлен или указан больший срок, то договор будет действовать пять лет (п. 1 ст. 926.1 ГК РФ). По истечении срока действия договора имущество возвращается депоненту или передается бенефициару (если есть основания для передачи). Однако депонент и бенефициар вправе согласовать иные последствия истечения срока (п. 2 ст. 926.8 ГК РФ).

Договор эскроу заключается между тремя сторонами: депонентом, бенефициаром и эскроу-агентом (п. 1 ст. 926.1 ГК РФ). Его сторонами могут быть любые физические и юридические лица (п. 1 ст. 926.8 ГК РФ). Договор эскроу является возмездным, при этом обязательство по выплате вознаграждения является для депонента и бенефициара солидарным. Эскроу-агент вправе потребовать выплаты вознаграждения по своему усмотрению, в том числе в полной сумме с любой из сторон. Однако стороны могут согласовать иные условия об оплате, в частности безвозмездность (п. 1 ст. 926.2 ГК РФ). Можно также согласовать право эскроу-агента засчитывать или удерживать имущество в счет выплаты (обеспечения выплаты) вознаграждения (п. 2 ст. 926.2 ГК РФ).

Отношения (права и обязанности) сторон по счету эскроу, возникшие с 1 июня 2018 г., регулируются в том числе нормами о договоре эскроу (п. 4 ст. 860.7 ГК РФ). К отношениям (правам и обязанностям), возникшим до этой даты, применяются только специальные нормы о счете эскроу гл. 45 ГК РФ и общие положения о банковском счете (ст. ст. 845 - 859 ГК РФ) [16, с. 3].

Эскроу-счета нашли широкое применение в различных сделках с недвижимостью, но наиболее активно они используются в сфере долевого строительства. Механизм расчетов через эскроу-счет в долевого строительстве работает следующим образом: после представления в банк разрешения на ввод дома в эксплуатацию и сведений ЕГРН, подтверждающих государственную регистрацию права собственности одного объекта долевого строительства, входящего в этот дом, денежные средства передаются застройщику или используются для погашения кредита [16].

Владелец счета эскроу не может распоряжаться денежными средствами, находящимися на счете. Например, покупателем квартиры на счет эскроу вносится сумма, равная стоимости квартиры. Банк блокирует денежные средства на счете эскроу до выполнения обязательств по договору купли-продажи квартиры, в счет которого размещены денежные средства. В момент, когда продавец квартиры предъявляет в банк документы, подтверждающие

право собственности покупателя, банк выдает продавцу полагающуюся ему сумму со счета эскроу [13].

В долевом строительстве расчеты через счет эскроу предусмотрены ст. ст. 15.4, 15.5 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ. По общему правилу дольщик вносит оплату на счет эскроу в банке, который соответствует Критериям, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 18.06.2018 N 697 (ч. 1 ст. 15.4 Закона N 214-ФЗ). Ряд особенностей установлен на случай, когда застройщик использует средства целевого кредита. Например, дольщики вносят оплату на счета эскроу в банках, предоставивших такой целевой кредит [2].

Согласно позиции арбитражной практики, договор счета эскроу по своей правовой природе характеризуется тесной связью с основными договорными обязательствами депонента и бенефициара, в рамках которых происходят расчеты между ними. Банк, выступая в качестве эскроу-агента, осуществляет функцию контроля за проведением операций по счету эскроу и соблюдением сторонами установленных договором ограничений распоряжения денежными средствами [6].

Банк, выступая эскроу-агентом и реализуя предоставленные ему контрольные функции, должен в меру имеющихся у него правовых возможностей обеспечить защиту добросовестного участника договора. Данный подход в большей степени соответствует природе института расчетов с использованием счета эскроу, реализуемых в них гарантий для участников с точки зрения надлежащего исполнения основных по отношению к расчетам обязательств [6].

Особую значимость эскроу-счета приобретают в сделках купли-продажи недвижимости между физическими лицами, где отсутствуют профессиональные посредники и высок риск мошенничества. В таких случаях эскроу-счет позволяет избежать ситуации, когда покупатель перечисляет деньги, а продавец не передает право собственности, или когда продавец передает право собственности, но не получает оплату. Как следствие, полагаем, что данная форма позволит минимизировать риски, в частности, при установлении запретов купли-продажи недвижимости [17].

В практике также встречаются случаи, когда эскроу-счет используется для временного хранения средств при оформлении ипотечных сделок, когда между моментом регистрации перехода права собственности и моментом зачисления средств от банка проходит определенное время. В таких случаях эскроу-счет позволяет обеспечить безопасность сделки для всех участников.

Следует отметить, что в сделках с недвижимостью эскроу-счет может использоваться не только для хранения денежных средств, но и для временного размещения документов, подтверждающих право собственности на недвижимость. Это особенно актуально в тех случаях, когда стороны не доверяют друг другу и хотят убедиться в выполнении всех условий сделки перед передачей ключевых документов.

Эскроу-счет также может быть использован в сделках с коммерческой недвижимостью, где суммы сделок значительно выше, чем в жилищном секторе, и соответственно выше риски для обеих сторон. В таких сделках часто участвуют профессиональные юридические и финансовые консультанты, которые рекомендуют использование эскроу-счета как стандартную практику для минимизации рисков.

В международной практике эскроу-счета часто используются при покупке недвижимости иностранцами, где дополнительные сложности возникают из-за различий в правовых системах и языковых барьерах. В российском контексте это может быть актуально для покупки недвижимости иностранцами или россиянами за рубежом, где эскроу-счет, открытый в международном банке, может служить нейтральным посредником, обеспечивающим безопасность расчетов.

Безусловно, основным преимуществом использования эскроу-счетов в сделках с недвижимостью является обеспечение безопасности расчетов между сторонами. С помощью эскроу можно обеспечить сохранность активов в период проведения сделки. В случае с недвижимостью основанием для передачи оплаты может быть соответствие фактически имеющегося имущества перечню или подтверждение права собственности покупателя.

Эскроу-счет создает механизм «доверенного хранения», который позволяет сторонам быть уверенными в том, что деньги будут переданы только после выполнения всех условий сделки. Это особенно важно в сделках с недвижимостью, где суммы могут быть очень значительными, а риски мошенничества достаточно высоки.

Кроме того, использование эскроу-счета способствует укреплению доверия между сторонами сделки, особенно когда они не имеют длительных деловых отношений или когда сделка имеет трансграничный характер. Наличие нейтрального посредника, которым выступает банк-эскроу-агент, снижает уровень недоверия и позволяет сосредоточиться на существенных условиях сделки, а не на вопросах безопасности расчетов.

Судебно-арбитражная практика в условиях российской действительности показывает, что длительное нахождение денежных средств на счету коммерческого банка при наличии инфляционных процессов ведет к незаконному обогащению этого банка [9, с. 64]. В этой связи справедливым представляется мнение Л.А. Винницкой, согласно которому конечным выгодоприобретателем может выступить третье лицо, которое не является стороной базового договора участия в долевом строительстве [11, с. 46].

Одним из существенных недостатков действующей системы является ограниченный размер страхового возмещения. С октября 2020 года по счетам эскроу, открытым для расчетов по сделке купли-продажи недвижимости и договору участия в долевом строительстве, страховое возмещение производится в повышенном размере. Максимальный размер возмещения, обусловленного банкротством банка, в котором открыт счет эскроу, составляет 10

млн. руб. Однако эта сумма является незначительной для рынка недвижимости и не всегда способна покрыть убытки депонента [15, с. 28].

Кроме того, запрет на начисление процентов на депонированные денежные средства лишает участников договора возможности защититься от инфляции [15, с. 28]. В странах с развитой правовой системой, в частности в США, проценты по депонированным средствам начисляются, что позволяет сохранить реальную стоимость денег в условиях инфляции.

Следует также отметить, что использование эскроу-счета увеличивает стоимость сделки за счет комиссии банка-эскроу-агента. Хотя эта стоимость обычно невелика по сравнению с суммой сделки, она может стать существенной для небольших сделок или для участников с ограниченным бюджетом.

В некоторых случаях использование эскроу-счета может замедлить процесс заключения сделки, так как требует дополнительных действий по открытию счета, внесению средств и проверке документов. Для сделок, где время играет критическую роль, это может быть существенным недостатком.

Одной из основных проблем применения эскроу-счетов в сделках с недвижимостью является недостаточная проработанность положений российского гражданского законодательства в сфере условного депонирования [15, с. 29].

Проблемным аспектом является эффективность проверки эскроу-агентом оснований для передачи имущества бенефициару. Такая проверка является формальной, а правовые нормы и судебная практика, устанавливающие пределы диспозитивности в действиях эскроу-агента при проверке документов, на сегодняшний день отсутствуют [15, с. 27]. Инструкции по проверке эскроу-агентом оснований передачи депонированного имущества должны быть включены сторонами в договор условного депонирования (ст. 926.3 ГК РФ). Возникающие при этом риски следует относить к правовым рискам бенефициара по договору условного депонирования.

Еще одним пробелом является регламентация возврата имущества депоненту при прекращении договора (ст. 926.8 ГК РФ). Гражданское законодательство не регламентирует ситуацию, при которой бенефициар исполняет обязательство перед депонентом, но не успевает передать подтверждающие документы до момента прекращения договора условного депонирования.

Для повышения эффективности использования эскроу-счетов в сделках с недвижимостью необходимо внести ряд изменений в действующее законодательство. В первую очередь, следует увеличить сумму страхового возмещения минимум до 20-25 млн. руб. для рынка недвижимости.

Кроме того, необходимо урегулировать процедуру проверки эскроу-агентом оснований для передачи имущества бенефициару, установив четкие пределы диспозитивности и ответственности эскроу-агента за ненадлежащую проверку документов.

Важным направлением развития института эскроу-счетов является его адаптация к условиям

цифровой экономики. С учетом активного внедрения информационных цифровых технологий, представляется целесообразным дополнить перечень объектов, которые могут быть переданы для депонирования, цифровыми правами. Статья 128 ГК РФ квалифицирует цифровые права как имущественные права, ставя их в один ряд с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами [1].

В условиях развития цифровых технологий и блокчейн-платформ, эскроу-счет может быть интегрирован с технологией смарт-контрактов, что позволит автоматизировать процесс проверки условий передачи средств и повысить прозрачность операций. Такая интеграция может значительно повысить эффективность использования эскроу-счетов и расширить их применение в различных сферах гражданского оборота.

Следует также отметить, что в российском законодательстве отсутствует четкое определение объектов, которые могут быть переданы для депонирования. Согласно п. 3 ст. 926.1 ГК РФ, такими объектами могут быть: 1) движимые вещи, включая наличные денежные средства, документарные ценные бумаги, документы; 2) безналичные денежные средства; 3) бездокументарные ценные бумаги [1]. Учитывая активное внедрение информационных цифровых технологий, представляется целесообразным дополнить данный перечень цифровыми правами.

Важным аспектом развития института эскроу-счетов является необходимость установления минимальных требований к эскроу-агентам. В настоящее время в России эскроу-агентами чаще всего выступают банковские организации, а также крупные компании, оказывающие консалтинговые услуги и имеющие хорошую репутацию на международном рынке. Однако в законодательстве отсутствуют какие-либо ограничения на занятие деятельностью эскроу-агента.

На наш взгляд, важно предусмотреть такие ограничения в рамках главы 47.1 ГК РФ. В частности, необходимо установить запрет на занятие деятельностью эскроу-агента для:

1. граждан, имеющих судимость за преступления против собственности, за злоупотребление или превышение своих должностных полномочий, коммерческий подкуп, взятки;
2. юридических лиц, осуществляющих свою деятельность менее трех лет;
3. граждан и юридических лиц, аффилированных с депонентом или бенефициаром [15, с. 25].

В настоящее время в России уже создаются определенные предпосылки для привлечения к оказанию услуг эскроу профессиональных субъектов, деятельность которых урегулирована нормами специального законодательства. Речь идет о нотариусах, адвокатах, банках, депозитариях и регистраторах на рынке ценных бумаг.

Согласно разъяснению комиссии ФПА РФ по деятельности эскроу-агента, услуга эскроу может быть оказана представителем адвокатского сообщества на основании соглашения об оказании юридической

помощи [7]. В документе подчеркивается, что условное депонирование обусловлено наличием у адвоката, выступающего эскроу-агентом, фидуциарных отношений как с депонентом, так и с бенефициаром.

В правовом регулировании деятельности эскроу-агента, осуществляемой нотариусами, имеются некоторые противоречия. С одной стороны, ст. 926.8 ГК РФ прямо называет нотариуса эскроу-агентом. С другой стороны, в письме ФНП РФ уточняется, что выполнение нотариусами функций эскроу-агента следует рассматривать как исключение из общего правила, установленного п. 1 ст. 261.1 ГК РФ [7].

Нотариус, аналогично адвокату, выступает гарантом исполнения обязательств депонента и проведения расчетов между сторонами соглашения. Однако, обладая публично-правовым статусом, нотариус не является стороной договора условного депонирования. Отметим, что для заключения договора условного депонирования сторонам в любом случае придется обратиться к нотариусу, так как этот вид соглашений подлежит обязательному нотариальному удостоверению (за исключением депонирования бездокументарных ценных бумаг либо безналичных денежных средств).

Эскроу-счета занимают важное место в системе расчетов по сделкам с недвижимым имуществом, обеспечивая повышенную безопасность и защиту интересов сторон. Однако, несмотря на значительный потенциал, данный инструмент сталкивается с рядом проблем, связанных с недостаточной проработанностью норм гражданского законодательства, регулирующих данный институт.

Анализ правовой базы и судебной практики позволяет сделать вывод, что эскроу-счета в сфере недвижимости, особенно в долевом строительстве, являются эффективным инструментом минимизации рисков для участников сделок.

В условиях развития цифровой экономики и увеличения объема трансграничных сделок институт эскроу-счетов приобретает особую актуальность как инструмент минимизации рисков и повышения безопасности гражданского оборота. Устранение существующих проблем правового регулирования эскроу позволит раскрыть весь потенциал данного института и сделать его эффективным инструментом обеспечения исполнения обязательств в российской правовой системе.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
2. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 40.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О банкротстве (несостоятельности)» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 40. – Ст. 3927.
4. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.
5. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.07.2025 № Ф04-1325/2025 по делу № А70-10045/2024 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/18665eed-4de9-4d1d-9ceb-9a8bd6abeebb/30bf1510-e56e-4541-a4cc-1d58b68b649d/A70-10045-2024_20250701_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 10.10.2025 г.)
6. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.01.2019 № 11АП-17320/2018 по делу № А65-17385/2018 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/11837a7b-4876-4018-829e-e9165e762aa7/d2ac79e8-c689-45f1-8f9b-524d647d226e/A65-17385-2018_20190121_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 10.10.2025 г.)
7. Разъяснение № 02/19 Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам об осуществлении адвокатом деятельности эскроу-агента (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов 17.04.2019, Протокол № 7) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ, № 2, 2019.
8. Письмо ФНП от 20.06.2018 № 3041/03-16-3 «О договоре условного депонирования (эскроу) и договоре публичного депозитного счета» // URL: <https://www.law.ru/npd/doc/docid/550517065/modid/99> (дата обращения: 10.10.2025 г.)
9. Андреев Ю.Н. О некоторых проблемах в гражданском праве // Цивилист. – 2022. – № 2. – С. 60-66.
10. Батин В.В. Договор условного депонирования (эскроу) и договор счета эскроу: соотношение обязательств и перспективы сосуществования // Юридическая наука. – 2014. – № 2. – С. 68-69.
11. Винницкая Л.А. Счет эскроу как инструмент реализации инвестиционных проектов // Юрист. – 2021. – № 8. – С. 40-46.
12. Горобинский В.Г. Зарубежный опыт применения эскроу // Нотариальный вестник. – 2024. – № 5. – С. 34-38.
13. Гришаев С.П., Свит Ю.П., Богачева Т.В. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая // СПС КонсультантПлюс. 2021.
14. Захаркина А.В. Договор условного депонирования (эскроу) как основание нового сложного обязательства // Lex russica. – 2019. – № 4. – С. 68-77.
15. Короткова М. В. Правовое регулирование института эскроу в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. – 2024. – № 1. – С. 22-29.
16. Как заключить договор эскроу // СПС КонсультантПлюс. 2025.
17. Банкнотная грамота: россиянам запретят приобретать жилье за наличные // URL: <https://iz.ru/1904718/natalia-bashlykova/pokupaj-i>

proveryaj-rossiyanam-zapretyat-priobretat-zhile-zanalichnye (дата обращения: 10.10.2025 г.).

The role of escrow accounts in real estate transactions

Kalacheva T.L.

Pacific State University

The article examines the legal regulation and practice of using escrow accounts in real estate transactions in the Russian Federation. The author analyzes the dual nature of the escrow institution, enshrined in Russian civil legislation both in the form of an escrow account and as an escrow agreement. Particular attention is paid to the specifics of using escrow accounts in the field of shared construction, where they have gained the widest application as a mechanism for protecting the rights of participants in construction projects. The study investigates the features of the legal status of the escrow agent, as well as the procedure for transferring funds after fulfilling the terms of the transaction. The work identifies significant problems in the legal regulation of escrow accounts, including limited insurance compensation (10 million rubles), a ban on interest accrual, and insufficiently developed norms for verifying the grounds for transferring funds to the beneficiary. The author substantiates the need to increase insurance compensation to 20-25 million rubles, allow interest accrual on deposited funds, and establish clear requirements for escrow agents. Special emphasis is placed on the prospects for adapting the escrow institution to the conditions of the digital economy, including expanding the list of deposit objects through digital rights. The research results have practical significance for improving legal regulation and increasing the effectiveness of using escrow accounts in civil circulation.

Keywords: real estate, escrow agreement, escrow agent, escrow account, escrow

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996, No. 14-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 410.
2. Federal Law of December 30, 2004, No. 214-FZ "On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2005. – No. 1 (Part 1). – Art. 40.
3. Federal Law of October 26, 2002, No. 127-FZ "On Bankruptcy (Insolvency)" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 40. – Art. 3927.
4. Federal Law of 02.10.2007 No. 229-FZ "On Enforcement Proceedings" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 41. – Art. 4849.
5. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 01.07.2025 No. F04-1325/2025 in case No. A70-10045/2024 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/18665eed-4de9-4d1d-9ceb-9a8bd6abeebb/30bf1510-e56e-4541-a4cc-1d58b68b649d/A70-10045-2024_20250701_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (date of access: 10.10.2025)
6. Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated January 21, 2019 No. 11AP-17320/2018 in case No. A65-17385/2018 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/11837a7b-4876-4018-829e-e9165e762aa7/d2ac79e8-c689-45f1-8f9b-524d647d226e/A65-17385-2018_20190121_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (accessed: October 10, 2025).
7. Clarification No. 02/19 of the Commission of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation on Ethics and Standards on the Activities of an Escrow Agent by a Lawyer (approved by the Decision of the Council of the Federal Chamber of Lawyers of April 17, 2019, Protocol No. 7) // Bulletin of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, No. 2, 2019.
8. Letter of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation dated June 20, 2018 No. 3041/03-16-3 "On the Escrow Agreement and the Public Deposit Account Agreement" // URL: <https://www.law.ru/npd/doc/docid/550517065/modid/99> (date of access: October 10, 2025).
9. Andreev Yu.N. On Some Problems in Civil Law // Civilist. – 2022. – No. 2. – P. 60-66.
10. Batin V.V. Escrow Agreement and Escrow Account Agreement: Ratio of Obligations and Prospects for Coexistence // Legal Science. – 2014. – No. 2. – P. 68-69.
11. Vinnitskaya L.A. Escrow Account as a Tool for Implementing Investment Projects // Jurist. – 2021. – No. 8. – P. 40-46.
12. Gorobinsky V.G. Foreign Experience in Using Escrow // Notarial Bulletin. – 2024. – No. 5. – P. 34-38.
13. Grishaev S.P., Svit Yu.P., Bogacheva T.V. Article-by-Article Commentary to the Civil Code of the Russian Federation. Part Two // SPS ConsultantPlus. 2021.
14. Zakharkina, A.V. Escrow Agreement as the Basis for a New Complex Obligation // Lex Russica. – 2019. – No. 4. – pp. 68-77.
15. Korotkova, M.V. Legal Regulation of the Escrow Institution in the Russian Federation: Theoretical and Practical Issues // Legal Regulation of Economic Activity. PRED. – 2024. – No. 1. – pp. 22-29.
16. How to Conclude an Escrow Agreement // SPS ConsultantPlus. 2025.
17. Banknote Charter: Russians will be prohibited from purchasing housing with cash // URL: <https://iz.ru/1904718/natalia-bashlykova/pokupaj-i-proveryaj-rossiyanam-zapretyat-priobretat-zhile-zanalichnye> (date of access: 10.10.2025).

Гражданско-правовая ответственность за нарушение законодательства о персональных данных: взаимодействие МВД и органов прокуратуры в обеспечении информационной безопасности

Купряшин Виктор Сергеевич

студент, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, victorkupryashin@yandex.ru

Петров Артём Антонович

студент, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, lordpetrotoma@gmail.com

Моисеенко Михаил Иванович

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и процесса, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, mmimi1963@mail.ru

В статье проводится комплексный анализ гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере обработки персональных данных в Российской Федерации. Исследуется эволюция законодательного регулирования и механизмы взаимодействия правоохранительных органов. Особое внимание уделяется координации действий Министерства внутренних дел и Прокуратуры в обеспечении информационной безопасности. Выявляются системные проблемы правоприменения и формулируются предложения по оптимизации межведомственного сотрудничества. Сделан вывод о том, что гражданско-правовая ответственность за нарушения законодательства о персональных данных находится в процессе активной адаптации к вызовам цифровой эпохи. Отмечено, что эффективность механизма правовой защиты напрямую зависит от слаженности и скоординированности действий ключевых правоохранительных органов — МВД и Прокуратуры, которые обладают взаимодополняющими полномочиями в сфере выявления, пресечения и расследования нарушений.

Ключевые слова: персональные данные, гражданско-правовая ответственность, информационная безопасность, МВД, Прокуратура, правоохранительные органы, законодательство, возмещение убытков, компенсация вреда.

В эпоху цифровой трансформации персональные данные приобрели статус критически важного актива, обуславливающего функционирование как экономических механизмов, так и социальных институтов. Однако параллельно с ростом их значимости происходит стремительная эскалация сопутствующих рисков. Массовые утечки и противоправное использование информации не только наносят существенный материальный и репутационный ущерб, но и подрывают основы доверия к цифровой экономике в целом. В условиях, когда, по оценкам экспертов, до 60% утечек данных происходят при участии человеческого фактора, а киберпреступники активно используют генеративный искусственный интеллект для масштабирования фишинговых атак и создания вредоносных программ, вопросы обеспечения информационной безопасности выходят на уровень задач национальной значимости.

Правовой фундамент защиты персональных данных в Российской Федерации образует система нормативных актов, возглавляемая Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных». Дальнейшее развитие и ужесточение этого режима связано с принятием в 2024-2025 годах ряда законодательных новаций, кардинально меняющих ландшафт ответственности. Так, с 30 мая 2025 года вступили в силу положения Федерального закона № 420-ФЗ, которые не только многократно увеличили размеры административных штрафов, но и ввели специальные составы правонарушений, такие как нарушение обязанности уведомить об утечке персональных данных, а также действия (бездействие), повлекшие утечку специальных категорий данных. Эти изменения свидетельствуют о переходе законодателя от декларативных норм к созданию действенного механизма правового принуждения.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ гражданско-правовой ответственности за нарушения законодательства о персональных данных в его взаимосвязи с деятельностью правоохранительных органов. В задачи работы входит: рассмотрение новелл законодательства 2025 года, анализ компенсаторной функции гражданско-правовой ответственности, исследование функциональных ролей МВД и Прокуратуры, выявление проблемных зон в их взаимодействии и формулирование предложений по совершенствованию правового регулирования и правоприменительной практики.

Гражданско-правовая ответственность в системе мер защиты персональных данных

В системе юридической ответственности за нарушения в сфере персональных данных гражданско-правовая ответственность занимает особое место, поскольку ее основной функцией является компенсация причиненного вреда и восстановление нарушенных прав субъекта данных. В отличие от карательной направленности административной или уголовной ответственности, гражданско-правовые санкции нацелены на ликвидацию негативных последствий правонарушения для потерпевшего. Как верно отмечает И.А. Трофимова, «если работнику причинен имущественный ущерб или моральный вред, он может требовать привлечения к гражданско-правовой ответственности лица, ответственного за осуществление вышеперечисленных действий с персональными данными, виновного в нарушении норм, регулирующих хранение, обработку и использование персональных данных работника, допущенного» [2, с. 2].

Законодательные изменения 2025 года не обошли стороной и гражданско-правовые аспекты. В частности, была усовершенствована процедура получения согласия на обработку персональных данных. С 1 сентября 2025 года согласие должно быть оформлено в виде отдельного документа, не объединенного с другими соглашениями, что направлено на обеспечение осознанного и добровольного волеизъявления субъекта. Нарушение этого требования влечет не только административные штрафы для организаций и ИП в размере до 700 тысяч рублей, но и создает предпосылки для предъявления гражданских исков о возмещении убытков или компенсации морального вреда, поскольку обработка данных без надлежаще оформленного согласия изначально является противоправной.

При рассмотрении споров, связанных с нарушением законодательства о персональных данных, суды руководствуются принципом добросовестности, разъясненным в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25. Этот принцип приобретает особую значимость в контексте цифровой среды, где асимметрия информации между оператором и субъектом данных особенно велика. Суд, оценивая поведение оператора, исходит из того, как действовал бы любой разумный и добросовестный участник оборота, принимая во внимание не только формальное соблюдение норм, но и общепринятые стандарты защиты информации. Недобросовестное поведение, такое как сокрытие факта утечки или непринятие очевидных мер безопасности, может стать основанием для отказа в защите прав самого оператора и применения против него всех предусмотренных мер ответственности.

Важным ориентиром для правоприменительной практики является принцип справедливости, который, по меткому замечанию С.С. Рудика и его коллег, «предполагает, что обработка данных не должна нарушать права и законные интересы субъектов данных. Например, данные не могут использоваться для дискриминации или причинения вреда субъекту» [3, с. 155]. Этот принцип находит свое

непосредственное воплощение в институте компенсации морального вреда, который служит не только мерой восстановления психического благополучия потерпевшего, но и способом правового воздействия на нарушителя, препятствующим извлечению выгоды из противоправного поведения.

Функциональные роли МВД и Прокуратуры в механизме обеспечения информационной безопасности

Эффективность гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере персональных данных напрямую зависит от слаженности работы правоохранительных органов, которые обеспечивают выявление, пресечение и расследование таких нарушений. Министерство внутренних дел и Прокуратура Российской Федерации выступают в этом процессе ключевыми субъектами, обладающими взаимодополняющими компетенциями. Как справедливо указывает И.В. Упоров, «правоохранительная функция государства в механизме публичной власти осуществляется посредством правоохранительной деятельности специализированных структур—прежде всего государственных правоохранительных органов и учреждений (прокуратура, органы внутренних дел, органы государственной безопасности, исправительные учреждения и др.), которые в данной сфере общественных отношений тесно взаимодействуют с общественными и иными организациями» [7, с. 310].

Деятельность Прокуратуры в сфере защиты персональных данных отличается комплексным характером. Как подчеркивает И.А. Соколов, «оценивая в целом задачи и цели деятельности органов прокуратуры в сфере обеспечения информационной безопасности, следует обратить внимание на комплексность такой деятельности, которая не ограничивается только осуществлением надзора, а включает уголовное и административное преследование, обеспечение участия прокурора в гражданском и административном судопроизводстве, координацию деятельности правоохранительных органов, организацию внутриведомственной информационной безопасности надзорного органа, а также осуществление иной ненадзорной деятельности» [4, с. 104]. В контексте защиты персональных данных это означает, что прокуроры не только осуществляют надзор за исполнением законодательства операторами, но и активно используют право на предъявление исков в защиту прав неопределенного круга лиц, что особенно актуально в случаях массовых утечек данных.

Министерство внутренних дел, в свою очередь, реализует свои полномочия преимущественно в оперативно-розыскной и административной деятельности. Специализированные подразделения, такие как отделы «К», занимаются выявлением и пресечением преступлений в сфере информационных технологий, проведением экспертиз и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление лиц, причастных к неправомерному доступу к персональным данным. При этом важно отметить, что само МВД как оператор персональных

данных несет ответственность за обеспечение безопасности информации в своих информационных системах, что создает предпосылки для возникновения специфических правовых коллизий.

Ю.Н. Мильшин предлагает рассматривать систему органов обеспечения информационной безопасности через призму функционального разделения: «в общем виде, всю систему органы можно условно поделить на две группы, где первая занимается разработкой общей политики в сфере обеспечения информационной безопасности (Правительство, министерства, службы и агентства), а вторая осуществляет свою деятельность путём непосредственной охраны государства, личности и общества в целях обеспечения информационной безопасности (ФСБ, прокуратура, внутренних дел и иные правоохранительные органы)» [8, с. 57]. В этой системе МВД и Прокуратура относятся ко второй группе, что подчеркивает их прикладную роль в непосредственной защите прав и законных интересов субъектов персональных данных.

Современные вызовы и проблемы межведомственного взаимодействия

Несмотря на наличие развитой нормативной базы и формально налаженных механизмов сотрудничества, взаимодействие МВД и Прокуратуры в сфере защиты персональных данных сталкивается с рядом системных проблем, обострившихся в условиях цифровой трансформации. Одной из ключевых проблем является быстрое технологическое развитие, которое опережает возможности традиционных правоохранительных процедур. Появление новых форм киберугроз, таких как атаки программ-вымогателей, которые фигурируют в 35% всех зарегистрированных нарушений безопасности, а также использование злоумышленниками искусственного интеллекта для создания глубоких подделок (дипфейк) и генерации вредоносного кода, требует от правоохранительных органов постоянного совершенствования методик расследования и наличия узкоспециализированных знаний.

В этом контексте приобретает актуальность проблема, обозначенная Н.Р. Тановым, о необходимости расширения круга участников межведомственного взаимодействия: «Для точного и достоверного установления факта нарушения закона, а также установления состава преступления прокурор был бы обязан привлекать специалистов из данной сферы деятельности, не ограничиваясь правоохранительными органами. Так, помимо взаимодействия со Следственным комитетом, специализированными отделами «К» МВД России и ФСБ России, необходимо было бы включить в данное взаимодействие, например, Роскомнадзор, чья детальность также направлена на развитие безопасной экосистемы в рамках сети Интернет» [6, с. 104]. Действительно, эффективное противодействие современным киберугрозам невозможно без привлечения технических специалистов и регуляторов, обладающих специальными познаниями в области информационных технологий.

Еще одной значимой проблемой является разграничение компетенции между МВД и Прокуратурой при квалификации нарушений. Не всегда очевидно, в каких случаях нарушение должно рассматриваться как административное правонарушение (где ведущая роль принадлежит органам внутренних дел), а в каких — как повод для предъявления гражданского иска прокурором в защиту неопределенного круга лиц. Эта неопределенность может приводить к дублированию функций или, наоборот, к правовым пробелам, когда нарушения остаются без адекватной правовой реакции.

Серьезным вызовом является и трансграничный характер современных киберугроз. Как отмечается в аналитических материалах, «цифровая сфера стала новой ареной для международных конфликтов, геополитического противостояния и террористических действий, что делает риски цифровой безопасности трансграничными, экстремальными и разрушительными». В этих условиях традиционные методы правоохранительной деятельности, ориентированные на национальную юрисдикцию, оказываются недостаточно эффективными, что требует развития международного сотрудничества и гармонизации законодательства.

Перспективы совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики

Для преодоления выявленных проблем и повышения эффективности защиты персональных данных необходим комплекс мер, направленных на совершенствование как нормативной базы, так и практики межведомственного взаимодействия.

Во-первых, назрела необходимость разработки и принятия совместных методических рекомендаций МВД и Прокуратуры по расследованию преступлений и правонарушений в сфере персональных данных. Такие рекомендации должны содержать четкие критерии разграничения компетенции, алгоритмы взаимодействия при выявлении нарушений, типовые процедуры обмена информацией, а также методики расчета размера причиненного ущерба для обоснования гражданско-правовых требований.

Во-вторых, представляется целесообразным создание специализированных межведомственных рабочих групп по защите персональных данных, в которые, помимо сотрудников МВД и Прокуратуры, могли бы входить представители Роскомнадзора, ФСТЭК России, а также независимые эксперты из IT-сообщества. Подобные структуры позволили бы обеспечить оперативный обмен информацией о новых угрозах и лучших практиках противодействия им.

В-третьих, требует дальнейшего развития законодательное регулирование гражданско-правовой ответственности. Предложение И.И. Мазитова о «введении оборотных штрафов за нарушение законодательства об охране персональных данных и ужесточения ответственности государственных и муниципальных органов власти за утечки персональных данных» [1, с. 377] представляется весьма

актуальным в контексте создания действенных стимулов для операторов к надлежащему исполнению своих обязанностей. Речь идет о введении механизма, при котором размер штрафа может быть пропорционален обороту компании или тяжести последствий нарушения.

В-четвертых, важным направлением совершенствования является цифровизация самого процесса межведомственного взаимодействия. Создание защищенных платформ для обмена информацией между МВД, Прокуратурой и другими заинтересованными ведомствами в режиме, близком к реальному времени, позволило бы значительно повысить оперативность реагирования на инциденты, связанные с утечками персональных данных.

Наконец, необходимо активное развитие международного сотрудничества в данной сфере. Гармонизация законодательства о персональных данных, заключение международных соглашений о взаимной правовой помощи по киберпреступлениям, участие в работе международных организаций, занимающихся вопросами информационной безопасности, — все эти меры способствовали бы созданию более эффективной системы противодействия трансграничным киберугрозам.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что гражданско-правовая ответственность за нарушения законодательства о персональных данных представляет собой динамично развивающийся институт, находящийся в процессе активной адаптации к вызовам цифровой эпохи. Законодательные изменения 2025 года, существенно ужесточившие санкции и конкретизировавшие составы правонарушений, свидетельствуют о признании государством высокой общественной опасности таких нарушений и необходимости создания эффективного механизма правовой защиты.

Эффективность этого механизма напрямую зависит от слаженности и скоординированности действий ключевых правоохранительных органов — МВД и Прокуратуры, которые обладают взаимодополняющими полномочиями в сфере выявления, пресечения и расследования нарушений. Однако современные вызовы, такие как быстрое технологическое развитие, трансграничный характер киберугроз и усложнение методов киберпреступности, требуют дальнейшего совершенствования как нормативной базы, так и практики межведомственного взаимодействия.

Перспективы развития видятся в комплексном подходе, включающем разработку совместных методических рекомендаций, создание специализированных межведомственных структур, дальнейшее совершенствование законодательства об ответственности, цифровизацию процессов взаимодействия и развитие международного сотрудничества. Только такой системный подход позволит обеспечить адекватный уровень защиты персональных данных граждан Российской Федерации и создать устойчивую к современным вызовам систему информационной безопасности.

Литература

1. Мазитов И.И. Юридическая ответственность за нарушение персональных данных в России: проблемы и пути решения // Образование и право. 2024. №6. С. 375-379.
2. Трофимова И.А., Питько Е.В. Особенности гражданско-правовой ответственности за нарушение норм, регулирующих защиту персональных данных работников // Пробелы в российском законодательстве. 2016. С. 137-140.
3. Рудик С.С., Антоненко А.Е., Танов М.А., Петров И.В. Защита персональных данных в гражданско-правовых отношениях // Журнал прикладных исследований. 2025. №5. С. 152-159.
4. Соколов И.А. Теоретические и практические аспекты участия прокурора в обеспечении информационной безопасности государства в сфере использования искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2024. №6 (118). С. 101-108.
5. Назарова И.С., Григонис В.П., Сапожникова М.А. Организация взаимодействия прокуратуры и других органов в сфере обеспечения национальной и общественной безопасности // Аграрное и земельное право. 2024. №6 (234). С. 144-147.
6. Танов Н.Р. Основные проблемы совершенствования правового регулирования взаимодействия органов прокуратуры и органов государственной власти Российской Федерации на примере противодействия преступлениям, совершаемым в киберпространстве, затрагивающим права человека // Legal Bulletin. 2024. №3. С. 98-107.
7. Упоров И.В. Правоохранительные органы России: виды, статус и функции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. №4-2 (103). С. 310-317.
8. Мильшин Ю.Н. К вопросу об обеспечении информационной безопасности // Теология. Философия. Право. 2024. №2 (22). С. 53-61.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. №26.

Civil liability for violations of personal data legislation: cooperation between the Ministry of internal affairs and the prosecutor's office in ensuring information security

Kupryashin V.S., Petrov A.A., Moiseenko M.I.

Saint-Petersburg State Fire Service University of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev

The article provides a comprehensive analysis of civil liability for violations in the field of personal data processing in the Russian Federation. It examines the evolution of legislative regulation and the mechanisms of interaction between law enforcement agencies. Special attention is given to the coordination of actions between the Ministry of Internal Affairs and the Prosecutor's Office in ensuring information security. The article identifies systemic problems in law enforcement and formulates proposals for optimizing interagency cooperation. It is concluded that civil liability for violations of personal data legislation is actively adapting to the challenges of the digital age. It is noted that the effectiveness of the legal protection mechanism directly depends on the coherence and coordination of the actions of key law enforcement agencies—the Ministry of Internal Affairs and the Prosecutor's Office—which have complementary powers in identifying, preventing, and investigating violations.

Keywords: personal data, civil liability, information security, Ministry of Internal Affairs, Prosecutor's Office, law enforcement agencies, legislation, compensation for damages, compensation for harm.

References

1. Mazitov I.I. Legal liability for violation of personal data in Russia: problems and solutions // Education and Law. 2024. No. 6. pp. 375-379.
2. Trofimova I.A., Pitko E.V. Features of civil liability for violation of the rules governing the protection of employees' personal data // Gaps in Russian legislation. 2016. pp. 137-140.
3. Rudik S.S., Antonenko A.E., Tanov M.A., Petrov I.V. Protection of personal data in civil law relations // Journal of Applied Research. 2025. No. 5. pp. 152-159.
4. Sokolov I.A. Theoretical and practical aspects of the prosecutor's participation in ensuring state information security in the field of artificial intelligence use // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2024. No. 6 (118). P. 101-108.
5. Nazarova I.S., Grigonis V.P., Sapozhnikova M.A. Organization of interaction between the prosecutor's office and other bodies in the field of ensuring national and public security // Agrarian and land law. 2024. No. 6 (234). P. 144-147.
6. Tanov N.R. Key issues of improving the legal regulation of interaction between the prosecutor's office and government bodies of the Russian Federation on the example of combating crimes committed in cyberspace that affect human rights // Legal Bulletin. 2024. No. 3. P. 98-107.
7. Uporov I.V. Law enforcement agencies of Russia: types, status and functions // International journal of humanitarian and natural sciences. 2025. No. 4-2 (103). P. 310-317.
8. Mil'shin Yu.N. On the Issue of Ensuring Information Security // Theology. Philosophy. Law. 2024. No. 2 (22). P. 53-61.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 26.

Публично-правовое соотношение платного образования и коммерческого здравоохранения: свободы, гарантии, проблемы

Лозовицкая Галина Петровна

доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Lozovitskaya.GP@rea.ru

Хотееенкова Кристина

студент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

В статье исследуются актуальные проблемы публично-правового соотношения и урегулирования рынка платных образовательных и медицинских услуг. Рассматривается противоречие между свободой предпринимательства и обязанностью государства обеспечивать право на образование и охрану здоровья. Выявляются пробелы и противоречия в отраслевом законодательстве, а также проблемы в правоприменительной практике. На основе проведенного анализа формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования в целях достижения необходимого баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью.

Ключевые слова: публично-правовое регулирование, платное образование, коммерческое здравоохранение, социальные гарантии, коммерческие свободы и социальные гарантии, доступность услуг, качество услуг, государственный контроль.

Общемировые тенденции коммерциализации социально значимых услуг вызывают необходимость переосмысления традиционных подходов к их публично - правовому регулированию. В то же время современное развитие социальной сферы в Российской Федерации в целом характеризуется устойчивой тенденцией к расширению сектора платных услуг, что особенно ярко проявляется на наш взгляд в таких социально-значимых для населения сферах, как образование и здравоохранение.

Так, согласно официальной статистике Росстата, анализ данных позволяет оценить ключевой тренд, актуальный для образовательных услуг в целом, как онлайн, так и офлайн, — потребительский спрос и интерес россиян к обучению. Например, в 2024 году объем рынка образовательных услуг составил 1,135 трлн рублей— это максимум за последние семь лет. Если посмотреть на динамику, рынок демонстрирует уверенный рост, несмотря на кратковременный спад в начале периода. В 2019 году объем увеличился почти на 8% по сравнению с 2018 годом, но в 2020 году упал — почти на 10%, что связано с общей экономической нестабильностью в период пандемии. Однако уже в 2021 году рынок восстановился и вырос более чем на 20% — самый сильный прирост за весь период. С тех пор рост продолжается стабильно: каждый следующий год объем образовательных услуг увеличивался на 11—14% [4].

Аналогичная динамика наблюдается и в здравоохранении, где объем рынка платных медицинских услуг ежегодно возрастает по разным источникам на 15-20%. Так, только по оценкам BusinesStat, в 2020-2024 гг оборот легальной коммерческой медицины в России вырос на 92%: с 611 до 1175 млрд руб. Основными факторами увеличения общей выручки операторов медицинского рынка послужили активный рост числа платных медуслуг в 2021 г на фоне реализации отложенного в 2020 г спроса на плановую диагностику и лечение, растущей заболеваемости коронавирусом и загруженности бюджетных медучреждений, а также значительное повышение цен на платную медпомощь в 2022-2024 гг. ...Клиники были вынуждены повышать цены на медицинские услуги, что способствовало росту оборота рынка в условиях незначительного изменения объема оказываемых медуслуг [5].

Правовое регулирование указанных социальных отношений в платном образовании и коммерческом здравоохранении характеризуется определенной сложностью и противоречивостью, обусловленной необходимостью совмещения частноправовых и публично-правовых методов их регулирования. С одной стороны, оказание платных образовательных и медицинских услуг осуществляется на возмездной

основе и регулируется нормами гражданского законодательства о возмездном оказании услуг. То есть, ст.ст. 779 и 781 Гражданского кодекса РФ по договору исполнитель обязуется оказать услугу, а заказчик — её оплатить с другой стороны, особый социальный характер этих услуг обуславливает необходимость установления специального публично-правового регулирования, направленного на защиту конституционных прав, свобод и законных интересов граждан.

Так, Конституция Российской Федерации закрепляет фундаментальные положения, определяющие правовые основы регулирования отношений в социальной сфере. Ст. 7 Конституции провозглашает Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В развитие этого положения статьи 41 и 43 гарантируют право на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также право на образование. При этом Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 15 мая 2006 года № 5-П указал, что «реализация принципа социального государства предполагает обеспечение государством определенного уровня социальной защищенности, доступности социальных благ, в том числе образования и медицинской помощи, для всех граждан независимо от их материального положения» [6]. Вместе с тем, как подчеркивает Суд, это не исключает возможности предоставления соответствующих услуг на платной основе при условии сохранения гарантий их доступности для малообеспеченных категорий граждан.

Важное значение имеет правовая позиция, выраженная в Определении Конституционного Суда РФ от 5 октября 2010 года № 1309-О-О, где подчеркивается, что «введение платности отдельных видов образования и медицинской помощи не должно приводить к нарушению конституционных прав граждан и должно сопровождаться установлением адекватных мер социальной поддержки» [7]. Правовое регулирование платных образовательных и медицинских услуг осуществляется на основе комплексного взаимодействия норм гражданского, административного и специального отраслевого законодательства. Согласно ст. 779 Гражданского кодекса РФ, отношения по оказанию платных образовательных и медицинских услуг подпадают под действие главы 39 о возмездном оказании услуг [8]. Однако специальное законодательство – Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливают существенные особенности правового регулирования данных отношений [1, 2].

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» определяет правовые основы оказания платных образовательных услуг, устанавливая специальные требования к содержанию договора, порядку его заключения и расторжения, а также к ответственности исполнителя. В соответствии со статьей 101 Закона, платные образовательные услуги не могут быть оказаны вместо образовательной деятельности, финансируемой за счет

бюджетных ассигнований. Это положение направлено на предотвращение практики принуждения к получению образования на платной основе [1]. Аналогичные ограничения установлены и в сфере здравоохранения. Статья 84 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» запрещает взимание платы за медицинские услуги, предоставляемые в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи. При этом платные медицинские услуги могут оказываться только при условии информированного добровольного согласия пациента и в полном соответствии с установленными стандартами качества [2].

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении и разграничении компетенции между федеральными и региональными органами власти в сфере регулирования платных социальных услуг. Как показывает анализ законодательства, основные полномочия сосредоточены на федеральном уровне, что создает определенные сложности для учета региональной специфики при оказании соответствующих услуг [3].

Правоприменительная практика в сфере платного образования выявляет ряд системных проблем, требующих скорейшего решения. Одной из наиболее острых проблем является отсутствие эффективных механизмов контроля за соответствием стоимости платных образовательных услуг их реальному качеству. Как отмечается в докладе Общественной палаты РФ «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2023 год», за последние пять лет средняя стоимость обучения в российских вузах увеличилась более чем в два раза при отсутствии адекватного роста качества образовательных услуг [9]. Серьезную проблему представляет также недостаточная нормативная регламентация процедур расторжения договоров оказания платных образовательных услуг. Анализ судебной практики показывает, что в 2023 году более 70% споров, связанных с платным образованием, касались вопросов возврата денежных средств при досрочном расторжении договора [10]. При этом отсутствие единообразного подхода к разрешению данной категории споров приводит к принятию противоречивых судебных решений.

Отдельного внимания заслуживает проблема обеспечения академических прав студентов, получающих образование на платной основе. Как справедливо отмечает автор С.А. Каменская, «существующая система правового регулирования не в полной мере учитывает специфику положения студентов, оплачивающих свое обучение, что создает предпосылки для нарушения их прав» [3]. В частности, остается нерешенным вопрос о механизмах защиты прав студентов в случае некачественного или неполного предоставления образовательных услуг.

Особую актуальность приобретает проблема регулирования дистанционных образовательных услуг, рынок которых значительно вырос в последние годы. Отсутствие специальных нормативных требований к организации дистанционного обуче-

ния создает возможности для оказания некачественных образовательных услуг и нарушений прав потребителей [11].

Так же и в сфере платного здравоохранения сохраняется множество нерешенных правовых и прикладных проблем. Главной из них остается проблема разграничения бесплатных и платных медицинских услуг. Несмотря на прямое законодательное запрещение взимания платы за услуги, входящие в программу государственных гарантий, на практике это нарушение остается массовым. По данным Федерального фонда обязательного медицинского страхования, в 2023 году было зафиксировано более 15 тысяч обращений граждан по фактам незаконного взимания платы за медицинскую помощь [12]. Существенной проблемой является также отсутствие единых стандартов ценообразования на платные медицинские услуги. Так, действующее законодательство не содержит четких критериев определения стоимости платных медицинских услуг, что создает почву для злоупотреблений и необоснованного завышения цен. Эта проблема усугубляется отсутствием эффективного государственного контроля за ценообразованием в частных медицинских организациях.

Особую сложность представляет правовое регулирование отношений, возникающих при оказании некачественных платных медицинских услуг. Гражданское законодательство предусматривает общие основания ответственности за нарушение договорных обязательств, однако специфика медицинской деятельности требует специального регулирования. В частности, остается дискуссионным вопрос о распределении бремени доказывания при установлении факта оказания некачественной медицинской помощи [13]. Серьезную озабоченность вызывает проблема обеспечения информированного добровольного согласия пациента при оказании платных медицинских услуг. Несмотря на детальную законодательную регламентацию данного института, на практике часто встречаются случаи формального подхода к его реализации, что приводит к нарушению прав пациентов [14], особенно в «деликатных» с этической точки зрения отраслях медицинского здравоохранения, таких, например, как психиатрия [20] или генетическая медицина [21] или при заключении смарт-контрактов [22].

Проведенный анализ позволяет сформулировать конкретные предложения по совершенствованию правового регулирования платных образовательных и медицинских услуг. В сфере образования представляется целесообразным: разработать и принять федеральный закон «О платных образовательных услугах», который бы детально регулировал все аспекты оказания таких услуг, включая порядок ценообразования, стандарты качества и механизмы защиты прав потребителей [15] с учетом того, что платные образовательные услуги на сегодняшний день регулируются Федеральным законом № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», а конкретные правила их предоставления утверждены лишь Постановлением Правительства РФ от 15.09.2020 № 1441 «Об утверждении Правил

оказания платных образовательных услуг». Следует установить, на наш взгляд, обязательное страхование ответственности образовательных организаций за некачественное оказание платных образовательных услуг и создать систему независимой оценки качества платных образовательных услуг с участием профессиональных и общественных организаций либо комиссий.

В сфере здравоохранения необходимо принятие следующих мер: разработать и внедрить единые методические рекомендации по ценообразованию на платные медицинские услуги [16]. Также целесообразно установить повышенную ответственность медицинских организаций за нарушение порядка оказания платных медицинских услуг [17]. Целесообразно наряду с этими мерами создать эффективную систему досудебного разрешения споров, связанных с оказанием платных медицинских услуг [18].

А в сфере образования, думается, особое внимание следует уделить развитию системы государственного контроля за соблюдением законодательства в сфере платных социальных услуг. Как отмечает Д.В. Лазарев, «совершенствование контрольно-надзорной деятельности должно быть направлено на профилактику нарушений, а не только на их выявление и пресечение» [19].

Таким образом, публично-правовое регулирование платного образования и здравоохранения представляет собой сложный и динамично развивающийся институт, требующий постоянного совершенствования. Проведенное исследование соотношения платных аспектов рассматриваемых сфер показало, что действующее законодательство не в полной мере обеспечивает баланс между коммерческой свободой поставщиков услуг и социальными гарантиями граждан. Для решения выявленных проблем необходим комплексный подход, включающий совершенствование нормативной правовой базы, развитие механизмов государственного контроля и создание эффективных инструментов защиты прав потребителей. Особое внимание должно быть уделено обеспечению прозрачности и предсказуемости правового регулирования, а также созданию условий для добросовестной конкуренции на рынках образовательных и медицинских услуг. Реализация предложенных мер будет способствовать созданию сбалансированной системы правового регулирования, обеспечивающей как развитие рынка платных (коммерческих) социальных услуг, так и защиту конституционных прав граждан на доступное и качественное образование и медицинскую помощь.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

3. Сарнаков И. В. Публично-правовые и частно-правовые начала в регулировании образовательных отношений // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 87–98.

4. Бизнес-секреты. Как россияне оплачивают обучение в 2025 году. Редактор: А. Соломенникова, 16.10.2025. Источник:

https://secrets.tbank.ru/trendy/issledovanie-oplat-v-onlajn-obuchenii/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F&internal_source=copypaste

5. Анализ рынка медицинских услуг в России в 2020-2024 гг, прогноз на 2025-2029 гг. Источник: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://businessstat.ru/images/demo/medicine_russia_demo_businessstat.pdf

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.05.2006 № 5-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. – № 4.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 05.10.2010 № 1309-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

9. Доклад Общественной палаты РФ «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2023 год». М., 2023. 267 с.

10. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей образовательных услуг // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 4. С. 45-52.

11. Авакян С.А. Социальные обязанности государства: конституционно-правовые аспекты // Lex Russica. 2020. № 12. С. 9-23.

12. Отчет Федерального фонда обязательного медицинского страхования за 2023 год. М., 2024. 156 с.

13. Федорова М.Ю. Теоретические проблемы правового регулирования социального обеспечения. М.: Проспект, 2019. 256 с.

14. Лазарев Д.В. Доступность и качество как конституционные критерии оценки деятельности государства в социальной сфере // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 11. С. 25-29.

15. Проект федерального закона «О платных образовательных услугах» (разработан Минобрнауки России в 2022 году) // СПС «КонсультантПлюс».

16. Методические рекомендации по ценообразованию на платные медицинские услуги (утв. Минздравом России 15.03.2023 № 15-МР) // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2018 № 52 «О применении законодательства о платных медицинских услугах и платных образовательных услугах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 2.

18. Приказ Минздрава России от 29.12.2022 № 1580н «Об утверждении Порядка организации и проведения досудебного разрешения споров в сфере охраны здоровья» // Российская газета. – 2023. – № 15.

19. Аналитическая записка «Совершенствование контрольно-надзорной деятельности в социальной

сфере» / Под ред. Д.В. Лазарева. М.: ИЗиСП, 2023. 178 с.

20. Краевская, А. Г. Психиатрия и медицинское право с позиции юридических норм / А. Г. Краевская, Г. П. Лозовицкая // Юридическая наука. – 2024. – № 9. – С. 275-279.

21. Лозовицкая, Г. П. Генетическая медицина: регулирование генетических исследований и конфиденциальность генетической информации / Г. П. Лозовицкая, А. Г. Краевская // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2024. – № 52(52). – EDN VJQUMG.

22. Лозовицкая, Г. П. Морально-этические аспекты смарт-контрактов в медицине / Г. П. Лозовицкая, А. Г. Краевская // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2024. – № 53(53). – EDN JGVRCH.

The public-legal relationship between paid education and commercial healthcare: freedoms, guarantees, problems

Lozovitskaya G.P., Khotenkov K.

Plekhanov Russian University of Economics

This article examines current issues of public-law relationships and regulation in the market for paid educational and medical services. It examines the tension between free enterprise and the state's obligation to ensure the right to education and healthcare. Gaps and contradictions in sectoral legislation, as well as challenges in law enforcement, are identified. Based on this analysis, proposals are formulated for improving legal regulation to achieve the necessary balance between economic efficiency and social justice.

Keywords: public law regulation, paid education, commercial healthcare, social guarantees, commercial freedoms and social guarantees, accessibility of services, quality of services, state control.

References

1. Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2012. - No. 53 (Part 1). - Article 7598.
2. Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ "On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2011. - No. 48. - Article 6724.
3. Sarnakov I. V. Public-Law and Private-Law Principles in Regulating Educational Relations // Journal of Russian Law. 2021. No. 5. pp. 87-98.
4. Business Secrets. How Russians Will Pay for Tuition in 2025. Editor: A. Solomennikova, October 16, 2025. Source: https://secrets.tbank.ru/trendy/issledovanie-oplat-v-onlajn-obuchenii/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F&internal_source=copypaste
5. Analysis of the medical services market in Russia in 2020-2024, forecast for 2025-2029. Source: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://businessstat.ru/images/demo/medicine_russia_demo_businessstat.pdf
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 15, 2006, No. 5-P // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. – 2006. – No. 4.
7. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 05.10.2010 No. 1309-O-O // SPS "ConsultantPlus".
8. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 26.01.1996 No. 14-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 410.
9. Report of the Civic Chamber of the Russian Federation "On the State of Civil Society in the Russian Federation in 2023". Moscow, 2023. 267 p.
10. Review of Judicial Practice in Cases Concerning the Protection of the Rights of Consumers of Educational Services // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. No. 4. pp. 45-52.
11. Avakyan S.A. Social Responsibilities of the State: Constitutional and Legal Aspects // Lex Russica. 2020. No. 12. pp. 9-23.
12. Report of the Federal Compulsory Medical Insurance Fund for 2023. Moscow, 2024. 156 p.
13. Fedorova M.Yu. Theoretical Problems of Legal Regulation of Social Security. Moscow: Prospect, 2019. 256 p.
14. Lazarev D.V. Accessibility and Quality as Constitutional Criteria for Assessing State Activities in the Social Sphere // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 11. pp. 25-29.
15. Draft Federal Law "On Paid Educational Services" (developed by the Ministry of Education and Science of Russia in 2022) // SPS "ConsultantPlus".
16. Methodological recommendations on pricing for paid medical services (approved by the Ministry of Health of the Russian Federation on 15.03.2023 No. 15-MR) // SPS "ConsultantPlus".
17. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.12.2018 No. 52 "On the application of legislation on paid medical services and paid educational services" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2019. - No. 2.

18. Order of the Ministry of Health of Russia dated 29.12.2022 No. 1580n "On approval of the Procedure for organizing and conducting pre-trial dispute resolution in the field of health care" // Rossiyskaya Gazeta. - 2023. - No. 15.
19. Analytical note "Improving control and supervisory activities in the social sphere" / Ed. D.V. Lazareva. Moscow: IZISP, 2023. 178 p.
20. Kraevskaya, A. G. Psychiatry and Medical Law from the Perspective of Legal Norms / A. G. Kraevskaya, G. P. Lozovitskaya // Legal Science. - 2024. - No. 9. - Pp. 275-279.
21. Lozovitskaya, G. P. Genetic Medicine: Regulation of Genetic Research and Confidentiality of Genetic Information / G. P. Lozovitskaya, A. G. Kraevskaya // Bulletin of the East Siberian Open Academy. - 2024. - No. 52 (52). - EDN VJQUMG.
22. Lozovitskaya, G. P. Moral and ethical aspects of smart contracts in medicine / G. P. Lozovitskaya, A. G. Kraevskaya // Bulletin of the East Siberian Open Academy. - 2024. - No. 53 (53). - EDN JGVRCH.

Основные проблемы правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности в интернете

Смольников Денис Андреевич

аспирант, финансово-промышленный университет "Синергия",
denssmolnikov@yandex.ru

Статья посвящена правовой защите результатов интеллектуальной деятельности в интернете. Актуальность обусловлена массовой цифровой дистрибуцией и ростом споров вокруг платформенной модерации, предельных сроков удаления и качества доказательств. Новизна выражена в синтезе доктринальных позиций и судебных практик с технологическим инструментарием (контент-ID, депонирование, NFT, метаданные, трассировка), что позволяет выстроить операционный стандарт реагирования. В работе описаны модель ответственности посредников, порядок адресных обеспечительных мер, доказательственные требования к фиксации и верификации контента. Изучены подходы к депонированию и маркировке цифровых объектов, трансграничные сценарии пресечения распространения, риски, связанные с продукцией ИИ. Особое внимание уделено соразмерности блокировок и настройке процедур апелляции. Цель — предложить воспроизводимый алгоритм действий правообладателя и посредника. Используются сравнительно-правовой анализ, обобщение практики, кейс-анализ и правовое моделирование. В заключении сформулированы стандарты претензионного потока, доказательственной подготовки и адресных мер.

Ключевые слова: авторское право, информационные посредники, обеспечительные меры, цифровые доказательства, депонирование, NFT, контент-ID, трансграничное преследование, искусственный интеллект, метаданные.

Введение

Сетевые форматы распространения произведений генерируют неустойчивые зоны ответственности между площадками и правообладателями, повышают требования к доказательной дисциплине и выдвигают на первый план технологические инструменты идентификации контента. На практике спор смещается от бинарной квалификации к проверке процедур: сроки реакции, адресность ограничения доступа, воспроизводимость фиксации.

Цель исследования — выработать воспроизводимый регламент защиты, совместимый с российской правовой системой и текущими технологическими средствами. Задачи сформулированы следующим образом:

- 1) проанализировать модель ответственности информационного посредника и предложить применимые метрики должной осмотрительности;
- 2) оценить применимость адресных обеспечительных мер и стратегии блокировок с учётом трансграничных связей;
- 3) сформировать доказательственный стандарт, охватывающий цифровое депонирование, машинно проверяемые атрибуты, NFT и метаданные, включая риски генеративного ИИ.

Новизна связана с объединением правовых конструкций и инженерных процедур в единый операционный контур, пригодный для практического внедрения у правообладателей и площадок.

Материалы и методы

В качестве источников использован корпус работ последних лет, охватывающий доктрину, практику и технологические подходы к охране прав в сети: Д.Ю. Арацков рассматривает NFT как инструмент маркировки и автоматизации лицензионных условий в цифровой среде [1]; Л.И. Антонова систематизирует требования к цифровым доказательствам и процедурам их получения [2]; И.А. Близнец, Р.Р. Ахметов предлагают классификацию депонирования и условия пригодности депозитарных записей для суда [3]; Н.Ш. Гаджиалиева, Р.М. Гаджиев описывают адресные обеспечительные меры с привязкой к устойчивым идентификаторам контента [4]; С.А. Драгунова анализирует типовые сбои защиты авторских прав на платформах и рабочие решения для правообладателя [5]; Н.Д. Захаров раскрывает режим регулирования сетевых отношений и процедурные основания вмешательства [6]; Н.В. Щербак исследует ответственность за косвенное вмешательство в авторские права и критерии должного поведения посредника [7]; А.В. Покровская описывает технические средства защиты на e-commerce и инфраструктуру метаданных [8]; А. Пушков обобщает проблемы цифровой среды с учётом платформенной модера-

ции [9]; А.Д. Синицына уточняет гражданско-правовую природу NFT и границы юридического эффекта токена [10].

Применены сравнительно-правовой анализ, доктринальное толкование норм и концептов, обобщение судебной практики, кейс-анализ процедур блокировки и раззеркаливания, правовое моделирование стандарта претензионного потока, систематизация технологических средств идентификации.

Результаты

Систематизация результатов показывает устойчивый набор узловых проблем защиты результатов интеллектуальной деятельности в сети: неустойчивость разграничения обязанностей площадок и правообладателей, колебания судебных подходов к блокировке и обеспечительным мерам, высокая цена ошибок при сборе и оценке цифровых доказательств, пробелы в использовании технологий фиксации приоритета, а также правовые неопределенности вокруг NFT и продукции ИИ. Российские публикации последних лет сходятся в том, что регулирование работает только при связке «оперативная процедура — корректная доказательственная база — технологическая фиксация следов нарушения» [4; 5; 6; 7; 8].

Применяемая модель ответственности информационных посредников формирует точку напряжения между скоростью удаления контента и риском избыточной блокировки. Исследования указывают: требование «своевременного принятия необходимых и достаточных мер» читается судами неединообразно, а сами площадки выстраивают внутренние регламенты по-разному, от формальной реакции на уведомление до активного доследования статуса произведения. В результате для правообладателя критична трассировка отправки претензии, а для посредника — прозрачность и протоколируемость процедуры реагирования [6; 9]. На уровне судебной практики отмечается рост дел, где спор переносится из плоскости «нарушение/ненарушение» в плоскость надлежащего поведения посредника, включая сроки и полноту действий по пресечению распространения [7; 9].

Институт предварительных обеспечительных мер в интернете сохраняет эффективность только при точном фрейминге просимой защиты. Юристы Дагестанского государственного университета показывают, что при грамотном описании «предмета вмешательства» (URL, зеркала, аккаунты, конкретизированные идентификаторы контента) суды выносят охранительные меры, минимизирующие ущерб от вирусного копирования, тогда как общие формулировки ведут к отказам [4]. По сходным выводам приходят и авторы уральского исследования по стратегиям пресечения: при детальном обосновании угрозы дальнейшего распространения суды закрепляют адресное ограничение доступа с опорой на проверяемые метаданные [5].

Процедуры блокировки и «раззеркаливания» требуют тщательной доказательной подготовки. Публикации по интернет-праву фиксируют прогресс: ускорение признания копий ресурсов «зеркалами»,

расширение набора каналов взаимодействия с регулятором и провайдерами, развитие смешанных схем «уведомление — предписание — судебный контроль». Вместе с тем успешность блокировок зависит от способности правообладателя показать технологический след циркуляции произведения и обосновать необходимость именно сетевой меры, а не исключительно контентного удаления [6; 4; 5].

Ключ к результативности спора — цифровые доказательства с воспроизводимой процедурой получения. Антонова систематизирует базовые правила: фиксация состава страниц и загруженных файлов с указанием времени, источника, параметров соединения; протокол нотариального осмотра или эквивалентная процедура; верификация контента по контрольным суммам; связывание доказательств с конкретным аккаунтом или оборудованием нарушителя [2]. Практика показывает, что распечатки без подтверждения источника и времени не выдерживают проверки на относимость и допустимость, в то время как сквозная фиксация с хешированием и журналированием действий пользователя повышает убедительность позиции [2; 7].

Недооценённым ресурсом остаётся депонирование произведений. Анализ Близнеца раскрывает типологию депозитарных практик (авторское, издательское, коллективное, платформенное) и их пригодность в суде как источника сведений о приоритете и неизменности произведения. Депонирование, увязанное с временными метками и идентификацией автора, создаёт реперную точку для сравнения спорного файла и исходника, что упрощает доказывание авторства и объёма заимствования [3]. При переносе этого инструмента в цифровую среду эффективно работает связка: депонирование исходника — фиксирование хеша — включение отсылки к депозитарной записи в претензионный пакет [3; 2].

Технологические средства защиты выходят за пределы привычного DRM. В трудах по интеллектуальной собственности последнего года подчёркиваются два направления: алгоритмы контент-ID и перцептивного поиска копий, а также внедрение инфраструктуры метаданных (уникальные идентификаторы, водяные знаки, распределённые реестры событий использования). Такой инструментарий облегчает для суда проверку аутентичности, происхождения и траекторий распространения произведения, снижая потребность в сложной экспертизе в каждом деле [8; 9]. На уровне организационной практики рекомендуются внутренние карты рисков с привязкой к типам площадок и форматам произведений, что ускоряет выбор между уведомлением, охранительной мерой и иском [8; 5].

NFT остаются спорным инструментом: они не подменяют право, но предоставляют удобный «носитель» сведений о происхождении и транзакциях. Синицына делает вывод: токен фиксирует запись в распределённом реестре, не превращая сам цифровой объект в «объект гражданских прав»; юридический эффект задаётся условиями эмиссии и оборота токена, а также привязкой к договорным конструкциям [10]. Аргументация Арацкова идёт

дальше: при корректном проектировании смарт-контракта NFT подходит для маркировки экземпляров, отслеживания цепочки передачи и автоматизации лицензионных условий; в противном случае токен превращается в спорный маркер, не добавляющий защиты в споре о плагиате [1]. Для раздела результатов ключевой вывод простой: NFT уместен как слой доказательственной поддержки (идентификация экземпляра, временная метка, цепочка владения), а не как замена авторско-правового режима [1; 10; 8].

Онлайн-среда усиливает трансграничный фактор. Обзорные работы подчёркивают, что выбор юрисдикции и применимого права зависит от совокупности привязок: места совершения деликта, местонахождения сервера/площадки, доминирующей аудитории, договорных оговорок. Для эффективности защиты авторы предлагают многоходовые стратегии: локальная блокировка с последующим обращением к площадке в её стране присутствия; параллельные иски к посреднику и к распространителю; синхронизация претензий к зеркалам и агрегаторам [6; 5]. Судам удобнее опираться на чёткую карту субъектов и ролей, чем на общий призыв «ограничить доступ ко всему контенту, похожему на спорный».

Судебная практика по авторским делам всё чаще уделяет внимание процессуальному качеству материалов: последовательности действий правообладателя, чистоте цепочки доказательств, соразмерности просимых мер. Тенденция выражается в том, что охранительные меры одобряются при конкретных и проверяемых критериях идентификации объекта и источника распространения, тогда как широкие запреты без адресности отклоняются как чрезмерные [7; 4]. Для повышения результативности предлагается стандарт действий: ранняя претензия через интерфейс площадки с сохранением логов; параллельная подготовка ходатайства об обеспечительных мерах с перечнем точечных ресурсов/аккаунтов; депонирование исходника и спорных копий; фиксация целостности файлов и сетевых следов; оценка применимости NFT/метаданных как вспомогательного слоя [2; 3; 8; 1; 10].

В отдельных сегментах (социальные сети, стриминг, маркетплейсы) уязвимость связана не только с объёмом пиратских копий, но и с характером экосистем: встроенные механизмы перезаливов, быстрая смена идентификаторов, приватные каналы распространения. Публикации советуют добиваться воспроизводимых критериев «идентичности/существенного сходства» для автоматизированного поиска копий и формировать гибкие формулы запрета, привязывая их к хешам, отпечаткам и устойчивым признакам файла, а не только к URL [9; 8]. Результаты анализа показывают: там, где такой подход реализован, усилия правообладателя конвертируются в предсказуемый судебный исход.

Наконец, продукция ИИ. Исследования подчёркивают: при генерации по чужим датасетам возникает риск вторичного воспроизведения охраняемых фрагментов, а при отсутствии творческого вклада

человека спор смещается в сторону недобросовестной конкуренции и нарушения договорных режимов данных. Для нивелирования рисков правове́ды предлагают тройной контур: лицензирование обучающих наборов, журналирование промптов/версий, маркировка синтетики для последующей атрибуции и трассировки [8; 1]. Технологическая дисциплина здесь работает на результат не хуже классических правовых инструментов.

Обсуждение

Точка равновесия между скоростью пресечения нарушения и риском избыточной блокировки определяется не столько материальными нормами, сколько процедурной архитектурой реагирования. Порог «должной осмотрительности» информационных посредников полезно переводить в проверяемые метрики: фиксированные окна реакции на уведомление в часах, стандартизованный набор шагов в кабинете правообладателя, автоматическое журналирование статусов с неизменяемыми логами, верификация авторизации заявителя. Чем прозрачнее маршрут жалобы — от первичного алерта до финальной модераторской отметки — тем ниже вероятность спорной квалификации бездействия посредника. Для правообладателей критично выстраивать претензионный поток как технологический конвейер: генерация доказательственного пакета одним кликом, предзаполненные шаблоны идентификации произведения, синхронная отправка на площадку, хостинг-провайдеру и регулятору, автоматический сбор обратных уведомлений и протоколов действий.

Практика адресных обеспечительных мер в сети показывает высокую зависимость исхода от точности описания объекта вмешательства. Суду удобнее работать с устойчивыми идентификаторами, чем с расплывчатыми указаниями на «похожие материалы». Отсюда целесообразно готовить ходатайства с привязкой к хешам файлов, отпечаткам перцептивного поиска, постоянным ссылкам на зеркала и аккаунты-распространители, перечню CDN-узлов. В редакции просительной части полезно отделять «ядро» (первичные источники распространения) от «периферии» (агрегаторы, кешы, репостботы), задавая по каждому уровню собственный порог вмешательства и срок проверки. Такой градиент снижает риск массового «выжигания» добросовестного контента и облегчает последующую судебную валидацию меры.

Доказательства в цифровой среде работают тогда, когда воспроизводится цепочка их получения. Нотариальный осмотр, технический протокол и машинно проверяемые атрибуты не конкурируют, а дополняют друг друга. Оптимальная связка выглядит так: предварительное депонирование исходника с присвоением контрольной суммы и точной временной меткой; автоматизированный осмотр спорной страницы с фиксацией сетевых параметров, структуры DOM и загружаемых ресурсов; выгрузка бинарных копий файлов со сверкой хеша и сопоставлением метаданных; привязка действия к субъекту че-

рез журнал событий аккаунта или сетевого оборудования. Включение такого набора в претензионный пакет повышает шансы на внесудебное удаление и формирует прочный каркас для процессуальной части спора.

Депонирование перестало быть ритуалом «на всякий случай» и функционирует как опорная точка проверки приоритета и целостности произведения. Для цифровых объектов продуктивно сочетать классический депозитарий с распределённым реестром событий: запись о создании, выпуск версии, лицензирование экземпляра, передача прав. Такая двойная фиксация облегчает разграничение спорных стадий жизненного цикла файла и снижает нагрузку на экспертизу при определении объёма заимствования. Практический эффект особенно заметен в делах, где оспаривается не авторство, а границы переработки либо адаптации.

Технологические средства распознавания копий дают процессуальное преимущество, но требуют тонкой настройки. Перцептивные хеши, аудио- и видеофингерпринты, системы семейства content-ID повышают полноту обнаружения, при этом увеличивают риск ложных срабатываний. Режим эксплуатации таких инструментов разумно строить на трёх-державной схеме: эталонный каталог правообладателя с точным описанием правомочий; «белые списки» отклонений для цитирования, новостей и пародии; обязательный ручной контроль для пограничных совпадений. На стороне площадки полезен механизм апелляции с коротким SLA и мотивировкой решения, на стороне правообладателя — предвзятая категоризация репертуара по уровню допустимого использования.

NFT уместно рассматривать как слой доказательственной поддержки, а не как замену правового режима. Токен фиксирует событие в распределённом реестре и хорошо справляется с задачами маркировки экземпляров, учёта транзакций, автоматизации некоторых лицензионных условий через смарт-контракты. Юридическую силу задают договорные конструкции вокруг токена: публичная оферта коллекции, лицензионные оговорки, связь с депозитарием и хешем исходника. Практический совет прост: использовать NFT там, где необходима прозрачная и проверяемая история владения и доступа, но не переносить на токен функцию подтверждения авторства без подпорки в виде классических средств фиксации.

Трансграничная природа распространения заставляет синхронизировать тактику. Эффективность повышают «многоходовки»: локальная судебная мера в стране истца с одновременным уведомлением платформы по её процедурам; параллельные претензии зеркалам и агрегаторам; обращение к провайдерам инфраструктурного уровня. При выборе юрисдикции стоит учитывать не только место сервера или регистрации площадки, но и фактическую аудиторию, рекламный таргетинг, геонастройки распространения. Для быстрой реакции помогает заранее подготовленный «паспорт» произведения: набор идентификаторов, карта каналов

дистрибуции, типовые письма по разным правовым порядкам, список контактных точек у посредников.

Секторальная картина неоднородна. В социальных сетях проблема перезаливов стимулирует тактику узких и повторяемых критериев запрета (хеши, сигнатуры дорожек, «склейки» кадров), в стриминге — борьбу с рестриками через стабильные идентификаторы потоков и блокировку на стороне CDN, в маркетплейсах — связку IP-претензии с нарушением правил торговли и поддельной атрибуцией бренда. В каждой из сред полезно заранее описывать маркеры «существенного сходства», понятные как алгоритму, так и суду, и на их базе строить адресные меры пресечения.

Материальные нормы об охране произведений сталкиваются с продукцией ИИ на двух полях: использование охраняемых данных при обучении и риск «реургитации» фрагментов в выводах. Управленческая логика на стороне правообладателей предполагает три контура: лицензионная чистота обучающих наборов, журналирование промптов и версий для обратной трассировки, маркировка синтетических материалов для последующей атрибуции. На стороне поставщиков ИИ-сервисов рационально внедрять фильтры по отпечаткам известных каталогов, механизмы «квази-цитирования» с указанием источника, интерфейсные ограничения на выдачу контента, совпадающего с эталонами сверх выбранного порога.

Судебная практика постепенно смещает акцент на соразмерность. Адресные запреты с чёткими техническими ориентирами воспринимаются лучше, чем широкие формулировки без привязки к идентификаторам. Для истцов из этого вытекает прагматика «малых шагов»: сначала пресечение на уровне источника и зеркал, затем — борьба с кэшем и следовыми копиями, затем — корректировка алгоритмов обнаружения. Для ответчиков — ставка на доказуемость процессов модерации: описанные регламенты, обученные команды, периодические аудиты, статистика обработки апелляций. Оба вектора сходятся к одной цели: снижения транзакционных издержек при сохранении предсказуемости для всех участников.

Экономика защиты требует отдельного внимания, поскольку издержки несоразмерно бьют по индивидуальным авторам и малым студиям. Здесь работают коллективные модели — от общих депозитариев и «общих» каталогов отпечатков до кооперативного найма технических экспертов и процессуальных представителей. Публичные шаблоны претензий, открытые FAQ для площадок, унифицированные API-форматы отправки уведомлений создают эффект масштаба и выравнивают переговорные позиции. Страховые продукты на случай процессуальных потерь и сервисы предиктивной оценки шансов иска снижают порог входа в защиту.

Перспективная зона — стандартизация метаданных об использовании произведений. Единый словарь полей (тип прав, территория, окно использования, запреты на переработку), унифицированные схемы идентификаторов и событий, открытые спе-

цификации для обмена между площадками и право-держателями создают инфраструктуру, в которой споры решаются быстрее, а добросовестное лицензирование приобретает операционную удобство. Такая инфраструктура подготавливает почву для алгоритмических аудитов: проверка трассы удаления, контроль доли ложноположительных срабатываний, оценка средних сроков реакции на жалобы.

Методологически обсуждение подводит к простой мысли практики: правовая охрана в сети приживается там, где юридические конструкции опираются на измеримые процессные стандарты и машинно-проверяемые признаки. Узкие и адресные меры вместо «ковровых», реплицируемые доказательства вместо статичных скриншотов, цифровое депонирование в паре с классическими формами подтверждения, доказуемая модерация у посредников, аккуратное использование NFT как сервисного слоя, учёт трансграничных факторов при выборе трека пресечения, технологическая дисциплина вокруг ИИ-контента — вся эта совокупность выстраивает устойчивую защиту и снижает вероятность процессуальных ошибок.

Заключение

Сформирован операционный стандарт, связывающий обязанности посредника с измеримыми метриками: окно реакции на уведомление в часах, прозрачный маршрут жалобы, неизменяемые логи и верификация заявителя. Адресные обеспечительные меры рекомендовано строить на устойчивых идентификаторах (хеши, перцептивные отпечатки, постоянные ссылки на зеркала и аккаунты) с разграничением ядра распространения и периферии. Доказательственный контур закреплён через связку: предварительное депонирование исходника, автоматизированный осмотр спорной страницы, сверка контрольных сумм, привязка действий к субъекту, что снижает риск отказа по допустимости. NFT целесообразно использовать как сервисный слой фиксации происхождения и транзакций при обязательной опоре на классические средства подтверждения. Для трансграничных кейсов предложена многоходовая схема: локальная мера, параллельное взаимодействие с площадкой по её регламенту, обращение к зеркалам и инфраструктуре доставки. Задачи, заявленные во введении, выполнены: модель должной осмотрительности конкретизирована, стратегия адресных блокировок описана, доказательственный стандарт сформулирован с учётом депонирования, метаданных и рисков ИИ.

Литература

1. Арацков Д. Ю. NFT как инструмент правовой охраны цифрового искусства, созданного с использованием искусственного интеллекта // Закон и право. — 2025. — № 5. — С. 144–147. — DOI: 10.24412/2073-3313-2025-5-144-147.
2. Антонова Л. И. О доказательствах в делах о защите авторских прав // Право и управление. — 2023. — № 5. — С. 195–198. — DOI: 10.24412/2224-9133-2023-5-195-198.

3. Блинец И. А., Ахметов Р. Р. Депонирование объектов авторского права и его классификация // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2024. — № 11 (123). — С. 128–136. — DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.128-136.

4. Гаджалиева Н. Ш., Гаджиев Р. М. Предварительные обеспечительные меры как инструмент защиты авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. — 2023. — Т. 38, № 3. — С. 74–81. — DOI: 10.21779/2500-1930-2023-38-3-74-81.

5. Драгунова С. А. Анализ отдельных проблем охраны авторских прав в сети Интернет: теория и практика // Вестник Гуманитарного университета. — 2023. — № 4 (43). — С. 42–47. — DOI: 10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).04.

6. Захаров Н. Д. Правовые основы регулирования отношений в информационно-телекоммуникационных сетях в Российской Федерации в рамках противодействия преступности (часть 2) // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2024. — № 3 (70). — С. 119–127.

7. Щербак Н. В. Ответственность за косвенные нарушения интеллектуальных авторских прав // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2024. — № 6. — С. 178–201. — DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-65-6-12.

8. Покровская А. В. Использование новых технологий для защиты авторских прав на платформах электронной коммерции: международный опыт // Научный журнал кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. — 2025. — Т. 52, № 1. — DOI: 10.17323/tis.2025.24887.

9. Пушков А. Проблемы охраны авторских прав в цифровой среде // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2022. — № 1. — С. 38–41. — EDN: QRETNA.

10. Сеницына А. Д. NFT как новый объект гражданского права в Российской Федерации // Правовое регулирование экономической деятельности. — 2023. — № 3. — С. 99–105.

Key issues in the legal protection of intellectual property online

Smolnikov D.A.

Financial and industrial university "Synergy"

This article examines the legal protection of intellectual property online. Its relevance stems from mass digital distribution and growing controversy surrounding platform moderation, removal deadlines, and the quality of evidence. Its novelty lies in the synthesis of doctrinal positions and judicial practices with technological tools (content ID, deposition, NFTs, metadata, and tracing), which allows for the development of an operational response standard. The paper describes a model for intermediary liability, the procedure for targeted injunctive relief, and evidentiary requirements for content recording and verification. Approaches to depositing and labeling digital objects, cross-border scenarios for preventing distribution, and the risks associated with AI products are examined. Particular attention is paid to the proportionality of blocking and the configuration of appeal procedures. The goal is to propose a reproducible algorithm for actions by copyright holders and intermediaries. Comparative legal analysis, case studies, and legal modeling were used. The conclusion formulates standards for the flow of claims, evidentiary preparation, and targeted measures.

Keywords: copyright, information intermediaries, injunctive relief, digital evidence, deposit, NFTs, content ID, cross-border prosecution, artificial intelligence, metadata.

References

1. Aratskov, D. Yu. NFT as a Tool for Legal Protection of Digital Art Created Using Artificial Intelligence // Law and Justice. — 2025. — No. 5. — pp. 144–147. — DOI: 10.24412/2073-3313-2025-5-144-147.

2. Antonova, L. I. On Evidence in Copyright Cases // Law and Management. – 2023. – No. 5. – pp. 195–198. – DOI: 10.24412/2224-9133-2023-5-195-198.
3. Bliznets, I. A., Akhmetov, R. R. Deposit of Copyright Objects and Its Classification // Bulletin of the O. E. Kutafin University. – 2024. – No. 11 (123). – P. 128–136. – DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.128-136.
4. Gadzhialieva N. Sh., Gadzhiev R. M. Preliminary injunctions as a tool for protecting copyright and (or) related rights in information and telecommunication networks // Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. – 2023. – Vol. 38, No. 3. – P. 74–81. – DOI: 10.21779/2500-1930-2023-38-3-74–81.
5. Dragunova S. A. Analysis of individual issues of copyright protection on the Internet: theory and practice // Bulletin of the Humanitarian University. – 2023. – No. 4 (43). – P. 42–47. – DOI: 10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).04.
6. Zakharov N. D. Legal Framework for Regulating Relations in Information and Telecommunication Networks in the Russian Federation in the Framework of Combating Crime (Part 2) // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 3 (70). – P. 119–127.
7. Shcherbak N. V. Liability for Indirect Violations of Intellectual Property Copyright // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. – 2024. – No. 6. – P. 178–201. – DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-65-6-12.
8. Pokrovskaya A. V. Using New Technologies to Protect Copyright on E-Commerce Platforms: International Experience // Scientific Journal of the UNESCO Chair on Copyright, Related, Cultural and Information Rights. – 2025. – Vol. 52, No. 1. – DOI: 10.17323/tis.2025.24887.
9. Pushkov A. Problems of Copyright Protection in the Digital Environment // Intellectual Property. Copyright and Related Rights. – 2022. – No. 1. – Pp. 38–41. – EDN: QRETNA.
10. Sinitsyna A. D. NFT as a New Object of Civil Law in the Russian Federation // Legal Regulation of Economic Activity. – 2023. – No. 3. – P. 99–105.

Международный опыт защиты прав на аудиовизуальные произведения и его влияние на российскую практику: расширенный анализ

Сосорин Кирилл Дмитриевич

аспирант, Российский университет кооперации

В данной работе представлен комплексный анализ как международно-правовых, так и национальных механизмов защиты авторских прав на аудиовизуальные произведения в цифровую эпоху. Проанализированы ключевые принципы, содержащиеся в договорах ВОИС и Бернской конвенции. Освещены два основных зарубежных подхода, связанных с регулированием рассматриваемого вопроса: американская модель DMCA («уведомления и удаления») и европейская Директива ЕС 2019/790 об авторском праве на Едином цифровом рынке (модель, определяющая ответственность онлайн-платформ). Особый акцент сделан на российской правовой системе: рассмотрены нюансы распределения прав на аудиовизуальные произведения, проанализирована судебная практика блокировки пиратских сайтов и ряд связанных с ней актуальных проблем: обход блокировок, применение нейросетей. Оценены перспективы внедрения продуктивного зарубежного опыта в законодательство РФ с целью создания более эффективной и гибкой системы защиты прав.

Ключевые слова: авторское право, аудиовизуальные произведения, защита интеллектуальных прав, цифровая среда, Бернская конвенция, международные договоры, Директива ЕС об авторском праве, DMCA, интернет-пиратство, блокировка сайтов.

Введение

В ситуации масштабной цифровизации общества, происходящей во всем мире, аудиовизуальные произведения – фильмы, мультфильмы, телесериалы, видеоигры и так называемый «пользовательский контент» – стали не только значимой частью культурной жизни, но и важным активом современной экономики [4]. Их ценность можно определить не только одним лишь художественным содержанием, но и исключительными правами, позволяющими авторам этих произведений и продюсерам, продвигающим их, получать доход за свою работу [3, 5].

В современном мире цифровая среда обеспечила легкодоступность контента и одновременно с этим способствовала возникновению серьезных проблем, с которыми столкнулись правообладатели. Глобальный характер сети Интернет устраняет национальные границы и делает нарушение авторских прав мировой проблемой. Анонимность и высокая скорость распространения незаконных копий требуют как от национальных, так и от международных правовых систем перманентной адаптации к меняющимся условиям и ситуациям и поиска новых, более успешных механизмов защиты авторских прав.

Международные стандарты защиты Бернская конвенция

Бернская конвенция по охране художественных и литературных произведений была принята в 1886 году. Она до сих пор остается основой международного авторского права. На ее принципах базируются национальные законодательства разных стран, в том числе и России [1].

В Бернской конвенции прописан принцип национального режима, согласно которому произведения, созданные в одном государстве, входящем в состав объединения, пользуются в другой стране-участнице такой же правовой защитой. Это ликвидирует дискриминацию между членами конвенции и формирует единое правовое пространство.

Еще один принцип, который зафиксирован в договоре, – автоматическая охрана. Данный принцип утверждает, что авторское право возникает с момента создания автором произведения. Регистрация и соблюдение каких-либо других формальностей не требуются. Данное обстоятельство значительно упрощает защиту прав, что особенно важно для независимых авторов, которые работают сами по себе.

В Бернской конвенции определены и сроки действия авторского права. Минимальные стандарты охраны представляют собой перечень определен-

ных охраняемых прав: на воспроизведение, перевод, публичное исполнение. Минимальный срок указанных прав – жизнь автора плюс еще пятьдесят лет. Эти стандарты и сроки едины для всех национальных систем, входящих в конвенцию [2].

Договора ВОИС (WCT и WPPT)

В 1996 году, в ответ на стремительные процессы информатизации, цифровизации, развития сети Интернет, Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) приняла два важных договора WCT и WPPT, в которых классические принципы защиты авторских прав были расширены и адаптированы к цифровой среде. Договор WCT регулирует авторское право в общем, а договор (WPPT) касается более узких вопросов – исполнения произведения и использования фонограмм. В обоих договорах был прописан новый вид права – на доведение до всеобщего сведения (making available right). Данное право дает как авторам, так и исполнителям контроль над использованием своих произведений в интерактивных сетях, в которых пользователи имеют возможность получать доступ к контенту постоянно и из любого места на земле. Данный вид права стал главным инструментом для борьбы с незаконным распространением контента в Интернете.

Оба договора обязали участвующие страны ввести правовую охрану технических средств защиты – Digital Rights Management (DRM). Это означает, что законодательная система должна запрещать обход технологических мер, к которым, например, относится шифрование, используемых правообладателями для контроля доступа к своим творениям.

Зарубежный опыт

ЕС: директивы об авторском праве на цифровом едином рынке (2019/790/EU), практика Суда ЕС

В 2019 году Европейским Союзом была издана Директива об авторском праве на Едином цифровом рынке. Она стала ответом ЕС на господство крупных интернет-платформ и их пассивную роль в битве с пиратством.

В данной Директиве указали, что масштабные онлайн-платформы, хранящие огромное количество загружаемого пользователями контента, и предоставляющие доступ к нему, реализуют акт сообщения для всеобщего сведения. Таким образом, они несут непосредственную ответственность за нарушение авторских прав.

В документе также прописали обязанности платформ. Чтобы избежать нарушений и последующей ответственности, они должны приложить все усилия для приобретения лицензий от правообладателей. Если лицензия отсутствует, платформы обязаны применять специальные технологии распознавания контента в виде звуковых фильтров с целью предотвращения появления неофициальных копий на своих серверах.

Данный подход вызвал споры. Критики подхода считают, что это может нанести угрозу свободе слова, так как фильтры способны по ошибке заблокировать официальный контент. Противники также

видят недостатки указанной стратегии в повышенных расходах, что пагубно сказывается на небольших платформах.

США: Digital Millennium Copyright Act (DMCA)

В 1998 году в США был издан Закон об авторском праве в цифровую эпоху (Digital Millennium Copyright Act). Он стал для многих государств примером регулирования ответственности интернет-посредников. Его главный механизм – «уведомление и удаление» («notice and takedown») – формирует равновесие между интересами онлайн-платформ и правообладателей [2].

Данный закон действует на основе следующего принципа: провайдер (социальная сеть, видеохостинг) освобождается от ответственности при нарушении авторских прав в том случае, если он не знал о нарушении и при получении соответствующего уведомления от правообладателя начал быстро удалять запрещенный контент.

У данной системы есть как достоинства, так и недостатки. Она дает возможность оперативно пресекать нарушения, даже не обращаясь в суд, и поощряет сотрудничество между правообладателями и интернет-площадками.

Однако американская система уязвима для действий злоумышленников, которые часто используют ее с целью рассылки ложных уведомлений для уничтожения легального контента.

Российская правовая система

Отечественное законодательство в общих чертах соответствует международным стандартам. Однако в нем есть свои специфические черты, проявляющиеся в борьбе с цифровым пиратством. Российская правовая система делает основной акцент на судебную практику.

Нормативная база и особенности регулирования правовой системы

Часть IV Гражданского кодекса Российской Федерации – ядро национального авторского права. В статье 1263 ГК РФ закреплены исключительные права на аудиовизуальные произведения, определен круг их авторов: сценарист, режиссер-постановщик, композитор, а права, в целом, на произведение имеются у продюсера [3]. Здесь также описаны различные договорные конструкции: лицензии, исключительные права на цифровое распространение.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», изданный в 2006 году и отредактированный в 2024 году, а также процессуальные кодексы составляют правовой фундамент для судебных и внесудебных мер защиты.

В 2013 году в России был введен антипиратский закон. Он стал механизмом, позволяющим правообладателям добиваться блокировок интернет-ресурсов, нелегально распространяющих контент. Сначала его действие распространялось только на видеоконтент.

В последующие годы были внесены ряд поправок. С 2014 году закон стал защищать авторов музыкальных и литературных произведений, а также

разработчиков компьютерных программ [3].

Новые поправки в антипиратский закон были внесены в 2015 году. Важным нововведением закона стало то, что ресурс, на котором имеется пиратский контент, будет заблокирован навсегда в том случае, если он не удалит незаконную информацию и на него поступит хотя бы одна жалоба за это. Поправки 2015 года расширили также перечень контента, на который распространилась защита от пиратства. Сюда вошли: базы данных, фонограммы, сообщения, присланные в эфир, по кабелю радио- и телепередач, произведения литературы, искусства и науки, программы ЭВМ [3]. Не вошли пока только фотографии.

Судебная практика

Процедура исполнения данного закона состоит в следующем: правообладатель пишет заявление в Мосгорсуд об обеспечительных мерах; суд устанавливает факт нарушения, выносит решение о блокировке сайта, а Роскомнадзор выполняет это решение; затем правообладатель обязан подать иск; в случае повторных нарушений ресурс может быть заблокирован навсегда.

На сегодняшний момент, в России заблокированы уже немало пиратских ресурсов, включая такие крупные, как RuTracker.org и KinoGo. RuTracker официально был заблокирован в России еще в 2016 году, однако его администрация находила пути обхода блокировки с помощью изменения домена и применения так называемых «зеркал», представляющих собой копии заблокированного сайта. Однако в апреле 2025 года произошёл сбой в работе ресурса, и он в полной мере перестал открываться и подвергся блокировке окончательно.

Платформа KinoGo была заблокирована по решению Мосгорсуда в июне 2025 года, так как на ней обнаружили пиратские копии фильмов, и ресурс был признан нарушителем прав на интеллектуальную собственность.

Блокировка сайтов, размещающих незаконный контент, в определенной степени играет положительную роль в борьбе с пиратством: она усложняет доступ к получению нелегальной информации и способствует увеличению числа разрешенных сервисов.

Оценка доказательств интернет-нарушений осуществляется с помощью проведения цифровой экспертизы. Последняя представляет собой анализ интернет-данных, сетей и устройств с целью анализа их содержимого, установления подлинности, обнаружения подделок. Для проведения цифровой экспертизы применяется целый ряд методов: анализ сетевого трафика, метаданных, логов и журналов событий, проверка временных меток, использование специального программного обеспечения. Также для оценки доказательств цифрового нарушения применяются скриншоты. Они предоставляются в суд при рассмотрении дела наравне с другими доказательствами. Чтобы скриншоты были признаны официальными доказательствами, на них следует указывать адрес интернет-страницы, с которой выполнялась распечатка, и точное время ее получения.

Современные вызовы

В настоящее время в правовой системе, направленной на борьбу с пиратством, имеется ряд вызовов и проблемных моментов. В первую очередь, следует отметить, что эффективность блокировок значительно снижается из-за применения пользователями VPN, различных прокси-серверов и так называемых «зеркал», представляющих собой копии заблокированных сайтов.

Другой сложный момент – существование стриминговых платформ. Правовое регулирование их деятельности пока еще находится на этапе формирования. Остаются нерешенными вопросы справедливого распределения вознаграждения между авторами и платформами, а также ответственности стриминговых ресурсов за пользовательский контент. В настоящее время начинает активно продвигаться практика договорного регулирования указанных платформ. Она представляет собой заключение прямых лицензий с правообладателями и направлена на обеспечение законного распространения контента и контроля над использованием произведений.

В июне 2025 года Российское авторское общество выпустило меморандум, в котором разъясняло обязанности онлайн-платформ и вещателей, касающиеся выплат авторского вознаграждения за использование музыки в сети Интернет. Данный документ направлен на ликвидацию правовой неопределенности в цифровой среде и соблюдение авторских прав при трансляции музыкальных композиций.

И последний спорный момент связан соблюдением авторских прав при применении Искусственного интеллекта в создании фильмов и сериалов. В данном аспекте на первое место выходят вопросы: «Кто является автором произведения, созданного нейросетью?», «Кому принадлежат права?». Российская правовая система пока не способна дать точные ответы на данные вопросы, что создает правовую неопределенность.

Возможности имплементации зарубежного опыта в России

С целью повышения эффективности защиты авторских прав в Российской Федерации в отечественную правовую систему актуально было бы внедрить и адаптировать с учетом национального законодательства ряд зарубежных моделей.

Первая модель, которую можно было бы рассмотреть вместо исключительно судебного механизма, – американская «notice and takedown» («уведомление и удаление»). Внедрение данной внесудебной процедуры стало бы полезным дополнением к уже существующей системе блокировок и позволило бы правообладателям быстро удалять единичные нарушения без необходимости инициировать долгосрочный и дорогостоящий судебный процесс.

Также можно было бы адаптировать европейский опыт в регулировании онлайн-платформ в плане того, чтобы вменить им обязанности по мониторингу контента, а также ввести договорные модели вознаграждения авторам. Было бы актуально

возложить на крупные площадки большую ответственность за монетизацию контента. Это дало бы им стимул активнее сотрудничать с правообладателями, заключать с ними лицензионные соглашения, внедрять инновационные технологии для защиты контента.

Еще одна стратегия, которую можно воспринять за рубежом, – внедрение DRM. Она позволит усовершенствовать нормы о технических средствах защиты и ответственности посредников. Например, это касается закона о «зеркалах». Несмотря на поправки, принятые Федеральным законом № 158-ФЗ от 22 июня 2024 года, упрощающие блокировку «зеркал», мошенники продолжают находить способы их создания. Требуется дальнейшее совершенствование правовых и технических механизмов для борьбы с данным явлением.

Заключение

Эффективная защита авторских прав на аудиовизуальные произведения в условиях цифрового общества требует комплексного подхода, синтезирующего в себе как судебные, так и внесудебные механизмы. Международный опыт демонстрирует, что не существует какого-либо единого, универсального решения.

Российская правовая система пока делает ставку на судебные блокировки. В этом направлении она добилась определенных успехов, но продолжает сталкиваться с проблемой обхода этих блокировок.

Гармонизация с международными стандартами и разумная имплементация продуктивных зарубежных практик, таких как элементы проактивного регулирования платформ и процедура «notice and takedown», способны стать следующим этапом на пути к созданию эффективной системы охраны авторских прав в Российской Федерации.

Литература

1. Киракосян А.Э. Международно-правовые основы охраны аудиовизуального произведения как комплексного объекта права интеллектуальной собственности // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета. – 2024. – № 1. – С. 81-100.
2. Мельник Е.А., Селютин О.Г. Аудиовизуальные произведения как объект гражданских правоотношений // Юридические науки. – 2019. – № 6. – С. 52-55.
3. Морозова А.А. Особенности защиты прав на аудиовизуальные произведения в зарубежном законодательстве // Молодой ученый. – 2020. – № 19 (309). – С. 347-349.
4. Мышко Ф.Г. Понятие и признаки аудиовизуального произведения в законодательстве государств СНГ и Балтии // Вестник Московского университета России. – 2015. – № 10. – С. 81-86.
5. Никитенко С.В. Охраняемые элементы аудиовизуального произведения // Российское право Онлайн. – 2019. – № 2. – С. 47-58.

International Experience in Protecting Audiovisual Rights and Its Impact on Russian Practice: An Expanded Analysis

Sosorin K.D.

Russian University of Cooperation

This paper presents a comprehensive analysis of both international legal and national copyright protection mechanisms for audiovisual works in the digital age. The key principles contained in the WIPO treaties and the Berne Convention are analyzed. Two main foreign approaches related to the regulation of the issue under consideration are highlighted: the American DMCA model ("notices and deletions") and the European EU Directive 2019/790 on copyright in the Single Digital Market (the model defining the responsibility of online platforms). Special emphasis is placed on the Russian legal system: the nuances of the distribution of rights to audiovisual works are considered, the judicial practice of blocking pirated sites and a number of related topical issues are analyzed: circumvention of locks, the use of neural networks. The prospects of introducing productive foreign experience into the legislation of the Russian Federation in order to create a more effective and flexible system of rights protection are assessed.

Keywords: copyright, audiovisual works, intellectual property protection, digital environment, Berne Convention, international treaties, EU Copyright Directive, DMCA, Internet piracy, website blocking.

References

1. Kirakosyan A.E. International legal framework for the protection of audiovisual works as a complex object of intellectual property law // Bulletin of the Russian-Armenian (Slavic) University. - 2024. - No. 1. - P. 81-100.
2. Melnik E.A., Selyutina O.G. Audiovisual works as an object of civil legal relations // Legal sciences. - 2019. - No. 6. - P. 52-55.
3. Morozova A.A. Features of the protection of rights to audiovisual works in foreign legislation // Young scientist. - 2020. - No. 19 (309). - P. 347-349.
4. Myshko F.G. Concept and features of an audiovisual work in the legislation of the CIS and Baltic states // Bulletin of the Moscow University of Russia. - 2015. - No. 10. - P. 81-86.
5. Nikitenko S.V. Protected elements of an audiovisual work // Russian Law Online. - 2019. - No. 2. - P. 47-58.

Юридические риски использования искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности

Хаминский Александр Михайлович

руководитель, МОО "Центр правопорядка в г. Москве и Московской области"

Целью исследования является комплексный анализ юридических рисков, связанных с имплементацией технологий искусственного интеллекта (ИИ) в предпринимательскую деятельность, и выработка предложений по их системной классификации и минимизации в рамках корпоративного комплаенса. Предметом исследования выступает совокупность правовых отношений, возникающих на стыке гражданского, корпоративного, информационного и интеллектуального права в контексте разработки и использования ИИ-систем субъектами предпринимательства. В исследовании применяются общенаучные (анализ, синтез, классификация) и частнонаучные методы познания, включая формально-юридический, сравнительно-правовой анализ, а также контент-анализ. В статье идентифицирована и структурирована система юридических рисков, порождаемых использованием ИИ в бизнесе. Обосновано, что данные риски трансформируются в комплаенс-обязанность хозяйствующих субъектов. Доказывается, что ключевыми факторами их минимизации являются обеспечение человеческого надзора и использование качественных, непредвзятых данных для обучения моделей, а также применение особых аналитических методик при взаимодействии с нейросетью.

Ключевые слова: искусственный интеллект, предпринимательская деятельность, юридические риски, управление рисками, комплаенс, правовое регулирование ИИ, интеллектуальная собственность, персональные данные, алгоритмическая ответственность.

Искусственный интеллект в настоящее время является одним из объектов пристального внимания со стороны государства, бизнеса и общества, что обусловлено его функциональными характеристиками и перспективами использования.

Во-первых, искусственный интеллект, будучи комплексным междисциплинарным объектом научного познания⁹¹⁰, приобретает характер ценного ресурса для государства и бизнеса.

Для государства внедрение и регуляция искусственного интеллекта трансформируются в задачу обеспечения технологического паритета и национальной безопасности, что требует выработки сбалансированного правового режима, стимулирующего инновации и одновременно минимизирующего системные риски, связанные с автономными системами принятия решений, защитой критической информационной инфраструктуры и персональных данных граждан.

Формирование так называемого «цифрового суверенитета» уже становится императивом, предполагающим не только технологическую независимость, но и создание собственных правовых доктрин, регулирующих юридическую ответственность и этику, что в конечном итоге определяет место государства в новой цифровой реальности.

Во-вторых, в контексте хозяйственной деятельности искусственный интеллект выступает ключевым фактором трансформации бизнес-моделей и катализатором новой промышленной революции, кардинально повышающим операционную эффективность, качество управленческих решений и конкурентоспособность субъектов экономики.

Его имплементация в бизнес-процессы, начиная (например) от предиктивной аналитики и цепочек поставок и заканчивая автоматизацией клиентского сервиса и управлением рисками, создает систему, в которой данные становятся основным экономическим активом, а алгоритмическое управление — стандартом операционной деятельности. В совокупности данные особенности порождают новую правовую реальность для бизнеса, требующую применение комплаенс-методологии¹¹.

Названные факторы актуализируют необходимость разработки комплексного правового механизма обеспечения прозрачности и объяснимости алгоритмов, выявления и устранения рисков в данной области, а также формирования новой цифровой грамотности, выступающей необходимым условием для осознанного участия человека в цифровой

⁹ Сорокина С.Г. Искусственный интеллект в контексте междисциплинарных исследований языка // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №3 (27). С. 267-280.

¹⁰ Абламейко С.В., Абламейко М.С. Искусственный интеллект в междисциплинарной перспективе: философско-правовые аспекты. Философские науки. 2021. 64 (5). С. 57-70.

¹¹ Соколов Н. А., Славянов А. С., Фешина С. С. Модели искусственного интеллекта в системе безопасности интеллектуального потенциала организации // МНИЖ. 2021. №6-5 (108). С. 63-67.

среде и реализации его прав в условиях всепроникающей алгоритмизации.

В пункте 11 Указа Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» справедливо указывается на то, что в настоящее время в мире происходит ускоренное внедрение технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта, в различные отрасли экономики и сферы общественных отношений¹².

На наш взгляд, искусственный интеллект в настоящее время трансформируется из инструмента оптимизации в фундаментальный элемент стратегического планирования и ключевой источник устойчивых конкурентных преимуществ для субъектов предпринимательской деятельности. Внедрение искусственного интеллекта в бизнес-процессы позволяет осуществлять переход от реактивных бизнес-моделей к проактивным, основанным на предиктивной аналитике, что кардинально повышает точность прогнозирования рыночных трендов, потребительского спроса и потенциальных рисков.

Применение технологий искусственного интеллекта позволяет обрабатывать большие массивы данных, не доступных для человеческого восприятия в режиме реального времени (скорость обработки информации искусственным интеллектом значительно превосходит человеческий потенциал).

Стремительная алгоритмизация предпринимательской деятельности, при всей ее очевидной операционной эффективности, объективно порождает комплекс неочевидных рисков, необходимых осмысления которых становится императивом для обеспечения не только экономической устойчивости отдельного хозяйствующего субъекта, но и системной стабильности рынка в целом.

Данная необходимость обусловлена самой природой искусственного интеллекта, основанной на вероятностных моделях и предиктивных алгоритмах, функционирующих в условиях неполноты или асимметрии данных, что создает предпосылки для принятия системой решений, носящих дискриминационный или ошибочный характер с значительными финансовыми и репутационными последствиями.

С правовой точки зрения, осмысление данных рисков уже приобретает измерение комплаенс-обязанности субъектов предпринимательства, в условиях формирования нового регуляторного поля, о чем свидетельствует развитие законодательных инициатив¹³.

Подтверждением данного тезиса являются результаты проведенного контент-анализа, согласно которому в настоящее время имеются факты злоупотребления информацией при обучении нейrolингвистических моделей искусственного интеллекта в коммерческих целях¹⁴, в целом, развитие искусственного интеллекта сопряжено с огромным количеством юридических споров¹⁵.

Искусственный интеллект, вместе с тем, активно используют для обнаружения угроз безопасности, прогнозирования рисков, автоматизации реакции на угрозы и улучшения защиты своих облачных услуг, например, Microsoft Azure с помощью программного продукта Purview¹⁶.

Однако, для предпринимателей игнорирование особенностей применения искусственного интеллекта в своей хозяйственной деятельности чревато не только прямыми санкциями со стороны регуляторов, но и возникновением деликтных обязательств вследствие причинения вреда третьим лицам решениями, принятыми с использованием искусственного интеллекта, а также риском признания недействительными сделок, заключенных на основе алгоритмических рекомендаций, признанных манипулятивными или недобросовестными. Хотя следует отметить, что в настоящее время судебная практика по таким делам еще не сформировалась.

В этой связи целесообразно определить понятие юридического риска в контексте использования искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности и произвести классификацию таких рисков.

Юридический риск представляет собой вероятность наступления неблагоприятных последствий, которые могут возникнуть в результате несоблюдения или неправильного применения норм права, а также вследствие изменения законодательства. Данное понятие комплексное, включающее в себя различные аспекты, связанные с правовой средой деятельности субъекта. Такое понимание юридических рисков охватывает все потенциальные угрозы и потери, обусловленные правовыми факторами. Управление юридическими рисками является неотъемлемой частью эффективного менеджмента любой организации, позволяя своевременно выявлять, оценивать и минимизировать возможные правовые угрозы.

Следует согласиться с теми авторами, которые отмечают, что риски возникают из правомерного поведения. При противоправном поведении наступает неизбежность юридической ответственности, это

¹² Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102608394> (дата обращения: 05.09.2025).

¹³ Законопроект № 885494-8 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» [электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/885494-8#bh_histtras (дата обращения: 05.09.2025).

¹⁴ Писатели в США подали иск против Open AI и Meta из-за нарушения авторских прав при создании ИИ [электронный

ресурс] // URL: <https://rg.ru/2023/07/10/pisateli-v-ssha-podali-isk-protiv-open-ai-i-meta-iz-za-narusheniia-avtorskih-prav-pri-sozdanii-ii.html> (дата обращения: 05.09.2025).

¹⁵ OpenAI, Anthropic, and Meta: Tracking the lawsuits filed against the major AI companies [электронный ресурс] // URL: <https://www.fast-company.com/91179905/openai-anthropic-and-meta-tracking-the-lawsuits-filed-against-the-major-ai-companies> (дата обращения: 05.09.2025).

¹⁶ Стефанова Н. А., Тюрина Дарья Андреевна Применение искусственного интеллекта в процессе управления рисками // Журнал прикладных исследований. 2024. №4. С. 90-94.

значит, что риск отсутствует, при правомерном поведении субъект вправе выбирать вид и меру своего поведения с учетом вероятности наступления неблагоприятных последствий¹⁷.

Ключевой проблемой является феномен «галлюцинаций» у генеративных ИИ-моделей, которые проявляются в создании правдоподобных, но фиктивных юридических аргументов. Нейросетевые чат-боты, будучи по своей сути предиктивными системами, оптимизированными на генерацию наиболее вероятных последовательностей слов, а не на установление истины, могут изобретать несуществующие судебные прецеденты, искажать номера статей и их смысловое содержание.

Это не является злым умыслом или ошибкой в традиционном понимании (имеется ввиду психическое отношение правонарушителя к содеянному и последствиям), а представляет собой фундаментальную особенность работы данных алгоритмов, возникающую при попытке восполнить пробелы в данных или ответить на запрос вне их тренировочного корпуса (набора данных, которые используются для обучения ИИ).

Некритическое доверие к подобным сгенерированным правовым позициям несет в себе прямую угрозу для юридической доктрины и последующей правоприменительной практики. Если выводы ИИ, основанные на сфальсифицированных источниках, начнут некорректно цитироваться в аналитических записках, процессуальных документах или даже судебных решениях, это может привести к формированию искаженной правовой доктрины, основанной на фикции, что создает серьезный системный риск девальвации юридического знания в целом. Когда последующие поколения правоведов будут вынуждены тратить ресурсы не на развитие права, а на «расчистку» последствий цифровых заблуждений, что в конечном итоге может подорвать стабильность и предсказуемость правовой системы.

В данном контексте именно корпоративный комплаенс юридических рисков при использовании ИИ должен стать тем инструментом, который нивелирует указанные угрозы. Комплаенс-процедуры обязаны включать в себя не только аудит данных и алгоритмов, но, в первую очередь, систему обязательной валидации любого итогового продукта, созданного с привлечением ИИ.

Речь идет о внедрении строгих протоколов перекрестной проверки, при которых каждый сгенерированный правовой вывод, каждая ссылка на нормативный акт или судебный акт подлежат обязательной верификации квалифицированным юристом. Такой подход трансформирует комплаенс из формального соблюдения регуляторных требований в практический инструмент управления качеством и обеспечения достоверности юридического контента.

Крайне важно подчеркнуть, что конечная ответственность за любой правовой продукт, вне зависимости от степени участия в его создании искусственного интеллекта, всегда остается на субъекте, его использующем – будь то юридическая фирма, корпоративный правовой департамент или государственный орган.

ИИ является лишь инструментом, и компания несет полную ответственность за последствия его применения, включая репутационный ущерб, финансовые убытки и судебные иски, вызванные недостоверной информацией. Таким образом, критическая оценка и тотальный контроль результатов работы ИИ – это не опция, а императив современной юридической практики, непосредственно влияющий на управление рисками и качество оказываемых юридических услуг.

Некоторые авторы для обеспечения точности и релевантности результатов генерации справедливо предлагают тренировать модели ИИ, воспринимать промпт (запрос) как одну из посылок юридического силлогизма или включать в промпт указание на метод юридической логики, который следует применять (например, модель IRAC). Таким образом, роль промпта состоит во внедрении человеческого фактора в процесс цифровой юридической консультации¹⁸.

Ошибки, которые способна допускать нейросеть при работе с юридической информацией, вызывают ряд серьезных рисков. Четкое структурирование данных рисков позволяет хозяйствующим субъектам перейти от реактивной модели правового реагирования на уже наступившие негативные последствия к проактивной системе управления, разработав превентивные внутренние политики.

Классификация юридических рисков при использовании искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности представляет собой сложную систему, обусловленную многогранностью правовых отношений.

1. Риски, связанные с нарушением прав интеллектуальной собственности. Использование искусственного интеллекта, особенно в части обучения на больших массивах данных, может привести к нарушению авторских и смежных прав. Например, компания использует искусственный интеллект для создания новых коммерческих продуктов. Если искусственный интеллект был обучен на материалах, защищенных авторским правом, возникает риск предъявления претензий со стороны правообладателей.

2. Риски, связанные с защитой персональных данных. Применение искусственного интеллекта часто требует обработки огромных объемов данных, включая персональные. В данном случае возникают риски, связанные с несоблюдением требований законодательства о персональных данных.

¹⁷ Корж П.А. К вопросу о понятии юридического риска // Юридическая техника. 2019. №13. С. 197-198.

¹⁸ Кирпичёв А.Е. Промты (запросы) для генеративного искусственного интеллекта в юридическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2024. №4. С. 906-918.

Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных»¹⁹ не содержит прямых упоминаний или специальных норм, регулирующих использование искусственного интеллекта. Тем не менее, принципы и требования закона распространяются на любые технологии, включая искусственный интеллект, если они используются для обработки персональных данных. Данное требование означает, что операторы, применяющие искусственный интеллект, обязаны: получать согласие субъектов персональных данных, обеспечивать конфиденциальность и защиту данных, использовать данные строго для заявленных целей, уведомлять уполномоченный орган (Роскомнадзор) о своих намерениях.

Таким образом, несмотря на отсутствие прямого регулирования, применение искусственного интеллекта в сфере обработки персональных данных должно соответствовать всем положениям действующего законодательства.

3. Репутационные риски. Данная категория рисков связана с ущербом репутации компании в случае неправомерного или неэтичного использования искусственного интеллекта. Например, организация использует чат-бот, работающий на основе искусственного интеллекта, который дает некорректные или оскорбительные ответы. Это может привести к негативным отзывам в социальных сетях, снижению доверия клиентов и, как следствие, к финансовым потерям.

Участие человека-специалиста и использование адекватных и проверенных массивов данных являются ключевыми факторами в минимизации рисков, связанных с применением искусственного интеллекта. Обучение моделей на качественных, чистых и непредвзятых данных позволяет значительно снизить вероятность возникновения ошибок, дискриминации и других негативных последствий. Более того, постоянный контроль со стороны квалифицированных специалистов позволяет своевременно выявлять и корректировать сбои в работе алгоритмов, обеспечивая их надежность и безопасность.

На наш взгляд, субъект, использующий нейросеть в юридической деятельности для минимизации рисков должен использовать различные модели анализа сгенерированного текста. Модель IRAC действительно является подходящей аналитической структурой, используемой преимущественно в англосаксонской (common law) правовой системе для анализа юридических казусов, построения правовой аргументации и написания процессуальных документов. Аббревиатура IRAC расшифровывается как Issue, Rule, Application, Conclusion (Проблема, Правило, Применение, Вывод). Эта модель представляет собой формализованный алгоритм юридического мышления, целью которого является максимально ясное, логичное и убедительное обоснование юридической позиции.

Кроме этого, когда юрист точно знает какой результат ему необходимо получить, то целесообразно использовать другую аналитическую модель – CRAC – Conclusion, Rule, Application, Conclusion (Вопрос, Правило, Применение, Вывод) принципиально отличающуюся от классического подхода IRAC своей ориентацией на адресата, требующего оперативного получения ответа. Её ключевая особенность заключается в том, что юрист начинает анализ не с выявления проблемы, а с формулировки краткого, однозначного и категоричного вывода. Это означает, что, используя инструменты ИИ, юрист-эксперт должен не просто передать нейросети факты и ожидать развернутого анализа, а сразу сформулировать и озвучить ей для структурирования свою первоначальную правовую позицию в виде тезиса.

Такой подход трансформирует ИИ из генератора гипотез в инструмент для верификации и аргументационного усиления уже выдвинутого экспертом утверждения, что кардинально снижает риски принятия ошибочных или сфальсифицированных выводов системы «за чистую монету».

Таким образом, предложенные меры не только способствуют повышению эффективности искусственного интеллекта, но и являются необходимой основой для формирования правового поля, способного регулировать его использование, что в конечном итоге снижает юридические и репутационные риски для предпринимательской деятельности.

Некоторые авторы верно констатируют, что сегодня искусственный интеллект добился заметных успехов в управлении рисками организаций. Тем не менее, в ближайшем будущем он, скорее всего, не сможет полностью заменить участие человека²⁰. Вместе с тем, искусственный интеллект, как можно увидеть, не только является средством управления рисками, но и сам является источником рисков, в том числе в юридической сфере.

Литература

1. Абламейко С.В., Абламейко М.С. Искусственный интеллект в междисциплинарной перспективе: философско-правовые аспекты. Философские науки. 2021. 64 (5). С. 57-70.
2. Бойченко О.В., Фаина Ю.Ю. Искусственный интеллект в управлении рисками организации // Экономика строительства и природопользования. 2023. №4 (89). С. 67-74.
3. Кирпичёв А.Е. Промпты (запросы) для генеративного искусственного интеллекта в юридическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2024. №4. С. 906-918.
4. Корж П.А. К вопросу о понятии юридического риска // Юридическая техника. 2019. №13. С. 197-198.
5. Писатели в США подали иск против Open AI и Meta из-за нарушения авторских прав при создании ИИ [электронный ресурс] // URL:

¹⁹ Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I) ст. 3451.

²⁰ Бойченко О.В., Фаина Ю.Ю. Искусственный интеллект в управлении рисками организации // Экономика строительства и природопользования. 2023. №4 (89). С. 67-74.

<https://rg.ru/2023/07/10/pisateli-v-ssha-podali-isk-protiv-open-ai-i-meta-iz-za-narusheniia-avtorskih-prav-pri-sozdanii-ii.html> (дата обращения: 05.09.2025).

6. Соколов Н. А., Славянов А. С., Фешина С. С. Модели искусственного интеллекта в системе безопасности интеллектуального потенциала организации // МНИЖ. 2021. №6-5 (108). С. 63-67.

7. Сорокина С.Г. Искусственный интеллект в контексте междисциплинарных исследований языка // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №3 (27). С. 267-280.

8. Стефанова Н. А., Тюрина Дарья Андреевна Применение искусственного интеллекта в процессе управления рисками // Журнал прикладных исследований. 2024. №4. С. 90-94.

9. OpenAI, Anthropic, and Meta: Tracking the lawsuits filed against the major AI companies [электронный ресурс] // URL: <https://www.fastcompany.com/91179905/openai-anthropic-and-meta-tracking-the-lawsuits-filed-against-the-major-ai-companies> (дата обращения: 05.09.2025).

References

1. Ablameiko S.V., Ablameiko M.S. Artificial Intelligence in an Interdisciplinary Perspective: Philosophical and Legal Aspects. Philosophical Sciences. 2021. 64 (5). Pp. 57-70.
2. Boychenko O.V., Fadina Yu.Yu. Artificial Intelligence in Organizational Risk Management // Economics of Construction and Nature Management. 2023. No. 4 (89). Pp. 67-74.
3. Kirpichev A.E. Prompts (queries) for generative artificial intelligence in legal discourse // Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. 2024. No. 4. Pp. 906-918.
4. Korzh P.A. On the concept of legal risk // Legal technique. 2019. No. 13. Pp. 197-198.
5. US Writers File Lawsuit Against Open AI and Meta for Copyright Infringement in AI Creation [Electronic Resource] // URL: <https://rg.ru/2023/07/10/pisateli-v-ssha-podali-isk-protiv-open-ai-i-meta-iz-za-narusheniia-avtorskih-prav-pri-sozdanii-ii.html> (Accessed: 05.09.2025).
6. Sokolov N. A., Slavyanov A. S., Feshina S. S. Artificial Intelligence Models in the Security System of an Organization's Intellectual Potential // MNIZH. 2021. No. 6-5 (108). Pp. 63-67.
7. Sorokina S. G. Artificial Intelligence in the Context of Interdisciplinary Language Studies // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2023. No. 3 (27). Pp. 267-280.
8. Stefanova N. A., Tyurina Daria Andreevna Application of Artificial Intelligence in Risk Management // Journal of Applied Research. 2024. No. 4. Pp. 90-94.
9. OpenAI, Anthropic, and Meta: Tracking the Lawsuits Filed Against the Major AI Companies [Electronic Resource] // URL: <https://www.fastcompany.com/91179905/openai-anthropic-and-meta-tracking-the-lawsuits-filed-against-the-major-ai-companies> (Accessed: 09/05/2025).

Legal Risks of Using Artificial Intelligence in Business Activities Khaminsky A.M.

Moscow and Moscow Region Law Enforcement Center

The purpose of the study is a comprehensive analysis of the legal risks associated with the implementation of artificial intelligence (AI) technologies in business activities and the development of proposals for their systematic classification and minimization within the framework of corporate compliance. The subject of the study is the set of legal relations arising at the intersection of civil, corporate, information, and intellectual property law in the context of the development and use of AI systems by business entities. The research employs general scientific (analysis, synthesis, classification) and specific scientific methods of cognition, including formal legal, comparative legal analysis, as well as content analysis. The article identifies and structures a system of legal risks generated by the use of AI in business. It is substantiated that these risks are transformed into a compliance obligation for business entities. It is shown that the key factors for their minimization are ensuring human supervision and using high-quality, unbiased data for training models, as well as the use of special analytical methods when interacting with the neural network.

Keywords: artificial intelligence, business activities, legal risks, risk management, compliance, AI regulation, intellectual property, personal data, algorithmic accountability.

Право собственности на земельные участки: особенности правового регулирования

Ядренцев Владимир Федорович

старший преподаватель кафедры юриспруденции, Вологодский государственный университет

Статья посвящена правовому режиму права собственности на земельные участки в России сквозь призму регистрации, публичных ограничений, сервитутов и кадастровых процедур. Актуальность продиктована ростом конфликтов на стыке ЕГРН и градостроительных регламентов, развитием инфраструктурных проектов и переходом к трёхмерной фиксации объектов. В рамках работы описаны действующие механизмы защиты титула, исследованы ЗОУИТ и компенсационные инструменты, проанализированы комплексные кадастровые работы и их влияние на устойчивость сделок; отдельный раздел посвящён сервитутам для линейных объектов. Особое внимание уделено цифровой связности реестров и машиночитаемому описанию пространственных ограничений. Работа ставит перед собой цель выстроить целостную модель «сквозного цифрового профиля» участка и набор прикладных шагов для органов регистрации и правообладателей. Для её достижения применены сравнительно-правовой, формально-юридический и системный анализ, обобщение практики и элементы картографической верификации. В заключении предложены стандарты описания ограничений, подход к пилотам 3D-кадастра и методика юридической экспертизы для сделок с земельной составляющей. Статья будет полезна для регистраторов, кадастровых инженеров, девелоперов, банков и исследователей земельного права.

Ключевые слова: право собственности на землю, ЕГРН, ЗОУИТ, сервитут, регистрация прав, кадастровые работы, трёхмерный кадастр, публичные ограничения, градостроительный регламент.

Введение

На рынке недвижимости усиливается зависимость стоимости активов и доступности финансирования от качества правового титула и прозрачности пространственных ограничений. Концентрация инфраструктурных проектов, реконструкция городской ткани и оборот сельскохозяйственных земель вывели на первый план согласованность сведений ЕГРН с градостроительной документацией, корректность сервитутов и точность координат.

Цель исследования — сформировать непротиворечивую модель собственности на земельный участок, связывающую гражданско-правовые правомочия с режимами публичного права и процедурами регистрации. Задачи:

- 1) систематизировать регистраторскую доктрину и практику, выделив требования к достоверности записи и типовые дефекты идентификации участков;
- 2) проанализировать ЗОУИТ и сервитуты как инструменты соразмерного ограничения и доступа, уточнить условия компенсации и прекращения обременений;
- 3) оценить потенциал комплексных кадастровых работ и 3D-учёта для снижения спорности оборота и подготовить набор прикладных рекомендаций.

Новизна выражена в предложении «сквозного цифрового профиля» участка с машиночитаемыми слоями ограничений, в стандартизации атрибутов сервитутов для линейных объектов и в критериях отбора сценариев для пилотных проектов трёхмерного кадастра.

Материалы и методы

Эмпирическую и доктринальную основу составили современные труды по регистрации прав, публичным ограничениям, сервитутам и кадастру. В обзоре использованы публикации, где анализируются риски и архитектура трёхмерного кадастра: В.А. Болдырев, К.Г. Сварчевский, Ю.И. Клепалова [1]; цифровизация учётно-регистрационных услуг и зависимость юридической силы записи от качества исходных данных: Г.Л. Землякова [2]; правовые ограничения в границах ЗОУИТ: Г.Н. Колесников [3]; природа регистрации прав и баланс интересов оборота: К.Б. Кораев [4]; специфика оборота сельскохозяйственных земель: М.В. Кравченко [5]; установление сервитута для линейных объектов: Т.С. Краснова [6]; судьба сервитута при изменениях господствующего участка: Т.С. Краснова [7]; содержание права собственности и его границы в современных условиях: М.А. Цымбалова, М.А. Ахмедов, Э.В. Кекеев, А.С. Манджиева, Е.В. Коваева, Д.Х. Бадышева, А.Б. Берикова [8]; правовой режим комплексных кадастровых работ: М.Ш. Махотлова, Р.З. Сатрачев, К.А. Шаков, А.Т. Машуков, А.Р. Эндреев [9]; единство

судьбы участка и объекта недвижимого имущества: Д.В. Пархоменко, Е.А. Предтеченская [10].

Для написания статьи применён сравнительно-правовой метод, формально-юридический анализ, системный подход, обобщение судебной и административной практики, элементы картографической верификации, а также аналитический синтез кейсов юридической экспертизы.

Результаты

Право собственности на земельные участки в российской модели выстраивается на стыке гражданско-правовых норм о триаде правомочий и земельно-правовых режимов, задающих границы допустимого использования. В научной литературе фиксируется смещение центра тяжести к вопросам регистрации, зон с особыми условиями использования территорий (ЗООИТ), сервитутов для линейной инфраструктуры, цифровизации ЕГРН, комплексных кадастровых работ и перспектив трёхмерного кадастра. Сопоставление указанных направлений позволяет описать работающую конструкцию собственности на землю как совокупность субъективных прав, ограничений публичного характера и процедур их встраивания в ЕГРН [2; 4; 6–8].

Содержание правомочий собственника трактуется через гражданско-правовую доктрину и практику регистрации. Концептуально регистрация понимается не только как техническая фиксация, а как юридический механизм, связывающий переход права и публичную достоверность записи. Исследование К.Б. Кораева аргументирует охранительно-публичную природу регистрации и выводит критерии, по которым запись в ЕГРН обеспечивает баланс оборота и защиты интересов третьих лиц [4]. В такой рамке собственник получает устойчивый титул при условии корректного отражения сведений о границах, видах разрешённого использования, обременениях и ограничениях. Практическая значимость проявляется в снижении рисков недействительности сделок и верификации правовых притязаний при земельных спорах.

Регистрационная инфраструктура проходит цифровую трансформацию. Г.Л. Землякова фиксирует переход к электронному взаимодействию заявителей и Росреестра, унификацию процедур и рост требований к качеству исходных данных; вместе с тем выявлены узкие места — неоднородность кадастровых карт, разрывы между градостроительной документацией и записями ЕГРН, неоднозначность сведений о ЗООИТ [2]. Эти наблюдения коррелируют с практикой: ошибки в исходных границах и видах использования транслируются в оборот, усиливая риски для покупателя и кредитора. Вывод: юридическая сила регистрации зависит от качества геоанализа и от связности реестров [2].

Отдельный блок выводов касается публичных ограничений. Работы А.Н. Кучембаева и Г.Н. Колесникова уточняют целеполагание и правовой режим ЗООИТ. Подчёркивается, что ЗООИТ — не «запретное поле», а инструмент соразмерного ограничения, нацеленный на защиту инфраструктуры, окружаю-

щей среды, объектов культурного наследия и безопасности; при этом режим формируется через административное решение, описание границ и запись в ЕГРН с последующей компенсацией убытков при существенном затруднении использования участка [3; 8]. В практическом измерении корректная привязка ЗООИТ к координатам и их публичное раскрытие снижают транзакционные издержки, позволяя собственнику прогнозировать допустимые строительные параметры и планировать сделки.

Сервитуты выступают гибким каналом «встраивания» чужих потребностей в чужой земельный титул. Т.С. Краснова на материале мониторинга правоприменения по линейным объектам фиксирует специфические требования к описанию трассы, к соотношению публичного и частного сервитутов и к регистрации обременения; отмечается, что корректная правовая модель снижает издержки проекта и конфликтность с правообладателями [6]. В другой работе того же автора детально разобрана «судьба» сервитута при трансформациях господствующего участка: сервитут следует за вещью и сохраняется при переходе прав, если иное не вытекает из основания установления и условий соглашения/акта; судебная аргументация распределяет риски между приобретателем и обременённым собственником [7]. Для собственника земли это означает предсказуемость обременения и возможность планирования режима участка при разделах и реорганизациях.

Собственник сталкивается с каскадом геодезических и регистрационных задач на стороне кадастра. М.Ш. Махотлова системно обосновывает значение комплексных кадастровых работ: точность границ, приведение координат к единому стандарту и массовая корректировка сведений — база для последующего снижения судебных конфликтов по межам и по наложениям участков; предложены изменения в правовом регулировании для ускорения работ и повышения качества геоанализа [9]. Параллельно в научной дискуссии обсуждается переход к трёхмерному кадастру. В.А. Болдырев описывает риски внедрения 3D-учёта: коллизии с принципом единства судьбы участка и прочно связанного имущества, высокий порог для методик измерений, необходимость согласования с подотраслевыми режимами недр и водного фонда; вместе с тем трёхмерная модель решает многослойные конфликты использования (подземные паркинги, коммуникации, надземные переходы) и повышает качество титула [1]. Для собственников и девелоперов это открывает возможность тонкой юридической «нарезки» пространства при сохранении предсказуемости публичных ограничений.

Оборот земель сельскохозяйственного назначения сохраняет особую чувствительность. М.В. Кравченко фиксирует устойчивые барьеры: разрыв между целевым использованием и фактическим состоянием угодий, недостаточную скорость вовлечения неволеобременённых участков в оборот, высокий градус региональной неоднородности. Предлагается связка правовых стимулов и надзора: прозрач-

ные приоритеты для добросовестного пользователя, усиление механизмов изъятия при систематическом неиспользовании и повышенная информационная открытость данных о качестве почв и обременениях [5]. Для собственника аграрной земли правовая модель выстраивается вокруг целевого использования, оборотоспособности и доступа к субсидиям при соблюдении экологических требований.

Ещё одна опорная линия — принцип «единства судьбы» участка и прочно связанного с ним имущества в наследственных и смежных отношениях. В.Р. Якупов показывает, что при переходе наследственной массы согласованность реестровых сведений по зданию и земле минимизирует риски дробления титула и спорных ситуаций при разделе наследства; комплексное оформление прав наследников, своевременная регистрация и корректная идентификация ЗОУИТ и сервитутов снимают коллизию правопритязаний и упрощают последующий оборот [10]. Это усиливает ценность «чистого» титула как экономического ресурса семьи и бизнеса.

Суммарная картина задаёт рабочий «портрет» частной собственности на землю в России. Устойчивость титула формируется через:

1) корректную государственную регистрацию и связность ЕГРН с градостроительной и экологической документацией [2; 4];

2) прозрачный учёт публичных ограничений — ЗОУИТ, охранные зоны, санитарные пояса — с координатной привязкой и понятным порядком компенсации [3; 8];

3) точность геоданных через комплексные кадастровые работы и готовность к трёхмерной фиксации сложных объектов [1; 9];

4) предсказуемость инструментов доступа к чужой земле через сервитуты и отлаженный порядок их установления, изменения и прекращения [6; 7];

5) режимную специфику сельхозземель, где оборот правообладателя подчинён публичным требованиям к целевому использованию и сохранению плодородия [5].

Эти звенья работают как единая система, снижая издержки оборота и улучшая качество инвестиционных решений собственников.

Обсуждение

Сопоставление регистрационной доктрины с практикой оборота земли показывает, что публичная достоверность записи в реестре выступает не технической процедурой, а опорным гарантийным механизмом для сделок, обеспечения кредитов и разрешения споров. Эффект правовой определённости достигается не столько фиксацией права, сколько согласованностью сведений о границах, видах разрешённого использования, обременениях и ограничениях с градостроительной и экологической документацией. Любой разрыв между картографическими слоями и ЕГРН транслируется в транзакционные издержки: расширяются объёмы правовой экспертизы, вырастают премии за риск, усложняется проектное финансирование. Продуктивной выглядит модель «сквозного цифрового профиля»

участка, где реестровая запись синхронно связывается с градостроительным регламентом, ЗОУИТ, сервитутами, данными мониторинга почв и сведениями о линейной инфраструктуре. Такой профиль снижает асимметрию информации при купле-продаже и в залоговых сделках, упрощает юридическую экспертизу и стабилизирует практику титульного страхования.

Зоны с особыми условиями использования территорий выступают точкой пересечения частноправовых притязаний и публичных гарантий безопасности, охраны природы и культурного наследия. Правильная конструкция режима ЗОУИТ опирается на три элемента: точную координатную привязку границ, доступность сведений для третьих лиц и компенсаторный механизм при существенном затруднении использования. Категоризация ограничений по функциональному назначению (инфраструктурные, санитарные, природоохранные, охранные) с типовыми шаблонами допустимых действий собственника устраняет разнотолкование и снижает нагрузку на судебную систему. Усиление открытых сервисов визуализации ЗОУИТ — в том числе через веб-картаматериалы с машиночитаемыми слоями — формирует предсказуемость для девелопера, сельхозпроизводителя и ипотечного кредитора. Компенсационные споры становятся короче, когда проектная документация заранее подстраивается под конфигурацию защитных зон, а методика оценки убытков закрепляет понятные критерии утраты полезности участка.

Сервитуты встраивают «чужие» потребности в структуру чужого титула без отчуждения собственности. Для линейных объектов критична трассировка с нормативной точностью и подробным описанием содержания обременения: цель, ширина полосы отвода, правовой режим доступа, порядок сезонных/аварийных работ. Формулярная стандартизация этих параметров через типовые соглашения и реестровые атрибуты резко уменьшает неопределённость и облегчает сопровождение жизненного цикла инфраструктуры. Сохранение сервитута при смене правообладателя господствующего участка и при реорганизациях показывает устойчивость конструкции, но одновременно требует аккуратной работы с основаниями прекращения, индексацией возмещения и пересмотром трассы при реконструкциях. Привязка сервитута к пространственному описанию (векторная линия, коридоры с буферами, связка с ЗОУИТ) делает режим читаемым для геоинформационных систем и снижает объём споров о «надлежащей» эксплуатации.

Комплексные кадастровые работы — базовый инструмент профилактики конфликтов по границам, наложениям, «выпадению» участков и артефактам старых систем координат. Массовая пересъёмка, гармонизация координат и публичное согласование результатов с вовлечением местных сообществ создают «чистое поле» для сделок и строительства. Взаимодействие с градорегламентами усиливает эффект: границы участков перестают конфликтовать с красными линиями и линиями отступа. Пер-

спектива трёхмерного кадастра добавляет измерение, где склады, подземные паркинги, надземные переходы и коммуникации получают юридически узнаваемый объём. Для практики потребуется аккуратная сонастройка с принципом единства судьбы участка и прочно связанного имущества, разграничение с режимами недр и водных объектов, методическая база измерений и визуализации. Пилотные зоны 3D-учёта уместно связывать с типовыми городскими ситуациями многослойного использования пространства; такой путь уменьшает риски коллизий и создаёт доказательственную базу для судов и регистраторов.

Оборот сельскохозяйственных земель демонстрирует зависимость рыночной ликвидности от дисциплины целевого использования и прозрачности данных о состоянии угодий. Правильная комбинация стимулирующих и охранительных инструментов выстраивает траекторию вовлечения неиспользуемых участков: понятные приоритеты для добросовестного пользователя, прозрачные процедуры изъятия при систематическом неиспользовании, соглашения об улучшениях с верификацией агрохимических показателей. Интеграция космического мониторинга, почвенных карт и ЕГРН создаёт оперативную картину эффективности землепользования и снижает споры о фактическом использовании. Для банков и страховщиков такой слой данных формирует надёжную основу для кредитного скоринга и тарифов, а для органов земельного надзора — объективный канал реагирования.

Наследственные кейсы демонстрируют чувствительность к согласованности прав на землю и прочно связанный объект. Фрагментация титула между несколькими наследниками, ошибки в реестровых записях по зданию и участку, неотражённые ограничения — главный источник затяжных споров и блокировки оборота. Эффективной выглядит практика «комплексного» оформления: синхронная регистрация прав по объекту и земле, проверка сервитутов и ЗОУИТ, оценка обременений для расчёта долей, заблаговременные завещательные распоряжения с приложением поэтажных и ситуационных планов. Такой пакет снижает риски для последующего покупателя и упрощает допуск объекта в ипотечные программы.

Цифровизация регистрационных процедур меняет качество услуг только при наличии эталонных исходных данных и регламентов межреестрового обмена. Электронная подача и машиночитаемые форматы документов ускоряют оборот, но не снимают проблем, если кадастровые карты и градостроительные регламенты расходятся. Персональная ответственность кадастрового инженера, аудит крупных массивов данных по отклонениям координат, проверки консистентности слоёв — рабочие инструменты повышения достоверности. Для рынка существенен доступ к прикладным интерфейсам ЕГРН и муниципальных ГИС: автоматизированная сверка титула, ограничений и рисков на стороне банков, застройщиков и нотариусов сокращает число ошибочных решений и повышает доверие к электронным сервисам.

Судебно-правовая практика концентрируется вокруг трёх групп споров: дефекты идентификации объекта (границы, площадь, адресация), конкуренция прав и ограничений (наложение ЗОУИТ, неотражённые сервитуты), оспаривание регистрационных действий. Устойчивую динамику показывает переход к превентивным процедурам: досудебные комиссии, медиативные соглашения при межевых конфликтах, согласительные процедуры с инфраструктурными операторами по сервитутам. Качественный скачок даёт применение цифровой доказательной базы — журналов изменений реестровых записей, таймстемпов картографических слоёв, паспортов геодезического оборудования. Точность методики экспертиз влияет на исход больше, чем казуистические доводы, поэтому стандарты экспертиз и требования к экспертам формируют фактический «фильтр» допустимости доказательств.

Финансовая практика использует реестровую надёжность как переменную в ценообразовании: ставки по проектному и ипотечному кредитованию реагируют на качество титула и прозрачность ограничений. Внедрение «умных» залогов с автоматической верификацией статуса участка по API ЕГРН и муниципальным ГИС сокращает операционный риск, а титульное страхование получает предметный андеррайтинг на базе геоданных. Для сделок M&A с земельным компонентом показательна связка юридической и технической экспертизы: реконструируемые объекты, линейные коммуникации, подземные уровни требуют 3D-проверок, иначе высока вероятность постфактум наложений и исков.

Регулирование, ориентированное на предсказуемость, выигрывает от четырёх практических шагов. Во-первых, унификация пространственных описаний объектов и обременений с обязательной машиночитаемостью. Во-вторых, публичная верификация ЗОУИТ и сервитутов в одном окне с возможностью загрузки закрывающих документов. В-третьих, поэтапное внедрение 3D-учёта в типовых сценариях городского многослойного строительства с процессуальными гарантиями для собственников и кредиторов. В-четвёртых, институциональная связка регистраторов, кадастровых инженеров и органов градорегулирования через общие стандарты качества данных, независимый аудит массивов и персональные электронные подписи по результатам работ.

Практическая методология работы правообладателя с земельным активом складывается из последовательных действий: проверка координат и истории изменений, сверка с градостроительным регламентом, верификация ЗОУИТ и сервитутов, анализ фактического использования по космоснимкам и муниципальным базам, оценка рисков возражений со стороны соседей, подготовка договорного блока с учётом реестровых атрибутов обременений. Такая последовательность снижает вероятность оспаривания, облегчает финансирование и ускоряет ввод объектов, в особенности при инфраструктурных проектах и городской реконструкции.

Заключение

Проведённая систематизация показала, что устойчивость титула опирается на связку достоверной регистрации и машиночитаемого описания пространственных ограничений; разрывы между ЕГРН и градорегламентами повышают издержки сделок и кредитования. ЗОУИТ требуется описывать координатно точными границами и открывать для публичного просмотра вместе с типовыми матрицами допустимых действий, что сокращает споры и ускоряет согласования. Сервитуты дают предсказуемый доступ к чужой земле при условии стандартизации цели, трассы, режимов доступа и возмещения; продуманная конструкция облегчает реконструкции и сопровождает жизненный цикл линейной инфраструктуры. Комплексные кадастровые работы снижают конфликтность межевания и готовят базу для 3D-учёта, уместно запускать пилоты в городских сценариях многослойного использования пространства. Для сельхозземель результативность оборота повышает сочетание стимулов и контроля целевого использования при прозрачной агрохимической верификации. Наследственные сделки выигрывают от синхронного оформления прав по зданию и земле и от ранней проверки ограничений. Предложенная методология юридической экспертизы и «сквозного цифрового профиля» участка пригодна для регистраторов, девелоперов и банков и задаёт рабочую повестку дальнейшей донастройки процедур регистрации и учёта.

Литература

1. Болдырев В.А., Сварчевский К.Г., Клепалова Ю.И. Трёхмерный кадастр недвижимости: риски, связанные с цифровыми инновациями // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. № 1. С. 275–293. DOI: 10.21638/spbu14.2024.118.
2. Землякова Г.Л. Проблемы цифровизации государственных учетно-регистрационных услуг в отношении земельных участков // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 6 (249). С. 95–101. DOI: 10.24412/2072-4098-2022-6249-95-101.
3. Колесников Г.Н. Правовые ограничения использования земельных участков в границах зон с особыми условиями использования территории // Аграрное и земельное право. 2024. № 1 (229). С. 96–98. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_1_96.
4. Кораев К.Б. Правовая природа государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним // Lex russica. 2025. Т. 78. № 8. С. 9–21. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.009-021.
5. Кравченко М.В. Оборот земель сельскохозяйственного назначения: проблемы, перспективы, пути разрешения // Академическая наука. 2024. № 4. С. 85–88.
6. Краснова Т.С. Установление сервитута для размещения линейного объекта федерального или регионального значения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 1. С. 172–200.
7. Краснова Т.С. Судьба сервитута при преобразовании господствующего земельного участка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. № 2. С. 371–389. DOI: 10.21638/spbu14.2024.204.
8. Цымбалова М.А., Ахмедов М.А., Кекеев Э.В., Манджиева А.С., Коваева Э.В., Бадышева Д.Х., Берикова А.Б. Об отдельных аспектах содержания права собственности на земельные участки // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 234–236. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_3_234.
9. Махотлова М.Ш., Сатрачев Р.З., Шаков К.А., Машуков А.Т., Эндриев А.Р. Комплексные кадастровые работы // Аграрное и земельное право. 2025. № 1. С. 145–149. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_1_145.
10. Пархоменко Д.В., Предтеченская Е.А. Единство судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов недвижимого имущества // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2018. Т. 2. № 3. С. 90–96.

Land ownership: features of legal regulation

Yadrentsev V.F.

Vologda State University

This article examines the legal regime of land ownership in Russia through the lens of registration, public restrictions, easements, and cadastral procedures. Its relevance stems from the growing conflicts at the intersection of the Unified State Register of Real Estate (USRN) and urban regulations, the development of infrastructure projects, and the transition to three-dimensional registration of objects. This paper describes current title protection mechanisms, examines the Zouit and Compensation Instruments (ZOUIT) and compensation instruments, analyzes complex cadastral works and their impact on the stability of transactions, and a separate section is devoted to easements for linear objects. Particular attention is paid to the digital connectivity of registers and machine-readable descriptions of spatial restrictions. The paper aims to develop a comprehensive model of an "end-to-end digital profile" of a land plot and a set of practical steps for registration authorities and title holders. To achieve this, comparative legal, formal legal, and systemic analyses, a summary of practice, and elements of cartographic verification were applied. The conclusion proposes standards for describing restrictions, an approach to 3D cadastral pilot projects, and a methodology for legal due diligence for land transactions. This article will be useful for registrars, cadastral engineers, developers, banks, and land law researchers.

Keywords: land ownership, Unified State Register of Real Estate, Zouit, easement, rights registration, cadastral works, 3D cadastral survey, public restrictions, urban planning regulations.

References

1. Boldyrev V.A., Svarchevsky K.G., Klepalova Yu.I. Three-dimensional real estate cadastre: risks associated with digital innovations // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2024. Vol. 15. No. 1. pp. 275–293. DOI: 10.21638/spbu14.2024.118.
2. Zemlyakova G.L. Problems of digitalization of state accounting and registration services in relation to land plots // Property relations in the Russian Federation. 2022. No. 6 (249). pp. 95–101. DOI: 10.24412/2072-4098-2022-6249-95-101.
3. Kolesnikov G.N. Legal Restrictions on the Use of Land Plots within the Boundaries of Zones with Special Conditions of Territorial Use // Agrarian and Land Law. 2024. No. 1 (229). pp. 96–98. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_1_96.
4. Koraev K.B. Legal Nature of State Registration of Rights to Real Estate and Transactions Therewith // Lex russica. 2025. Vol. 78. No. 8. pp. 9–21. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.009-021.
5. Kravchenko M.V. Agricultural Land Turnover: Problems, Prospects, and Solutions // Academic Science. 2024. No. 4. pp. 85–88.
6. Krasnova T.S. Establishment of an Easement for the Placement of a Linear Facility of Federal or Regional Significance // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2023. No. 1. pp. 172–200.
7. Krasnova T.S. The Fate of an Easement during the Transformation of a Dominant Land Plot // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2024. Vol. 15. No. 2. pp. 371–389. DOI: 10.21638/spbu14.2024.204.
8. Tsybalova M.A., Akhmedov M.A., Kekeev E.V., Mandzhieva A.S., Kovaeva E.V., Badysheva D.Kh., Berikova A.B. On Certain Aspects of the Contents of Ownership Rights to Land Plots // Agrarian and Land Law. 2025. No. 3. pp. 234–236. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_3_234.
9. Makhotlova M.Sh., Satrachev R.Z., Shakov K.A., Mashukov A.T., Endreev A.R. Comprehensive cadastral works // Agrarian and land law. 2025. No. 1. pp. 145–149. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_1_145.
10. Parkhomenko D.V., Predtechenskaya E.A. Unity of the fate of land plots and real estate objects firmly connected with them // Interexpo Geo-Siberia. 2018. T. 2. No. 3. P. 90–96.

Важность лингвистической экспертизы при рассмотрении дел о защите деловой репутации юридических лиц

Касимова Олеся Алексеевна

Аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», olesyatray2010@mail.ru

Статья посвящена анализу ключевой роли лингвистической экспертизы в судебных спорах о защите деловой репутации юридических лиц. В условиях цифровой экономики, когда репутационный ущерб может быть значительным, а смысл высказываний зачастую скрыт в подтексте, лингвистическая экспертиза выступает основным инструментом объективации, переводя спор из эмоциональной плоскости в область научного анализа и правовой квалификации. В работе детально рассматриваются функции лингвистического исследования, включая установление действительного смысла спорных высказываний, разграничение проверяемых фактов и оценочных суждений, а также выявление имплицитных (скрытых) порочащих смыслов. Особое внимание уделяется анализу коммуникативного контекста (жанра, канала распространения, целевой аудитории), который является определяющим фактором для оценки масштаба репутационного вреда. На основе анализа действующего законодательства и судебной практики доказываем, что лингвистическая экспертиза является незаменимым механизмом, обеспечивающим научно обоснованное и справедливое разрешение споров на стыке права, лингвистики и экономики.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, деловая репутация юридического лица, защита деловой репутации, диффамация, порочащие сведения, разграничение факта и мнения, имплицитные смыслы, коммуникативный контекст, статья 152 ГК РФ, судебная практика.

В условиях цифровой экономики информация распространяется мгновенно, в следствие чего репутационный вред может исчисляться миллионами, а защита деловой репутации юридического лица или индивидуального предпринимателя становится критически важной задачей. В данном контексте лингвистическая экспертиза выступает не просто вспомогательным инструментом, а ключевым механизмом объективации субъективного восприятия, переводя спор о смысле высказываний из плоскости эмоций в плоскость научного анализа и правовой квалификации. Ее роль заключается в установлении действительного смысла спорных высказываний и их потенциального воздействия на целевую аудиторию, что является квалифицирующим признаком для судебного разбирательства.

Основная правовая норма, регулирующая данную сферу, — статья 152 Гражданского кодекса Российской Федерации [2], которая распространяет правила защиты деловой репутации гражданина и на юридических лиц. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 24.02.2005 № 3 [2], при решении вопроса о том, носят ли оспариваемые сведения порочащий характер, судам в необходимых случаях следует назначать лингвистическую экспертизу.

Это прямо указывает на признание законодателем и высшей судебной инстанцией того факта, что без специальных лингвистических познаний установить истинный смысл высказывания зачастую невозможно. Правоприменительная практика, как отмечено в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ от 16.03.2016 [3], подтверждает, что распространенная информация может быть доведена до сведения третьих лиц различными способами — образно, инсказательно, оскорбительно, — и ее восприятие требует специального исследования.

Процесс объективации начинается с комплексного лингвистического анализа, который выявляет не только прямой (денотативный) смысл слов, но и их коннотации, скрытые смыслы (имплицитные содержания) и прагматическую направленность. Юридическое лицо, в отличие от физического, не обладает эмоциональной сферой, поэтому его репутация формируется исключительно в профессиональном и деловом поле.

Соответственно, лингвистическая экспертиза призвана определить, содержатся ли в спорном тексте утверждения о нарушении юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем законов, деловой этики или обычаев делового оборота, о его недобросовестности в предпринимательской деятельности, которые носят конкретный и проверяемый характер. Например, такая, на первый взгляд, субъективная оценка, как «ненадежный партнер», в

определенном контексте может быть интерпретирована экспертом как утверждение о факте систематического неисполнения компанией договорных обязательств, что уже подпадает под признаки порочащей деловую репутацию информации.

Ключевым аспектом объективации является разграничение фактуальных утверждений и оценочных суждений (мнений). Согласно сложившейся судебной практике, только утверждения о фактах, которые можно проверить на соответствие действительности, могут быть опровергнуты в судебном порядке. Лингвистическая экспертиза проводит эту границу, анализируя языковые средства: использование глаголов в прошедшем времени и индикативе, модальность уверенности, наличие или отсутствие сравнительных конструкций и оценочной лексики.

Именно эксперт-лингвист определяет, является ли высказывание «компания использует некачественное сырье» проверяемым утверждением о факте или же оно представляет собой субъективное мнение, выраженное в форме «мне кажется, что качество сырья низкое» [4]. Этот вывод имеет судьбоносное значение для дела, поскольку оценочные суждения, какими бы резкими они ни были, защищаются свободой слова и не подлежат опровержению по смыслу статьи 152 ГК РФ [1].

Наконец, лингвистическая экспертиза объективирует потенциальное воздействие высказывания на адресата через анализ коммуникативного контекста. Деловая репутация существует не в вакууме, а в конкретном сегменте общества: среди клиентов, партнеров, инвесторов. Одно и то же высказывание может по-разному восприниматься широкой публикой и узким кругом профессионалов. Эксперт исследует жанр публикации (аналитическая статья, новостной пост, потребительский отзыв), тип издания (профильное отраслевое СМИ или массовый портал) и характеристики целевой аудитории.

Это позволяет суду оценить реальный масштаб и характер причиненного репутационного вреда, определить, была ли информация способна сформировать негативное отношение к юридическому лицу именно в той среде, которая значима для его хозяйственной деятельности. Таким образом, лингвистическая экспертиза выполняет роль незаменимого инструмента судебной власти, обеспечивающего научно обоснованное, справедливое и взвешенное разрешение споров, возникающих на стыке права, языка и общественных интересов.

Продолжая анализ, лингвистическая экспертиза выходит за рамки простого разграничения факта и мнения, углубляясь в выявление языковых признаков диффамации и недобросовестной конкуренции. Даже будучи замаскированной под форму оценочного суждения, информация может содержать скрытые (имплицитные) утверждения о фактах, которые носят порочащий характер [5].

Задача эксперта-лингвиста состоит в том, чтобы вскрыть этот подтекст, идентифицировав используемые риторические приемы, намеки, иронию или уничижительную лексику, которые формируют у адресата негативное представление о юридическом

лице, выходящее за рамки субъективной критики. В условиях рыночной конкуренции такие высказывания часто являются не просто актом диффамации, а элементом недобросовестной конкуренции, направленной на подрыв доверия к конкуренту.

В современном мире, где информация распространяется мгновенно, целенаправленная дискредитация становится мощным оружием в конкурентной борьбе. Лингвистический анализ позволяет установить, содержатся ли в спорном тексте признаки такой стратегии, например, путем систематического использования сравнений в уничижительном ключе, создания негативных ассоциаций с помощью оценочных эпитетов или распространения завуалированных обвинений в непрофессионализме или недобросовестности.

Ключевым аспектом судебного разбирательства по делам о защите деловой репутации юридических лиц является анализ коммуникативного контекста, позволяющий определить степень диффамационного вреда с учетом канала распространения информации и целевой аудитории. Деловая репутация, являясь нематериальным активом, существует не в вакууме, а формируется в конкретном информационном поле, поэтому правовая оценка вреда должна учитывать все обстоятельства ее распространения. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в Обзоре практики, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 года [3], истец должен доказать факт распространения порочащих сведений, что особенно сложно сделать при их размещении в сети «Интернет». Однако помимо установления самого факта распространения, суду необходимо оценить масштаб и характер причиненного вреда, который напрямую зависит от того, каким способом и в какой среде эти сведения были обнародованы.

Коммуникативный контекст включает в себя такие параметры, как жанр сообщения (новостная статья, аналитический обзор, потребительский отзыв или комментарий в социальной сети), тип ресурса, на котором оно размещено (авторитетное профильное СМИ, персональный блог, форум с ограниченной аудиторией), а также характеристики адресата — той части общества, которой информация была доведена. Как справедливо отмечается в правовой доктрине, одно и то же высказывание может по-разному восприниматься широкой публикой и узким кругом профессионалов, в связи с чем и вред деловой репутации будет существенно различаться. Утверждение, опубликованное в отраслевом издании, читаемом потенциальными инвесторами и ключевыми партнерами, способно нанести гораздо более значительный ущерб, чем аналогичное по содержанию высказывание на малоизвестной платформе, поскольку оно достигает именно той среды, от которой напрямую зависит экономическое благополучие юридического лица.

Особую значимость анализ коммуникативного контекста приобретает в связи с распространением информации в сети «Интернет». Верховный Суд РФ указал, что использованная ответчиками форма

распространения порочащих сведений в глобальной сети с предоставлением неопределенному и неограниченному числу пользователей свободного доступа к интернет-сайту влечет за собой неограниченную степень распространения порочащих сведений и, как следствие, высокую степень причиненного репутационного вреда. Это означает, что сам по себе канал распространения — общедоступный сайт в сети «Интернет» — рассматривается правоприменителем как фактор, усугубляющий вред, в силу его глобального охвата, скорости распространения информации и сложности полного устранения последствий такого распространения. В данном случае контекст цифровой среды объективно свидетельствует о повышенной опасности для репутации потерпевшего лица.

Таким образом, лингвистическая экспертиза обеспечивает суд объективным, научно обоснованным инструментарием для разрешения сложнейших вопросов, возникающих на стыке права, лингвистики и экономики, обеспечивая тем самым справедливое и состязательное судебное разбирательство по делам, связанным с защитой деловой репутации.

Определение степени диффамационного вреда невозможно без тщательного исследования коммуникативного контекста. Такой подход полностью соответствует принципам, заложенным в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, и способствует осуществлению более точного и индивидуализированного правосудия. Суд, устанавливая размер компенсации или определяя адекватный способ защиты, обязан учитывать не только содержание спорного высказывания, но и обстоятельства, при которых оно было распространено, включая характеристики канала передачи информации и целевой аудитории, что позволяет соразмерно защищать нарушенные права юридического лица в условиях современного информационного общества.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). — 2025. — 24 июня.

2. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 24.02.2005 № 3; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).

3. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).

4. Гордеева К.С. Пределы и гражданско-правовые механизмы защиты чести, достоинства, деловой репутации на примере 152 статьи Гражданского кодекса РФ // Вопросы российской юстиции. 2025. №36. С. 88-100.

5. Бусленко Е.О. Теоретико-правовой анализ судебной защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности // ВЭПС. 2025. №1. С. 161-166.

The importance of linguistic expertise in considering cases on the protection of the business reputation of legal entities

Kasimova O.A.

Moscow financial and industrial university «Synergy»

This article analyzes the key role of linguistic expertise in legal disputes over the protection of the business reputation of legal entities. In the digital economy, where reputational damage can be significant and the meaning of statements is often hidden in the subtext, linguistic expertise serves as a key tool for objectification, shifting the dispute from the emotional realm to scientific analysis and legal qualification. The paper examines in detail the functions of linguistic research, including establishing the true meaning of disputed statements, distinguishing between verifiable facts and value judgments, and identifying implicit (hidden) defamatory meanings. Particular attention is paid to the analysis of the communicative context (genre, distribution channel, target audience), which is a determining factor in assessing the scale of reputational damage. Based on an analysis of current legislation and judicial practice, it is demonstrated that linguistic expertise is an indispensable mechanism for ensuring scientifically sound and fair dispute resolution at the intersection of law, linguistics, and economics.

Keywords: linguistic expertise, business reputation of a legal entity, protection of business reputation, defamation, defamatory information, distinction between fact and opinion, implicit meanings, communicative context, Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation, judicial practice.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on June 24, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1994. — No. 32. — Art. 3301; Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru). — June 24, 2025.
2. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in Resolution of February 24, 2005, No. 3; Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru).
3. Review of the practice of considering cases by courts on disputes on the protection of honor, dignity and business reputation" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 16, 2016) Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru).
4. Gordeeva K.S. Limits and civil-law mechanisms for the protection of honor, dignity, business reputation using the example of Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation // Questions of Russian Justice. 2025. No. 36. pp. 88-100.
5. Buslenko E.O. Theoretical and legal analysis of judicial protection of business reputation of business entities // VEPS. 2025. No. 1. pp. 161-166.

Сравнительно-правовой анализ института защиты по назначению в Российской Федерации и зарубежных странах: пути реформирования

Уразбахтин Альфред Маратович

аспирант, Уфимский университет науки и технологий,
alfred_urazbakhtin@mail.ru

Статья посвящена комплексному сравнительно-правовому исследованию института защиты по назначению. Проводится критический анализ текущего состояния данного института в Российской Федерации, выявляются его системные дисфункции, такие как проблема адвокатов, действующих в интересах следствия, экономическая уязвимость защитников и их процессуальная зависимость от стороны обвинения. Автор рассматривает институт защиты по назначению как фокус пересечения и столкновения частных, публичных и государственных интересов, что порождает глубокие этические и правовые коллизии. В статье детально изучаются организационные, финансовые и правовые основы систем оказания бесплатной юридической помощи по уголовным делам в США, Германии, Англии и Уэльсе. На основе сопоставительного анализа различных моделей (общественные защитники, гибридные системы) выявляются наиболее успешные зарубежные практики. В заключительной части формулируются научно обоснованные рекомендации по имплементации в российскую юрисдикцию передового зарубежного опыта, включая предложения по созданию независимого административного органа, реформированию системы оплаты труда и проведению эксперимента по созданию Службы общественных защитников.

Ключевые слова: защита по назначению, адвокат по назначению, сравнительное правоведение, уголовный процесс, конфликт интересов, бесплатная юридическая помощь, реформа адвокатуры, общественный защитник.

Конституция Российской Федерации в статье 48 провозглашает фундаментальное право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, которая в установленных законом случаях оказывается безвозмездно. Институт защиты по назначению выступает ключевым механизмом реализации данной конституционной гарантии, призванным обеспечить доступ к правосудию для лиц, не имеющих материальной возможности заключить соглашение с адвокатом. Однако, вопреки своей высокой миссии, данный институт в современной России переживает системный кризис, который не только снижает эффективность защиты в конкретных уголовных делах, но и ставит под сомнение легитимность всей системы уголовного правосудия.

Для глубокого понимания природы этого кризиса целесообразно использовать теоретическую рамку конфликта социальных интересов. Адвокат по назначению оказывается в эпицентре столкновения разнонаправленных векторов: **частного интереса** подзащитного в максимальной защите от обвинения, **публичного интереса** общества в справедливом и состязательном правосудии и **государственного интереса**, который на практике часто редуцируется до узковедомственных задач правоохранительных органов по достижению плановых показателей. Именно в этой точке пересечения зарождаются ключевые институциональные дисфункции, являющиеся предметом настоящего исследования. Актуальность темы обусловлена тем, что проблема защитников, фактически сотрудничающих со следствием, экономическая уязвимость адвокатов и их процессуальная зависимость от стороны обвинения превращают гарантированное право в фикцию. В этих условиях обращение к зарубежному опыту становится насущной необходимостью для поиска эффективных моделей реформирования.

Нормативную основу института защиты по назначению составляют положения Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката. Статьи 49 и 50 УПК РФ обязывают дознавателя, следователя и суд обеспечить участие защитника в деле, если он не приглашен самим обвиняемым²¹. При этом оплата труда адвоката по назначению является безусловной обязанностью государства. Однако на практике эти формальные гарантии нивелируются дефектами правоприменения.

²¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 12.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). ст. 4921.

Наиболее острой проблемой является феномен адвокатов, сотрудничающих со следствием, защитников, которые фактически действуют в интересах стороны обвинения, склоняя подзащитных к даче признательных показаний и отказу от обжалования. Причиной этого явления служит не столько этическая недобросовестность отдельных юристов, сколько институциональная зависимость, порожденная, в первую очередь, процедурой назначения защитника и порядком оплаты его труда. В то время как в западных юрисдикциях, например в США, конфликт интересов традиционно понимается как представление адвокатом клиентов с противоречивыми позициями, в России доминирует иной, более глубокий конфликт между профессиональным долгом и неформальным давлением со стороны государства, контролирующего источник дохода защитника.

Фундаментальной причиной уязвимости защитников является их экономическая прекаризация. Низкие и несвоевременно выплачиваемые ставки вознаграждения делают адвокатов экономически зависимыми от должностных лиц, оформляющих документы на оплату. Внедрение автоматизированных информационных систем (АИС) для распределения дел стало важным шагом в борьбе с субъективизмом при выборе адвоката, однако данная мера не устраняет коренную причину проблемы: финансово-административную зависимость защиты от процессуального оппонента²².

Анализ зарубежных систем позволяет выявить альтернативные институциональные решения. **Система Соединенных Штатов Америки** отличается многообразием подходов. На уровне штатов и округов сосуществуют три основные модели: офисы общественных защитников (Public Defender Offices), система назначаемых частных адвокатов (Assigned Counsel) и контрактные системы. Ключевым принципом, закрепленным в стандартах Американской ассоциации юристов (ABA), является независимость функции защиты от судебной и исполнительной власти, для чего создаются специальные независимые комиссии. Несмотря на это, система в США страдает от хронического недофинансирования и чрезмерной нагрузки на защитников, что превращает правосудие в «конвейер»²³. При этом эмпирические данные свидетельствуют, что система общественных защитников часто является более экономически эффективной и достигает лучших процессуальных результатов для клиентов.

Немецкая модель представляет собой «чистую» систему *judicare* (*Pflichtverteidigung*), основанную исключительно на привлечении частнопрактикующих адвокатов. Назначение защитника судом происходит в случаях так называемой «необходимой защиты», перечень которых строго определен законом и обусловлен в первую очередь сложностью дела, а не только имущественным положением

обвиняемого. Финансирование осуществляется из бюджетов федеральных земель, а в случае вынесения обвинительного приговора осужденный, как правило, обязан возместить государству расходы на назначенного ему защитника²⁴.

Гибридная модель Англии и Уэльса сочетает элементы обеих систем. Основная часть юридической помощи оказывается частными юристами, работающими по контрактам с государственным Агентством по юридической помощи (Legal Aid Agency - LAA). Наряду с этим с 2001 года существует и штатная Служба общественных защитников (Public Defender Service - PDS), которая финансируется LAA и работает наравне с частными фирмами²⁵. Опыт Англии и Уэльса также показывает крайнюю уязвимость системы перед политикой жесткой экономии, которая привела к оттоку кадров и снижению качества услуг.

Сравнительный анализ показывает, что российская система, будучи по своей сути моделью *judicare*, страдает от фундаментального дефекта, который в значительной степени преодолен в других юрисдикциях, отсутствия институционального буфера между защитой и стороной обвинения/судом. В США, Англии и Германии, несмотря на все их различия и проблемы, функции администрирования юридической помощи (назначение, оплата, контроль) отделены от органов, осуществляющих уголовное преследование. В России же эти функции исторически были сосредоточены в руках следователей и судей, что и породило системную зависимость.

На основе этого ключевого вывода и анализа лучших зарубежных практик можно сформулировать три основных направления реформирования.

Во-первых, **создание независимого административного органа**. По аналогии с независимыми комиссиями в США или LAA в Англии предлагается создать на уровне субъектов РФ «Центры обеспечения юридической помощи». Эти органы должны взять на себя функции администрирования АИС, централизованного приема документов на оплату и осуществления выплат напрямую адвокатам, что разорвет финансово-административную зависимость защиты от обвинения.

Во-вторых, **реформирование системы оплаты труда**. Опыт всех стран показывает, что адекватное финансирование является залогом качества. Необходимо законодательно закрепить экономически обоснованные, дифференцированные и регулярно индексируемые ставки оплаты труда адвокатов. Финансирование должно стать защищенной статьей федерального бюджета и администрироваться через предложенные независимые Центры.

В-третьих, **создание российской Службы общественных защитников**. Опыт Англии и Уэльса и данные об эффективности американских офисов

²² Волкова С.В., Маздогова З.З. Возмещение процессуальных издержек защитнику по назначению в уголовном судопроизводстве: проблемы и пути решения // Legal Bulletin. 2022. № 3. С. 14

²³ Newman D., Dehaghani R. Criminal legal aid and access to justice: an empirical account of a reduction in resilience // Journal of Law and Society. 2021. Vol. 48, Issue 2. P. 248

²⁴ Roxin C., Schünemann B. Strafverfahrensrecht. 29. Auflage. C.H. Beck, 2017. P. 601

²⁵ The future of legal aid: House of Commons Justice Committee Report // UK Parliament. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm5802/cmselect/cmjust/70/7005.htm> (дата обращения: 03.10.2025).

PD говорят в пользу диверсификации организационной модели. Предлагается провести законодательный эксперимент по созданию в нескольких регионах РФ штатной, финансируемой из федерального бюджета Службы общественных защитников. Такая служба сможет стать эталоном качества, центром повышения квалификации и институциональным противовесом, способным эффективно оспаривать системные нарушения прав граждан.

Проведенный анализ показал, что кризис института защиты по назначению в России носит системный характер и порожден дефектами институционального дизайна, создающими зависимость защиты от стороны обвинения. Зарубежный опыт предлагает эффективные решения, направленные на обеспечение реальной независимости и качества защиты. Комплексная стратегия реформ для РФ должна включать три элемента: создание независимого административного органа для администрирования системы, реформирование системы оплаты труда для обеспечения экономической независимости адвокатов и внедрение гибридной организационной модели путем создания Службы общественных защитников. Реализация этих мер будет способствовать укреплению принципа состязательности, повышению доверия к российскому правосудию и более полной реализации конституционного права граждан на квалифицированную юридическую помощь.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.10.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 12.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). ст. 4921.
3. О выплате вознаграждения адвокату по назначению за дни фактической работы вне рамок процессуальных // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/o-vyplate-voznagrashdeniya-advokatu-po-naznacheniyu-za-dni-fakticheskoy-raboty-vne-ramok-protsessual/> (дата обращения: 03.10.2025).
4. Hashimoto E. The Price of Indigent Defense: The Role of the Private Bar in Providing Legal Services to the Poor // Michigan Law School Repository. Book Chapters. 2010. P. 12-18. [Электронный ресурс]. URL: https://repository.law.umich.edu/book_chapters/111 (дата обращения: 03.10.2025).
5. Волкова С.В., Маздогова З.З. Возмещение процессуальных издержек защитнику по назначению в уголовном судопроизводстве: проблемы и пути решения // Legal Bulletin. 2022. № 3. С. 10-14.
6. Joe O. Structuring the Public Defender // Iowa Law Review. 2020. Vol. 106. P. 113-158. [Электронный ресурс]. URL: <https://ilr.law.uiowa.edu/print/volume-106-issue-1/structuring-the-public-defender/> (дата обращения: 03.10.2025).
7. Kilian M. Legal Aid In Germany // International Legal Aid Group. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.internationallegalaidgroup.org/index.php/papers-publications/category/11-national-reports?download=40:germany2011> (дата обращения: 03.10.2025).
8. Roxin C., Schünemann B. Strafverfahrensrecht. 29. Auflage. C.H. Beck, 2017. 580 p.
9. The future of legal aid: House of Commons Justice Committee Report // UK Parliament. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm5802/cmselect/cmjust/70/7005.htm> (дата обращения: 03.10.2025).
10. What is the Public Defender Service? // Public Defender Service. [Электронный ресурс]. URL: <https://publicdefenderservice.org.uk/what-is-public-defender-service/> (дата обращения: 03.10.2025).
11. Newman D., Dehaghani R. Criminal legal aid and access to justice: an empirical account of a reduction in resilience // Journal of Law and Society. 2021. Vol. 48, Issue 2. P. 245-269.

Comparative legal analysis of the institute of appointed defense in the Russian Federation and foreign countries: ways of reform Urazbakhtin A.M.

Ufa University of Science and Technology

The article is dedicated to a comprehensive comparative legal study of the institute of appointed defense. A critical analysis of the current state of this institute in the Russian Federation is carried out, identifying its systemic dysfunctions, such as the problem of lawyers acting in the interests of the investigation, the economic vulnerability of defenders, and their procedural dependence on the prosecution. The author considers the institute of appointed defense as a focal point where private, public, and state interests intersect and collide, giving rise to profound ethical and legal conflicts. The article examines in detail the organizational, financial, and legal foundations of systems for providing free legal aid in criminal cases in the USA, Germany, and England and Wales. Based on a comparative analysis of various models (public defenders, judiciary, hybrid systems), the most successful foreign practices are identified. The final part formulates scientifically grounded recommendations for implementing advanced foreign experience into Russian jurisdiction, including proposals for creating an independent administrative body, reforming the remuneration system, and conducting an experiment to establish a Public Defender Service.

Keywords: appointed defense, assigned counsel, comparative law, criminal procedure, conflict of interests, legal aid, bar reform, public defender.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet Portal of Legal Information. [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 03.10.2025).
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 12.07.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.
3. On the Payment of Remuneration to an Appointed Attorney for Days of Actual Work Outside the Framework of Procedural Matters // Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/o-vyplate-voznagrashdeniya-advokatu-po-naznacheniyu-za-dni-fakticheskoy-raboty-vne-ramok-protsessual/> (accessed: 03.10.2025).
4. Hashimoto E. The Price of Indigent Defense: The Role of the Private Bar in Providing Legal Services to the Poor // Michigan Law School Repository. Book Chapters. 2010. Pp. 12-18. [Electronic resource]. URL: https://repository.law.umich.edu/book_chapters/111 (accessed: 03.10.2025).
5. Volkova S.V., Mazdagova Z.Z. Reimbursement of procedural costs to a public defender in criminal proceedings: problems and solutions // Legal Bulletin. 2022. No. 3. pp. 10-14.
6. Joe O. Structuring the Public Defender // Iowa Law Review. 2020. Vol. 106. pp. 113-158. [Electronic resource]. URL: <https://ilr.law.uiowa.edu/print/volume-106-issue-1/structuring-the-public-defender/> (date accessed: 03.10.2025).
7. Kilian M. Legal Aid In Germany // International Legal Aid Group. 2011. [Electronic resource]. URL: <http://www.internationallegalaidgroup.org/index.php/papers-publications/category/11-national-reports?download=40:germany2011> (date accessed: 03.10.2025).

publications/category/11-national-reports?download=40:germany2011
(accessed: 03.10.2025).

8. Roxin C., Schünemann B. Strafverfahrensrecht. 29. Auflage. C.H. Beck, 2017. 580 p.
9. The future of legal aid: House of Commons Justice Committee Report // UK Parliament. 2021. [Electronic resource]. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm5802/cmselect/crnjust/70/7005.htm>

m (accessed: 03.10.2025).

10. What is the Public Defender Service? // Public Defender Service. [Electronic resource]. URL: <https://publicdefenderservice.org.uk/what-is-public-defender-service/> (accessed 10/03/2025).
11. Newman D., Dehaghani R. Criminal legal aid and access to justice: an empirical account of a reduction in resilience // Journal of Law and Society. 2021. Vol. 48, Issue 2. P. 245-269.

Проблемы учения о неоконченном преступлении в уголовном праве РФ

Борисевич Михаил Михайлович

канд. юрид. наук, профессор, кафедра юриспруденции, Московского Международного университета, rat4810@mail.ru

Пяткевич Иван Николаевич

канд. юрид. наук, доцент, кафедра юриспруденции Московского Международного университета, i.pyatkevich@yandex.ru

Статья посвящена доктринальным и прикладным трудностям учения о неоконченном преступлении в уголовном праве РФ. Актуальность обусловлена разнонаправленностью квалификационных подходов и ростом цифровых форм посягательств. Новизна выражена в трехступенчатом тесте разграничения приготовления и покушения, в двойной координатной схеме оценки негодного покушения и в наборе «квалификационных карточек» по типовым составам. В рамках работы описаны критерии «непосредственной направленности», режим усеченных, продолжаемых и длящихся моделей, границы добровольного отказа и соотношение с деятельным раскаянием. Изучены ошибки в личности и подмене объекта, влияние формы вины и типа состава на стадийность и санкционирование. Особое внимание уделено доказательственным стандартам и редакции терминологии. Работа ставит цель выстроить проверяемый алгоритм квалификации. Для ее решения применены сравнительный и догматический анализ, обобщение судебных сценариев, систематизация доктрины. В заключении сформулированы практические ориентиры для следствия, суда и защиты. Материал охватывает публикации 2021–2025 годов, что исключает устаревшие конструкции и усиливает прикладную ценность. Выводы пригодны для учебных курсов, практики.

Ключевые слова: неоконченное преступление, приготовление, покушение, добровольный отказ, ошибка в личности, подмена объекта, негодное покушение, усеченный состав, продолжаемое деяние, санкционирование.

Введение

Дискуссии о границах стадий посягательства приводят к неодинаковой квалификации однотипных фактов в следственной и судебной практике, особенно при цифровых схемах хищений, информационных деликтах и составах со сложной диспозицией. Цель исследования — предложить проверяемый алгоритм квалификации неоконченной преступной деятельности, совместимый с действующей догматикой и пригодный для практики. Задачи:

1) уточнить признаки перехода от приготовления к покушению через трехступенчатый тест и учёт конструкции состава;

2) разнести добровольный отказ и деятельное раскаяние, описать критерии для индивидуальных и соучастных ситуаций;

3) прояснить влияние ошибки в личности и подмены объекта, формы вины, вида состава и дать ориентиры по санкционированию.

Новизна выражена в системном связывании диспозиционно значимых действий с доказательственным стандартом, в координатной модели для негодного покушения (адресация посягательства и пригодность средства) и в формате «квалификационных карточек» для типовых составов.

Материалы и методы

Эмпирическую основу составили научные публикации последних лет; цель — сопоставить подходы к стадиям, вине, ошибкам и санкционированию. И.М. Исрафилов исследует правовую природу и условия правомерности добровольного отказа [1]; Н.А. Карпова формулирует общие и частные правила квалификации неоконченной деятельности [2]; С.М. Кочои разграничивает деятельное раскаяние и добровольный отказ в нормах о террористических преступлениях [3]; В.Ф. Лапшин и Р.В. Килимбаев обсуждают гуманизацию закона применительно к неоконченному деянию [4]; А.И. Лесная описывает особенности квалификации приготовления и покушения [5]; С.В. Маликов систематизирует проблемы теории и практики [6]; Ю.В. Свиридов анализирует толкование и правоприменение добровольного отказа [7]; Р.С. Черенцов разбирает квалификацию при ошибке в личности потерпевшего [8]; Е.А. Чертищева рассматривает ответственность за покушение [9]; В.Н. Шиханов предлагает конструкционистский подход к неоконченному преступлению [10].

Методы: сравнительный и формально-юридический анализ, изучение источников, казуистический обзор судебных сценариев, систематизация доктрины.

Результаты

Фиксируется устойчивая разобщённость в трактовках границ неоконченной преступной деятельно-

сти: часть работ сводит её к дихотомии «приготовление — покушение», другая группа описывает переходные конфигурации, где «непосредственность» посягательства колеблется в зависимости от вида состава и структуры умысла. В доктринальных обзорах подчёркнут разнородный набор критериев «непосредственной направленности», что порождает разноуровневые тесты для отделения приготовления от покушения [2; 10]. В практике и в учебно-методических публикациях регулярно встречаются пограничные ситуации, где одни и те же действия квалифицируются по-разному при смене точки отсчёта: по моменту входа в объективную сторону, по угрозе наступления результата либо по фактической близости к завершению деяния [5; 9].

Разграничение приготовления и покушения описывается на минимум три проверочных вопроса:

- 1) создан ли набор условий без входа в объективную сторону;
- 2) начата ли реализация признаков объективной стороны;
- 3) зависел ли срыв результата от внешних причин, а не от воли лица.

Обзорные тексты по квалификации прямо указывают: формула «создание условий» сама по себе не задаёт единый стандарт, требуется обращение к структуре конкретного состава, в том числе к усечённым моделям и составам со сложной конструкцией действий [2; 5; 10]. При усечённых составах стадия покушения нередко отсутствует, что корреспондирует позициям прикладных работ по квалификации и кратких практико-ориентированных статей [5; 9; 10].

Типология покушения сохраняет спорность. Конструкции «оконченное/неоконченное», «годное/негодное» используются параллельно, что тянет за собой различия в назначении наказания и в содержании вменяемого вреда [9; 10]. В прикладных публикациях подчёркнута уязвимость критерия «негодности объекта/средства»: подмена объекта влечёт иные последствия по сравнению с дефектом средства, а привязка к «ошибке» требует отдельного анализа установленных обвинением признаков предмета посягательства [9]. Более развёрнутые теоретические тексты предлагают сочетать формально-объективный и субъективный подходы, но отмечают риск смешения предметной ошибки с покушением, что даёт противоречивые разграничения на практике [10].

Добровольный отказ стабильно формирует зону терминологических и прикладных колебаний: критерии добровольности и окончательности трактуются по-разному, остаётся неустойчивой грань с деятельным раскаянием. Правовые обзоры последних лет фиксируют: спонтанная смена мотива со страхом разоблачения не образует добровольности; прекращение при объективной невозможности доведения до конца не ведёт к освобождению; окончательный отказ оценочно исключает дальнейшее стремление к результату [1; 6; 7]. В работах по разграничению добровольного отказа и деятельного раскаяния подчёркивается разный юридический эффект: в первом

случае исключается ответственность за незавершённое посягательство, во втором — речь идёт о постфактум компенсационных действиях в пределах вины [6; 7]. Для частичного отказа соучастника в учебно-практических источниках предложено тестировать причинную «развязку» с общим планом и отсутствие стимулирования иных участников к доведению деяния до конца [1; 6].

Ошибки в объекте и в личности потерпевшего формируют самостоятельный узел квалификационных расхождений при неоконченной деятельности. Подмена объекта меняет юридическое качество посягательства (например, смешение объекта «жизнь любого человека» и посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа), что тянет иную правовую оценку по направленности умысла; простая ошибка в личности в составах без специального признака потерпевшего, напротив, не влияет на квалификацию [8]. В научных публикациях с примерами из судебных актов прослеживается одно и то же правило: при «промахе по личности» оценка держится на изначально избранной цели и на наличии/отсутствии специального статуса жертвы; в пограничных ситуациях с групповой деятельностью разграничение проводится через распределение ролей и описание коммуникации между участниками [8].

Составы с альтернативными действиями, продолжаемые и длящиеся деликты задают особые линии сбоев при установлении стадии. В разборах квалификации подчёркнуто: альтернативность действий способна «маскировать» переход от приготовления к покушению, когда часть альтернатив уже реализована, а оставшиеся — ещё на уровне создания условий; для продолжаемых деяний серия однородных эпизодов влечёт иной старт «непосредственности» — по первому эпизоду, входящему в объективную сторону; для длящихся деяний привязка идёт к моменту начала противоправного состояния, что исключает выделение покушения [2; 6; 10]. При этом усечённые конструкции (например, бандитизм) допускают трёхзвенную стадильность по разъяснениям, цитируемым в прикладной литературе, — с практической оговоркой, что «покушение» фиксируется через шаги к созданию устойчивого вооружённого объединения [5].

Материальные и формальные составы ведут к разным критериям завершённости: для материальных — по наступлению результата; для формальных — по выполнению действия. Соответственно, «непосредственность» в материальных составах соотносится с началом причинения вреда либо с объективной угрозой его наступления, в формальных — с входом в действие, описанное диспозицией. Отсюда — неодинаковое наполнение «непосредственной направленности» и неустойчивость оценок при одинаковых фактических шагах (например, при хищениях, экологических деликтах, преступлениях со сложной последовательностью актов) [2; 5; 10]. Практико-ориентированные статьи фиксируют совпадающий вывод для сокращённых составов: стадия покушения прослеживается реже, чем для материальных моделей [5; 9; 10].

Наказуемость стадий и выбор санкции при покушении поднимают пласт проблем соразмерности. В студенческих и обзорных работах отмечается: единый стандарт «на один уровень мягче» не охватывает разницу между оконченным и неоконченным покушением, годным и негодным, частичной реализацией умысла и «перенаправлением» на иной результат. Предлагаются градуированные модели учёта фактического вреда, длины причинной цепи и «дистанции» до результата, что снижает риск дисбаланса между превенцией и индивидуализацией наказания [9; 10].

Смена формы вины и её связь со стадиями даёт ещё один источник расхождений. В ряде текстов подчеркивается недопустимость конструирования покушения при косвенном умысле; аргументация строится на отсутствии желаемого результата как цели поведения. Отсюда — отказ от «покушения по неосторожности» и акцент на точной формуле умысла в обвинении [5]. Для составов с несколькими объектами посягательства анализ советует документировать направленность умысла на каждый объект в отдельности, иначе возрастает риск смешения стадий и оконченной модели ответственности по фактически наступившим последствиям [2; 10].

Сводные выводы для практики квалификации в научных источниках последних лет повторяемы:

1) точка перехода к покушению формируется не общим правилом, а структурой конкретного состава и описанием объективной стороны [2; 10];

2) добровольный отказ исключает ответственность за незавершённое посягательство лишь при подлинной самостоятельности решения и отсутствии объективной невозможности доведения до конца [1; 6; 7];

3) ошибки в личности нейтральны для квалификации, если состав не содержит специального признака потерпевшего; подмена объекта, напротив, меняет юридическую оценку [8];

4) для усечённых, продолжаемых и длящихся моделей стадийность настраивается диспозицией нормы и разъяснениями высших судов, что обязывает связывать «непосредственность» не с абстрактной близостью результата, а с началом реализации конструкции состава [2; 5; 10].

Обсуждение

Формула «непосредственной направленности» давно превратилась в главный фильтр между приготовлением и покушением, но единый критерий так и не сложился. Для практической квалификации продуктивно опираться на трёхступенчатый тест:

а) создан ли комплекс условий без входа в диспозиционное действие;

б) начата ли реализация признаков объективной стороны;

в) сорвалось ли достижение результата по внешним причинам.

Тест позволяет устранить типичную подмену: оценка «близости» к завершению сама по себе ничему не служит, если не показан вход в юридически описанное действие. Для материальных составов

индикатором выступает начало причинения вреда либо формирование объективной угрозы его наступления; для формальных — первый акт поведения, прямо описанный нормой. При усечённых моделях отправной точкой служит конструкция диспозиции: стадия покушения фиксируется реже, так как значительная часть общественной опасности абсорбирована законодателем в ранний момент.

Разброс позиций по типологии покушения удерживается вокруг двух линий: «оконченное — неоконченное» и «годное — негодное». Наказуемость и пределы индивидуализации зависят от выбора рамки анализа. Негодность по объекту и негодность по средству дают разные правовые следствия. Подмена объекта влечёт смещение юридической оценки по направленности умысла, тогда как дефект средства выводит на иные шкалы опасности и виновности. Подход, сводящий любую ошибку к «невозможности», заглушает различия и порождает несоразмерность санкций. Корректнее разносить случаи по двум координатам: а) правильность адресации посягательства (объект/личность); б) пригодность инструмента. Первая координата отвечает за квалификацию, вторая — за объём наказания.

Добровольный отказ остаётся зоной терминологических колебаний. В правоприменении путают мотивированный отказ с прекращением, вызванным страхом разоблачения или объективной невозможностью доведения до конца. Рабочая формула для судов и следствия: добровольность читается через автономию решения и отсутствие принуждающих внешних обстоятельств; окончательность — через фактическое отключение субъекта от причинной цепи. Для соучастия требуется дополнительный шаг — доказать «развязку» общего плана: отсутствие стимулирования иных лиц, предпринятые действия по пресечению доведения деяния до конца, прекращение информационного и организационного содействия. Граница с деятельным раскаянием проходит по моменту: отказ действует до завершения стадии, раскаяние — после наступления последствий или их реальной угрозы.

Особый пласт составляют продолжаемые и длящиеся правонарушения. Для продолжаемых деяний критерий «непосредственности» не сводится к последнему эпизоду; точка входа совпадает с первым актом, который содержит элементы объективной стороны. Для длящихся деяний старт противоправного состояния перекрывает возможность выделить покушение: диспозиция связывает ответственность с возникновением состояния, а не с наступлением результата. Альтернативные действия (когда норма перечисляет несколько способов) создают иллюзию «неполноты» реализации, хотя фактически переход к покушению свершился в момент исполнения одного из альтернативных актов. Для экспертов по квалификации здесь полезен приём «минимальной достаточности»: достаточно ли уже совершённого для признания входа в диспозицию без оглядки на другие альтернативы.

Дискуссия о форме вины и стадиях посягательства требует точного разграничения. Конструирование покушения при косвенном умысле приводит к

логическому конфликту: волевой вектор поведения не нацелен на достижение результата, следовательно, нет «направления к цели», без которого покушение теряет смысл. Для составов с несколькими объектами посягательства необходимо разнести волевой вектор по каждому объекту отдельно, иначе квалификация «проваливается» в модель ответственности по фактически наступившим последствиям и теряет связь со стадией.

Санкционирование стадий нуждается в более тонкой градации, чем простая редукция наказания на «один уровень». Разумная модель учитывает:

- 1) фактический вред и реальную угрозу;
- 2) длину оставшейся причинной цепи до результата;
- 3) степень контроля над внешними обстоятельствами;
- 4) устойчивость умысла и интенсивность действий.

Такая шкала уводит от двух крайностей — от криминализации ранних подготовительных шагов и от чрезмерного смягчения, нивелирующего превентивный эффект нормы. Для негодного покушения по средству уместно ориентироваться на понижающий коэффициент при отсутствии вреда и короткой причинной цепи, а для ошибочной адресации по объекту — смещать акцент в сторону квалификации, поскольку умысел направлен на иной правовой объект.

На уровне доказательственного стандарта полезно фиксировать четыре группы обстоятельств прямо в тексте обвинительного заключения и приговора:

- а) диспозиционно значимые действия (что именно было сделано, со ссылкой на формулу нормы);
- б) срыв результата и его источники (внешние факторы против воли субъекта);
- в) структура умысла (цель, образ результата, осознание признаков объекта);
- г) признаки добровольного отказа при наличии такого поведения (временной срез, автономность решения, меры по предотвращению доведения деяния до конца).

Такая разметка снижает риск подменить стадийность оценками «опасности вообще» и делает выводы проверяемыми.

Практика квалификационных ошибок концентрируется вокруг однотипных сценариев. Первый — использование «близости к результату» вместо входа в диспозицию; лечится прямой связкой фактов с текстом нормы. Второй — смешение ошибки в личности с подменой объекта; решается проверкой специального статуса потерпевшего и конструкцией состава. Третий — автоматическая сноска на «отказ» при наличии внешнего препятствия; здесь нужен разворот мотивов и контроль за объективной возможностью продолжения. Четвёртый — игнорирование особенностей усечённых и длящихся моделей; предотвращается предварительной квалификационной матрицей по типам составов.

Полезно задать единый словарь для спорных категорий. Под «непосредственной направленностью» разумно понимать начало исполнения действия, описанного диспозицией, либо создание непосредственной угрозы наступления результата для материальных составов. Под «созданием условий» — подготовительные шаги, которые не содержат элементов диспозиции и не образуют непосредственной угрозы. Под «ошибкой в личности» — неверная индивидуализация лица без юридически значимых признаков, влияющих на квалификацию; под «подменой объекта» — направленность на иной охраняемый интерес, чем тот, что указан в норме или в обвинении. Под «добровольным отказом» — автономное прекращение действий до завершения стадии с объективной возможностью продолжения и реальными усилиями по разрыву причинной цепи.

С учётом цифровизации типичных схем посягательств требуется учёт новых форм входа в диспозицию. При безналичных схемах хищения первый юридически значимый шаг — инициирование списания, а не подготовка инфраструктуры доступа; при преступлениях с незаконным оборотом информации — передача сведений адресату либо запуск технической процедуры их вывода; при киберсоставляющей террористических и экстремистских деяний — публикация или адресная рассылка, предусмотренная нормой, а не разработка программных инструментов. Такая оптика удерживает границы стадий и одновременно сохраняет превентивную функцию закона.

Для обучения практикующих юристов полезно вводить «квалификационные карточки» по частым составам: краткий чек-лист диспозиционных действий, типичные внешние причины срыва, маркеры добровольного отказа, ошибки адресации объекта, ориентиры по санкциям с учётом дистанции до результата. Карточки удобны для внутреннего контроля качества обвинительных актов и судебных решений; они помогают выстроить единообразие без расширительного толкования.

Наконец, требуются точечные редакционные правки терминологии в учебных и научных материалах. Следует избегать расплывчатых формул вроде «намеревался довести до конца», если по делу не установлено ни одного диспозиционного действия; корректнее писать «совершил действия, описанные нормой/не совершил». Термин «негодное покушение» оправдан лишь при явной непригодности средства или полной отсутствующей возможности достижения результата; к ошибке в личности он не относится. Формула про «непосредственную близость» уместна только как вспомогательный индикатор для материальных составов, где угроза результата осязаема; для формальных моделей она подменяет юридическую мерку фактической оценкой «почти сделал».

Предложенный набор ориентиров выстраивает последовательную логику: от диспозиции — к фактам, от фактов — к стадии, от стадии — к санкции. Там, где конструкция нормы содержит несколько альтернативных действий, применяется приём ми-

нимальной достаточности; там, где в деле фигурируют ошибки адресации или средства, квалификация разводится по двум координатам; там, где заявлен отказ, проверяются автономность решения и объективная возможность продолжения. Такой порядок снимает большую часть спорных ситуаций без расширения уголовной репрессии и без потери индивидуализации наказания.

Заключение

Переход к покушению фиксируется входом в диспозиционно значимое действие либо созданием непосредственной угрозы результата для материальных моделей; простая «близость» к окончанию без связи с диспозицией не образует стадию. Добровольный отказ освобождает от ответственности при автономности решения, объективной возможности продолжения и фактическом разрыве причинной цепи; разграничение с деятельным раскаянием проходит по моменту и юридическому эффекту. Ошибка в личности нейтральна для квалификации при отсутствии специальных признаков потерпевшего, подмена объекта меняет оценку направленности умысла. Для усечённых, продолжаемых и длящихся моделей стадийность калибруется диспозицией: покушение встречается реже либо исключается. Санкционирование требует градации с учётом фактического вреда, длины оставшейся причинной цепи, контроля над внешними обстоятельствами и устойчивости умысла; для негодного покушения по средству оправдан понижающий подход. Предложенные тест, координатная схема и «квалификационные карточки» формируют удобный алгоритм, пригодный для следствия, суда, защиты и преподавания.

Литература

- Исрафилов И. М. Добровольный отказ от доведения преступления до конца: правовая природа и условия правомерности // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 2 (52). С. 101–105.
- Карпова Н. А. Общие и частные правила квалификации неоконченного преступления // Московский юридический журнал. 2022. № 4. С. 126–132.
- Кочои С. М. Деятельное раскаяние и добровольный отказ в примечаниях к статьям УК РФ о террористических преступлениях: основания применения // Lex Russica. 2024. № 77 (6). С. 69–82. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.069-082.
- Лапшин В. Ф., Килимбаев Р. В. Неоконченное преступление как объект гуманизации российского уголовного законодательства // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1. С. 173–184.
- Лесная А. И. Особенности квалификации приготовления к преступлению и покушения на преступление // Молодой ученый. 2024. № 31 (530). С. 51–52.
- Маликов С. В. Неоконченное преступление: проблемы теории и практики // Право и управление. 2023. № 2. С. 194–201. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-2-194-201.
- Свиридов Ю. В. Проблемы толкования и правоприменения добровольного отказа от преступления // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13. № 1. С. 117–126. DOI: 10.35266/2949-3455-2025-1-13.
- Черенцов Р. С. Квалификация деяний при наличии ошибки в личности потерпевшего // Актуальные исследования. 2025. № 20 (255). Ч. II. С. 90–92.
- Чертищева Е. А. Покушение на преступление и ответственность за него по российскому Уголовному кодексу // Молодой ученый. 2024. № 18 (517). С. 289–291.
- Шиханов В. Н. Неоконченное преступление в уголовном праве: перспективы конструкционистского подхода // Lex Russica. 2024. Т. 77. № 1 (206). С. 54–66. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.054-066.

Problems of the theory of unfinished crime in russian federation criminal law

Borisevich M.M., Pyatkevich I.N.

Moscow International University

This article examines the doctrinal and practical challenges of the doctrine of unfinished crime in Russian criminal law. Its relevance stems from the diversity of qualification approaches and the growth of digital forms of offenses. Its novelty lies in the three-stage test for distinguishing between preparation and attempt, the dual coordinate system for assessing a failed attempt, and the set of "qualification cards" for typical offenses. The article describes the criteria of "direct focus," the regime of truncated, continued, and continuous models, the boundaries of voluntary renunciation, and its relationship with active repentance. Errors of identity and substitution of object, the influence of the form of guilt and the type of offense on staging and sanctioning are examined. Particular attention is paid to evidentiary standards and the revision of terminology. The article aims to develop a testable qualification algorithm. The material covers publications from 2021–2025, eliminating outdated concepts and enhancing its practical value. The conclusions are suitable for training courses and practice.

Keywords: unfinished crime, preparation, attempt, voluntary abandonment, mistaken identity, substitution of object, unfit attempt, truncated elements, continuing act, sanctioning.

References

- Israfilov, I. M. Voluntary Refusal to Complete a Crime: Legal Nature and Conditions of Legality // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2023. No. 2 (52). pp. 101–105.
- Karpova, N. A. General and Specific Rules for Qualifying an Unfinished Crime // Moscow Law Journal. 2022. No. 4. pp. 126–132.
- Kochoi, S. M. Active Repentance and Voluntary Refusal in the Notes to Articles of the Criminal Code of the Russian Federation on Terrorist Crimes: Grounds for Application // Lex Russica. 2024. No. 77 (6). pp. 69–82. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.069-082.
- Lapshin, V. F., Kilimbaev, R. V. "Unfinished Crime as an Object of Humanization of Russian Criminal Legislation" // Law Enforcement. 2021. Vol. 5. No. 1. pp. 173–184.
- Lesnaya, A. I. "Characteristics of Qualifying Preparation for a Crime and Attempted Crime" // Young Scientist. 2024. No. 31 (530). pp. 51–52.
- Malikov, S. V. "Unfinished Crime: Problems of Theory and Practice" // Law and Management. 2023. No. 2. pp. 194–201. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-2-194-201.
- Sviridov, Yu. V. "Problems of Interpretation and Law Enforcement of Voluntary Abandonment of a Crime" // Bulletin of Surgut State University. 2025. Vol. 13. No. 1. Pp. 117–126. DOI: 10.35266/2949-3455-2025-1-13.
- Cherentsov R. S. Qualification of Acts in the Presence of an Error in the Identity of the Victim // Current Research. 2025. No. 20 (255). Part II. Pp. 90–92.
- Chertischeva E. A. Attempted Crime and Liability for It under the Russian Criminal Code // Young Scientist. 2024. No. 18 (517). Pp. 289–291.
- Shikhanov V. N. Unfinished Crime in Criminal Law: Prospects of the Constructionist Approach // Lex Russica. 2024. Vol. 77. No. 1 (206). pp. 54–66. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.054-066.

Проблемы учения о неоконченном преступлении в уголовном праве РФ

Борисевич Михаил Михайлович

канд. юрид. наук, профессор, кафедра юриспруденции, Московского Международного университета, rat4810@mail.ru

Пяткевич Иван Николаевич

канд. юрид. наук, доцент, кафедра юриспруденции Московского Международного университета, i.pyatckevich@yandex.ru

Статья посвящена доктринальным и прикладным трудностям учения о неоконченном преступлении в уголовном праве РФ. Актуальность обусловлена разнонаправленностью квалификационных подходов и ростом цифровых форм посягательств. Новизна выражена в трехступенчатом тесте разграничения приготовления и покушения, в двойной координатной схеме оценки негодного покушения и в наборе «квалификационных карточек» по типовым составам. В рамках работы описаны критерии «непосредственной направленности», режим усеченных, продолжаемых и длящихся моделей, границы добровольного отказа и соотношение с деятельным раскаянием. Изучены ошибки в личности и подмене объекта, влияние формы вины и типа состава на стадийность и санкционирование. Особое внимание уделено доказательственным стандартам и редакции терминологии. Работа ставит цель выстроить проверяемый алгоритм квалификации. Для ее решения применены сравнительный и догматический анализ, обобщение судебных сценариев, систематизация доктрины. В заключении сформулированы практические ориентиры для следствия, суда и защиты. Материал охватывает публикации 2021–2025 годов, что исключает устаревшие конструкции и усиливает прикладную ценность. Выводы пригодны для учебных курсов, практики.

Ключевые слова: неоконченное преступление, приготовление, покушение, добровольный отказ, ошибка в личности, подмена объекта, негодное покушение, усеченный состав, продолжаемое деяние, санкционирование.

Введение

Дискуссии о границах стадий посягательства приводят к неодинаковой квалификации однотипных фактов в следственной и судебной практике, особенно при цифровых схемах хищений, информационных деликтах и составах со сложной диспозицией. Цель исследования — предложить проверяемый алгоритм квалификации неоконченной преступной деятельности, совместимый с действующей догматикой и пригодный для практики. Задачи:

4) уточнить признаки перехода от приготовления к покушению через трехступенчатый тест и учёт конструкции состава;

5) разнести добровольный отказ и деятельное раскаяние, описать критерии для индивидуальных и соучастных ситуаций;

6) прояснить влияние ошибки в личности и подмены объекта, формы вины, вида состава и дать ориентиры по санкционированию.

Новизна выражена в системном связывании диспозиционно значимых действий с доказательственным стандартом, в координатной модели для негодного покушения (адресация посягательства и пригодность средства) и в формате «квалификационных карточек» для типовых составов.

Материалы и методы

Эмпирическую основу составили научные публикации последних лет; цель — сопоставить подходы к стадиям, вине, ошибкам и санкционированию. И.М. Исрафилов исследует правовую природу и условия правомерности добровольного отказа [1]; Н.А. Карпова формулирует общие и частные правила квалификации неоконченной деятельности [2]; С.М. Кочои разграничивает деятельное раскаяние и добровольный отказ в нормах о террористических преступлениях [3]; В.Ф. Лапшин и Р.В. Килимбаев обсуждают гуманизацию закона применительно к неоконченному деянию [4]; А.И. Лесная описывает особенности квалификации приготовления и покушения [5]; С.В. Маликов систематизирует проблемы теории и практики [6]; Ю.В. Свиридов анализирует толкование и правоприменение добровольного отказа [7]; Р.С. Черенцов разбирает квалификацию при ошибке в личности потерпевшего [8]; Е.А. Чертищева рассматривает ответственность за покушение [9]; В.Н. Шиханов предлагает конструкционистский подход к неоконченному преступлению [10].

Методы: сравнительный и формально-юридический анализ, изучение источников, казуистический обзор судебных сценариев, систематизация доктрины.

Результаты

Фиксируется устойчивая разобщённость в трактовках границ неоконченной преступной деятельности: часть работ сводит её к дихотомии «приготовление — покушение», другая группа описывает переходные конфигурации, где «непосредственность» посягательства колеблется в зависимости от вида состава и структуры умысла. В доктринальных обзорах подчёркнут разнородный набор критериев «непосредственной направленности», что порождает разноуровневые тесты для отделения приготовления от покушения [2; 10]. В практике и в учебно-методических публикациях регулярно встречаются пограничные ситуации, где одни и те же действия квалифицируются по-разному при смене точки отсчёта: по моменту входа в объективную сторону, по угрозе наступления результата либо по фактической близости к завершению деяния [5; 9].

Разграничение приготовления и покушения опирается на минимум три проверочных вопроса:

- 1) создан ли набор условий без входа в объективную сторону;
- 2) начата ли реализация признаков объективной стороны;
- 3) зависел ли срыв результата от внешних причин, а не от воли лица.

Обзорные тексты по квалификации прямо указывают: формула «создание условий» сама по себе не задаёт единый стандарт, требуется обращение к структуре конкретного состава, в том числе к усечённым моделям и составам со сложной конструкцией действий [2; 5; 10]. При усечённых составах стадия покушения нередко отсутствует, что корреспондирует позициям прикладных работ по квалификации и кратких практико-ориентированных статей [5; 9; 10].

Типология покушения сохраняет спорность. Конструкции «оконченное/неоконченное», «годное/негодное» используются параллельно, что тянет за собой различия в назначении наказания и в содержании вменяемого вреда [9; 10]. В прикладных публикациях подчёркнута уязвимость критерия «негодности объекта/средства»: подмена объекта влечёт иные последствия по сравнению с дефектом средства, а привязка к «ошибке» требует отдельного анализа установленных обвинением признаков предмета посягательства [9]. Более развёрнутые теоретические тексты предлагают сочетать формально-объективный и субъективный подходы, но отмечают риск смешения предметной ошибки с покушением, что даёт противоречивые разграничения на практике [10].

Добровольный отказ стабильно формирует зону терминологических и прикладных колебаний: критерии добровольности и окончательности трактуются по-разному, остаётся неустойчивой грань с деятельным раскаянием. Правовые обзоры последних лет фиксируют: спонтанная смена мотива со страхом разоблачения не образует добровольность; прекращение при объективной невозможности доведения до конца не ведёт к освобождению; окончательный отказ оценочно исключает дальнейшее стремление к результату [1; 6; 7]. В работах по разграничению

добровольного отказа и деятельного раскаяния подчёркивается разный юридический эффект: в первом случае исключается ответственность за незавершённое посягательство, во втором — речь идёт о постфактум компенсационных действиях в пределах вины [6; 7]. Для частичного отказа соучастника в учебно-практических источниках предложено тестировать причинную «развязку» с общим планом и отсутствие стимулирования иных участников к доведению деяния до конца [1; 6].

Ошибки в объекте и в личности потерпевшего формируют самостоятельный узел квалификационных расхождений при неоконченной деятельности. Подмена объекта меняет юридическое качество посягательства (например, смешение объекта «жизнь любого человека» и посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа), что тянет иную правовую оценку по направленности умысла; простая ошибка в личности в составах без специального признака потерпевшего, напротив, не влияет на квалификацию [8]. В научных публикациях с примерами из судебных актов прослеживается одно и то же правило: при «промахе по личности» оценка держится на изначально избранной цели и на наличии/отсутствии специального статуса жертвы; в пограничных ситуациях с групповой деятельностью разграничение проводится через распределение ролей и описание коммуникации между участниками [8].

Составы с альтернативными действиями, подлежащие и длящиеся деликты задают особые линии сбоев при установлении стадии. В разборах квалификации подчёркнуто: альтернативность действий способна «маскировать» переход от приготовления к покушению, когда часть альтернатив уже реализована, а оставшиеся — ещё на уровне создания условий; для продолжаемых деяний серия однородных эпизодов влечёт иной старт «непосредственности» — по первому эпизоду, входящему в объективную сторону; для длящихся деяний привязка идёт к моменту начала противоправного состояния, что исключает выделение покушения [2; 6; 10]. При этом усечённые конструкции (например, бандитизм) допускают трёхзвенную стадильность по разъяснениям, цитируемым в прикладной литературе, — с практической оговоркой, что «покушение» фиксируется через шаги к созданию устойчивого вооружённого объединения [5].

Материальные и формальные составы ведут к разным критериям завершённости: для материальных — по наступлению результата; для формальных — по выполнению действия. Соответственно, «непосредственность» в материальных составах соотносится с началом причинения вреда либо с объективной угрозой его наступления, в формальных — с входом в действие, описанное диспозицией. Отсюда — неодинаковое наполнение «непосредственной направленности» и неустойчивость оценок при одинаковых фактических шагах (например, при хищениях, экологических деликтах, преступлениях со сложной последовательностью актов) [2; 5; 10]. Практико-ориентированные статьи фиксируют совпадающий вывод для сокращённых

составов: стадия покушения прослеживается реже, чем для материальных моделей [5; 9; 10].

Наказуемость стадий и выбор санкции при покушении поднимают пласт проблем соразмерности. В студенческих и обзорных работах отмечается: единый стандарт «на один уровень мягче» не охватывает разницу между окончанным и неоконченным покушением, годным и негодным, частичной реализацией умысла и «перенаправлением» на иной результат. Предлагаются градуированные модели учёта фактического вреда, длины причинной цепи и «дистанции» до результата, что снижает риск дисбаланса между превенцией и индивидуализацией наказания [9; 10].

Смена формы вины и её связь со стадиями даёт ещё один источник расхождений. В ряде текстов подчеркивается недопустимость конструирования покушения при косвенном умысле; аргументация строится на отсутствии желаемого результата как цели поведения. Отсюда — отказ от «покушения по неосторожности» и акцент на точной формуле умысла в обвинении [5]. Для составов с несколькими объектами посягательства анализ советует документировать направленность умысла на каждый объект в отдельности, иначе возрастает риск смешения стадий и окончательной модели ответственности по фактически наступившим последствиям [2; 10].

Сводные выводы для практики квалификации в научных источниках последних лет повторяемы:

1) точка перехода к покушению формируется не общим правилом, а структурой конкретного состава и описанием объективной стороны [2; 10];

2) добровольный отказ исключает ответственность за незавершённое посягательство лишь при подлинной самостоятельности решения и отсутствии объективной невозможности доведения до конца [1; 6; 7];

3) ошибки в личности нейтральны для квалификации, если состав не содержит специального признака потерпевшего; подмена объекта, напротив, меняет юридическую оценку [8];

4) для усечённых, продолжаемых и длящихся моделей стадийность настраивается диспозицией нормы и разъяснениями высших судов, что обязывает связывать «непосредственность» не с абстрактной близостью результата, а с началом реализации конструкции состава [2; 5; 10].

Обсуждение

Формула «непосредственной направленности» давно превратилась в главный фильтр между приготовлением и покушением, но единый критерий так и не сложился. Для практической квалификации продуктивно опираться на трёхступенчатый тест:

а) создан ли комплекс условий без входа в диспозиционное действие;

б) начата ли реализация признаков объективной стороны;

в) сорвалось ли достижение результата по внешним причинам.

Тест позволяет устранить типичную подмену: оценка «близости» к завершению сама по себе ничему не служит, если не показан вход в юридически описанное действие. Для материальных составов индикатором выступает начало причинения вреда либо формирование объективной угрозы его наступления; для формальных — первый акт поведения, прямо описанный нормой. При усечённых моделях отправной точкой служит конструкция диспозиции: стадия покушения фиксируется реже, так как значительная часть общественной опасности абсорбирована законодателем в ранний момент.

Разброс позиций по типологии покушения удерживается вокруг двух линий: «оконченное — неоконченное» и «годное — негодное». Наказуемость и пределы индивидуализации зависят от выбора рамки анализа. Негодность по объекту и негодность по средству дают разные правовые следствия. Подмена объекта влечёт смещение юридической оценки по направленности умысла, тогда как дефект средства выводит на иные шкалы опасности и виновности. Подход, сводящий любую ошибку к «невозможности», заглушает различия и порождает несоразмерность санкций. Корректнее разносить случаи по двум координатам: а) правильность адресации посягательства (объект/личность); б) пригодность инструмента. Первая координата отвечает за квалификацию, вторая — за объём наказания.

Добровольный отказ остаётся зоной терминологических колебаний. В правоприменении путают мотивированный отказ с прекращением, вызванным страхом разоблачения или объективной невозможностью доведения до конца. Рабочая формула для судов и следствия: добровольность читается через автономность решения и отсутствие принуждающих внешних обстоятельств; окончательность — через фактическое отключение субъекта от причинной цепи. Для соучастия требуется дополнительный шаг — доказать «развязку» общего плана: отсутствие стимулирования иных лиц, предпринятые действия по пресечению доведения деяния до конца, прекращение информационного и организационного содействия. Граница с деятельным раскаянием проходит по моменту: отказ действует до завершения стадии, раскаяние — после наступления последствий или их реальной угрозы.

Особый пласт составляют продолжаемые и длящиеся правонарушения. Для продолжаемых деяний критерий «непосредственности» не сводится к последнему эпизоду; точка входа совпадает с первым актом, который содержит элементы объективной стороны. Для длящихся деяний старт противоправного состояния перекрывает возможность выделить покушение: диспозиция связывает ответственность с возникновением состояния, а не с наступлением результата. Альтернативные действия (когда норма перечисляет несколько способов) создают иллюзию «неполноты» реализации, хотя фактически переход к покушению свершился в момент исполнения одного из альтернативных актов. Для экспертов по квалификации здесь полезен приём «минимальной достаточности»: достаточно ли уже совершённого

для признания входа в диспозицию без оглядки на другие альтернативы.

Дискуссия о форме вины и стадиях посягательства требует точного разграничения. Конструирование покушения при косвенном умысле приводит к логическому конфликту: волевой вектор поведения не нацелен на достижение результата, следовательно, нет «направления к цели», без которого покушение теряет смысл. Для составов с несколькими объектами посягательства необходимо разнести волевой вектор по каждому объекту отдельно, иначе квалификация «проваливается» в модель ответственности по фактически наступившим последствиям и теряет связь со стадией.

Санкционирование стадий нуждается в более тонкой градации, чем простая редукция наказания на «один уровень». Разумная модель учитывает:

- 1) фактический вред и реальную угрозу;
- 2) длину оставшейся причинной цепи до результата;
- 3) степень контроля над внешними обстоятельствами;
- 4) устойчивость умысла и интенсивность действий.

Такая шкала уводит от двух крайностей — от криминализации ранних подготовительных шагов и от чрезмерного смягчения, нивелирующего превентивный эффект нормы. Для негодного покушения по средству уместно ориентироваться на понижающий коэффициент при отсутствии вреда и короткой причинной цепи, а для ошибочной адресации по объекту — смещать акцент в сторону квалификации, поскольку умысел направлен на иной правовой объект.

На уровне доказательственного стандарта полезно фиксировать четыре группы обстоятельств прямо в тексте обвинительного заключения и приговора:

- а) диспозиционно значимые действия (что именно было сделано, со ссылкой на формулу нормы);
- б) срыв результата и его источники (внешние факторы против воли субъекта);
- в) структура умысла (цель, образ результата, осознание признаков объекта);
- г) признаки добровольного отказа при наличии такого поведения (временной срез, автономность решения, меры по предотвращению доведения деяния до конца).

Такая разметка снижает риск подменить стадиальность оценками «опасности вообще» и делает выводы проверяемыми.

Практика квалификационных ошибок концентрируется вокруг однотипных сценариев. Первый — использование «близости к результату» вместо входа в диспозицию; лечится прямой связкой фактов с текстом нормы. Второй — смешение ошибки в личности с подменой объекта; решается проверкой специального статуса потерпевшего и конструкцией состава. Третий — автоматическая сноска на «отказ» при наличии внешнего препятствия; здесь нужен разворот мотивов и контроль за объективной воз-

можностью продолжения. Четвёртый — игнорирование особенностей усечённых и длящихся моделей; предотвращается предварительной квалификационной матрицей по типам составов.

Полезно задать единый словарь для спорных категорий. Под «непосредственной направленностью» разумно понимать начало исполнения действия, описанного диспозицией, либо создание непосредственной угрозы наступления результата для материальных составов. Под «созданием условий» — подготовительные шаги, которые не содержат элементов диспозиции и не образуют непосредственной угрозы. Под «ошибкой в личности» — неверная индивидуализация лица без юридически значимых признаков, влияющих на квалификацию; под «подменой объекта» — направленность на иной охраняемый интерес, чем тот, что указан в норме или в обвинении. Под «добровольным отказом» — автономное прекращение действий до завершения стадии с объективной возможностью продолжения и реальными усилиями по разрыву причинной цепи.

С учётом цифровизации типичных схем посягательств требуется учёт новых форм входа в диспозицию. При безличных схемах хищения первый юридически значимый шаг — инициирование списания, а не подготовка инфраструктуры доступа; при преступлениях с незаконным оборотом информации — передача сведений адресату либо запуск технической процедуры их вывода; при киберсоставляющей террористических и экстремистских деяний — публикация или адресная рассылка, предусмотренная нормой, а не разработка программных инструментов. Такая оптика удерживает границы стадий и одновременно сохраняет превентивную функцию закона.

Для обучения практикующих юристов полезно вводить «квалификационные карточки» по частым составам: краткий чек-лист диспозиционных действий, типичные внешние причины срыва, маркеры добровольного отказа, ошибки адресации объекта, ориентиры по санкции с учётом дистанции до результата. Карточки удобны для внутреннего контроля качества обвинительных актов и судебных решений; они помогают выстроить единообразие без расширительного толкования.

Наконец, требуются точечные редакционные правки терминологии в учебных и научных материалах. Следует избегать расплывчатых формул вроде «намеревался довести до конца», если по делу не установлено ни одного диспозиционного действия; корректнее писать «совершил действия, описанные нормой/не совершил». Термин «негодное покушение» оправдан лишь при явной непригодности средства или полной отсутствующей возможности достижения результата; к ошибке в личности он не относится. Формула про «непосредственную близость» уместна только как вспомогательный индикатор для материальных составов, где угроза результата осязаема; для формальных моделей она подменяет юридическую мерку фактической оценкой «почти сделал».

Предложенный набор ориентиров выстраивает последовательную логику: от диспозиции — к фактам, от фактов — к стадии, от стадии — к санкции. Там, где конструкция нормы содержит несколько альтернативных действий, применяется приём минимальной достаточности; там, где в деле фигурируют ошибки адресации или средства, квалификация разводится по двум координатам; там, где заявлен отказ, проверяются автономность решения и объективная возможность продолжения. Такой порядок снимает большую часть спорных ситуаций без расширения уголовной репрессии и без потери индивидуализации наказания.

Заключение

Переход к покушению фиксируется входом в диспозиционно значимое действие либо созданием непосредственной угрозы результата для материальных моделей; простая «близость» к окончанию без связи с диспозицией не образует стадию. Добровольный отказ освобождает от ответственности при автономности решения, объективной возможности продолжения и фактическом разрыве причинной цепи; разграничение с деятельным раскаянием происходит по моменту и юридическому эффекту. Ошибка в личности нейтральна для квалификации при отсутствии специальных признаков потерпевшего, подмена объекта меняет оценку направленности умысла. Для усечённых, продолжаемых и длящихся моделей стадийность калибруется диспозицией: покушение встречается реже либо исключается. Санкционирование требует градации с учётом фактического вреда, длины оставшейся причинной цепи, контроля над внешними обстоятельствами и устойчивости умысла; для негодного покушения по средству оправдан понижающий подход. Предложенные тест, координатная схема и «квалификационные карточки» формируют удобный алгоритм, пригодный для следствия, суда, защиты и преподавания.

Литература

- 11.Исрафилов И. М. Добровольный отказ от доведения преступления до конца: правовая природа и условия правомерности // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 2 (52). С. 101–105.
- 12.Карпова Н. А. Общие и частные правила квалификации неоконченного преступления // Московский юридический журнал. 2022. № 4. С. 126–132.
- 13.Кочои С. М. Деятельное раскаяние и добровольный отказ в примечаниях к статьям УК РФ о террористических преступлениях: основания применения // Lex Russica. 2024. № 77 (6). С. 69–82. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.069-082.
- 14.Лапшин В. Ф., Килимбаев Р. В. Неоконченное преступление как объект гуманизации российского уголовного законодательства // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1. С. 173–184.
- 15.Лесная А. И. Особенности квалификации приготовления к преступлению и покушения на преступление // Молодой ученый. 2024. № 31 (530). С. 51–52.

16.Маликов С. В. Неоконченное преступление: проблемы теории и практики // Право и управление. 2023. № 2. С. 194–201. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-2-194-201.

17.Свиридов Ю. В. Проблемы толкования и правоприменения добровольного отказа от преступления // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13. № 1. С. 117–126. DOI: 10.35266/2949-3455-2025-1-13.

18.Черенцов Р. С. Квалификация деяний при наличии ошибки в личности потерпевшего // Актуальные исследования. 2025. № 20 (255). Ч. II. С. 90–92.

19.Чертищева Е. А. Покушение на преступление и ответственность за него по российскому Уголовному кодексу // Молодой ученый. 2024. № 18 (517). С. 289–291.

20.Шиханов В. Н. Неоконченное преступление в уголовном праве: перспективы конструкционистского подхода // Lex Russica. 2024. Т. 77. № 1 (206). С. 54–66. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.054-066.

Problems of the theory of unfinished crime in russian federation criminal law

Borisevich M.M., Pyatkevich I.N.

Moscow International University

This article examines the doctrinal and practical challenges of the doctrine of unfinished crime in Russian criminal law. Its relevance stems from the diversity of qualification approaches and the growth of digital forms of offenses. Its novelty lies in the three-stage test for distinguishing between preparation and attempt, the dual coordinate system for assessing a failed attempt, and the set of "qualification cards" for typical offenses. The article describes the criteria of "direct focus," the regime of truncated, continued, and continuous models, the boundaries of voluntary renunciation, and its relationship with active repentance. Errors of identity and substitution of object, the influence of the form of guilt and the type of offense on staging and sanctioning are examined. Particular attention is paid to evidentiary standards and the revision of terminology. The article aims to develop a testable qualification algorithm. To address this issue, comparative and dogmatic analysis, a summary of judicial scenarios, and a systematization of doctrine were applied. The conclusion formulates practical guidelines for the investigation, trial, and defense. The material covers publications from 2021–2025, eliminating outdated concepts and enhancing its practical value. The conclusions are suitable for training courses and practice.

Keywords: unfinished crime, preparation, attempt, voluntary abandonment, mistaken identity, substitution of object, unfit attempt, truncated elements, continuing act, sanctioning.

References

11. Israfilov, I. M. Voluntary Refusal to Complete a Crime: Legal Nature and Conditions of Legality // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2023. No. 2 (52). pp. 101–105.
12. Karpova, N. A. General and Specific Rules for Qualifying an Unfinished Crime // Moscow Law Journal. 2022. No. 4. pp. 126–132.
13. Kochoi, S. M. Active Repentance and Voluntary Refusal in the Notes to Articles of the Criminal Code of the Russian Federation on Terrorist Crimes: Grounds for Application // Lex Russica. 2024. No. 77 (6). pp. 69–82. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.069-082.
14. Lapshin, V. F., Kilimbaev, R. V. "Unfinished Crime as an Object of Humanization of Russian Criminal Legislation" // Law Enforcement. 2021. Vol. 5. No. 1. pp. 173–184.
15. Lesnaya, A. I. "Characteristics of Qualifying Preparation for a Crime and Attempted Crime" // Young Scientist. 2024. No. 31 (530). pp. 51–52.
16. Malikov, S. V. "Unfinished Crime: Problems of Theory and Practice" // Law and Management. 2023. No. 2. pp. 194–201. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-2-194-201.
17. Sviridov, Yu. V. "Problems of Interpretation and Law Enforcement of Voluntary Abandonment of a Crime" // Bulletin of Surgut State University. 2025. Vol. 13. No. 1. Pp. 117–126. DOI: 10.35266/2949-3455-2025-1-13.
18. Cherenstov R. S. Qualification of Acts in the Presence of a Error in the Identity of the Victim // Current Research. 2025. No. 20 (255). Part II. Pp. 90–92.
19. Chertischeva E. A. Attempted Crime and Liability for It under the Russian Criminal Code // Young Scientist. 2024. No. 18 (517). Pp. 289–291.
20. Shikhanov V. N. Unfinished Crime in Criminal Law: Prospects of the Constructionist Approach // Lex Russica. 2024. Vol. 77. No. 1 (206). pp. 54–66. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.054-066.

Значение соблюдения срока проверки сообщения о преступлении, задержания, предварительного расследования в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства

Заливин Александр Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, aleks-zalivin@mail.ru

В статье обозначены отдельные проблемы, возникающие при исчислении сроков, в основном связанные с отсутствием в законодательстве указания на моменты начала и окончания их течения. В связи с этим в правоприменительной практике возникают правовые споры о длительности таких сроков, что снижает эффективность деятельности должностных лиц, уполномоченных на осуществление уголовного судопроизводства. В тоже время, проведенный анализ судебной практики показал, что в Российской Федерации в настоящее время достаточно развитой является система судебных гарантий обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, в том числе в части соблюдения процессуальных сроков. Последовательно сделав вывод о том, что в правоприменительной практике суды, как правило, соглашались с доводами органов предварительного расследования в части продления сроков, в частности, применения мер принуждения, что свидетельствует о том, что и на этапе предварительного расследования права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, как правило, соблюдаются, в том числе и за счет грамотного подхода к исчислению процессуальных сроков и недопущения случаев выхода за их рамки.

Ключевые слова: соблюдение срока проверки сообщения о преступлении, задержание, общий срок предварительного расследования, обеспечение прав участников уголовного судопроизводства

Деятельность участников на этапе досудебного производства занимает значительное место в уголовном процессе. Совершаемые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства процессуальные действия и принимаемые решения во многом определяют исход рассмотрения уголовного дела в суде. Принятие решения о возбуждении уголовного дела является отправной точкой дальнейшего расследования, рассмотрения и разрешения данного дела. Предварительное расследование, проводимое, как форме предварительного следствия, так и в форме дознания представляет собой важнейшую стадию уголовного процесса, результаты деятельности уполномоченных лиц на которой, лежат в основе обвинения и принятия судом решения в отношении лица. В связи с этим большое значение имеет соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства именно на досудебных стадиях процесса, которое обеспечивается в том числе соблюдением установленных УПК РФ процессуальных сроков.

Говоря о возбуждении уголовного дела, необходимо отметить, что основным сроком на данной стадии уголовного процесса является срок проверки поступившего сообщения о преступлении, который, по общему правилу, составляет 3 суток со дня поступления такого сообщения.

Соблюдение данного срока лежит в основе дальнейшей реализации прав участников уголовного судопроизводства, так как от решения принятого на данной стадии и оперативности его принятия во многом зависит установление лица, совершившего преступление, его места нахождения, а также степень сложности процесса доказывания его вины, то есть достижение назначения уголовного судопроизводства в части защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений организаций и лиц.

При исчислении данного срока, проблем, связанных с пробелами в законодательстве, касающимися порядка исчисления срока сутками, о которых говорилось выше, не возникает. Связано это с тем, что норма, устанавливающая срок проверки поступившего сообщения о преступлении (ч.1 ст. 144 УПК РФ) закрепляет, что течение данного срока начинается со дня поступления данного сообщения, то есть определяет момент начала течения срока.

Несмотря на это, исчисление срока проверки сообщения о преступлении, нередко вызывает сложности, возникающие в связи с тем, что уголовно-процессуальным законом не установлено, что является моментом поступления сообщения о преступлении, с которого начинается отсчет данного срока. Спорным в данном случае является вопрос о том, какой

смысл вкладывал законодатель, говоря о моменте поступления сообщения о преступлении.

В правоприменительной практике существуют несколько событий, которые можно считать моментом начала исчисления рассматриваемого срока. В качестве таких событий выделяются: момент фактического поступления сообщения о преступлении, момент его регистрации в учетной документации, а также момент передачи данного сообщения лицу, уполномоченному на его рассмотрение и принятие по нему решению. Как правило, момент фактического поступления сообщения о преступлении и момент его регистрации по времени совпадают, так как регистрация должна осуществляться незамедлительно, в момент обращения гражданина или поступления информации.

Однако иногда возникают ситуации, когда между моментом фактического поступления сообщения и моментом его фактической регистрации проходит определенное время. Подобная ситуация может сложиться, когда сообщение о преступлении поступает не напрямую в подразделение, осуществляющее их регистрацию (дежурную часть), а в иные подразделения, например, делопроизводства и режима, сотрудники которых в связи, в частности, с загруженностью [7, с. 266], в нарушение Инструкции о порядке приема сообщений о преступлениях [9], затягивают передачу информации в дежурные части для регистрации. В связи с этим появляются проблемы с исчислением срока проверки сообщения о преступлении, так как фактически данная проверка может быть начата только после регистрации поступившего сообщения.

О большой значимости соблюдения срока проверки сообщения о преступлении в обеспечении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства свидетельствует также предусмотренная УПК РФ усложненная процедура продления данного срока. Так, указанный срок может быть продлен по ходатайству следователя или дознавателя до 10 суток руководителем следственного органа или начальником органа дознания. Дальнейшее же продление по ходатайству дознавателя осуществляется исключительно прокурором (до 30 суток) в целях недопущения нарушения срока проверки и прав участников уголовного судопроизводства.

Рассматривая стадию предварительного расследования, представляется возможным выделить несколько групп процессуальных сроков: сроки предварительного расследования, определяющие его длительность с момента возбуждения уголовного дела; сроки, на которые избираются меры процессуального принуждения; сроки производства следственных действий; сроки согласования принятых процессуальных решений; сроки принятия промежуточных решений (приостановление производства по уголовному делу) и некоторые другие.

Наиболее значимым, полагаем, на данной стадии является срок производства предварительного расследования, который, по общему правилу, составляет 2 месяца для производства предварительного следствия и 30 суток для расследования в

форме дознания. Значимость данного срока определяется тем, что все остальные процессуальные действия и решения на данной стадии уголовного судопроизводства должны быть совершены в пределах течения данного срока, что обеспечивает реализацию прав и законных интересов участников уголовного процесса как при производстве отдельных процессуальных действий, так и в целом на стадии предварительного расследования.

На недопущение затягивания данного срока направлен трудоемкий для субъектов, осуществляющих предварительное расследование (следователя, дознавателя и др.) процесс продления рассматриваемого срока. Данная процедура связана не только с составлением ходатайства и подготовкой соответствующих материалов к нему, но и с необходимостью согласования данного решения при длительном продлении с вышестоящими руководителем следственного органа или прокурором по субъекту РФ. Подобные сложности в согласовании, с одной стороны, направлены на реализацию прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, с другой, — могут стать основой для их нарушения.

Коротченко О.Н., Федоренко Н.А. отмечают, что в целях устранения сложностей в согласовании решения о продлении срока предварительного расследования, а также исключения риска выявления вышестоящими должностными лицами допущенных следователями процессуальных нарушений, следователи выносят необоснованные постановления о приостановлении, заведомо подлежащие последующей отмене руководителем следственного органа с установлением дополнительного срока следствия [5, с. 139].

Приведенная точка зрения подтверждается материалами судебной практики. Так, Дмитриевским районным судом г. Костромы уголовное дело в отношении Афиногенова Л.К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч.2 ст.111 УК РФ, было возвращено прокурору. Из текста постановления следует, что по истечении 12-месячного срока предварительного следствия, вместо его продления через согласование с руководителем Следственного Департамента МВД России, было принято решение о приостановлении производства по уголовному делу, после которого оно было сразу возобновлено с незаконным установлением руководителем территориального следственного отдела еще 1 месяца для завершения предварительного следствия и направления дела в суд. На указанное решение Дмитриевского районного суда г. Костромы потерпевшим была принесена апелляционная жалоба, в удовлетворении которой по итогам ее рассмотрения Костромским областным судом было отказано следствия [1]. Аналогичное решение было принято Магаданским областным судом по результатам рассмотрения апелляционного представления прокурора на решение Среднеканского районного суда Магаданской области о возвращении уголовного дела в связи с принятием незаконных решений о приостановлении и возобновлении уголовного

дела по истечении 12-месячного срока предварительного следствия [2].

Приведенные судебные решения демонстрируют негативное влияние трудоемкости процесса согласования решения о продлении срока предварительного следствия на соблюдение законности в уголовном судопроизводстве, а также прав и законных интересов его участников.

Большую роль в обеспечении прав и законных интересов участников уголовного процесса в досудебном производстве по уголовному делу играют сроки применения предусмотренных УПК РФ мер процессуального принуждения. В первую очередь, это связано с тем, что применение к лицу любой из них, влечет ограничение имеющихся у него прав, что требует от органов и должностных лиц, принимающих решение об избрании мер пресечения и установлении срока их применения строгого соблюдения уголовно-процессуальных норм, а также полного анализа материалов уголовного дела и их объективной оценки, на основе которых подобное решение принимается.

Особое внимание уделяется соблюдению сроков применения мер процессуального принуждения, связанных с ограничением свободы лица.

В УПК РФ особое внимание уделено закреплению правовых гарантий соблюдения указанного конституционного права граждан при осуществлении производства по уголовному делу. Одной из таких гарантий является установление 48-часового срока задержания лиц, закрепленного в статье 10 УПК РФ, раскрывающей содержание принципа уголовного судопроизводства «неприкосновенность личности». Указанное положение является дублирующим по отношению к статье 22 Конституции РФ, также определившей данный срок. Закрепление указанного срока в качестве одного из аспектов реализации важнейшего принципа уголовного процесса говорит о повышенной значимости его соблюдения для обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Говоря о сроке задержания, необходимо отметить, что дополнительной гарантией соблюдения данного срока является возможность его продления до 72 часов исключительно по решению суда и только в случае необходимости представления доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Установление подобного порядка продления срока задержания препятствует незаконному ограничению прав задержанного лица и произволу со стороны органов предварительного расследования. Помимо установления срока самого задержания, в рамках реализации данной процедуры установлены иные гарантии (в том числе сроки), соблюдение которых способствует обеспечению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Важнейшей гарантией соблюдения срока ограничения свободы лица при его задержании является четкая регламентация момента начала исчисления данного срока – фактическое задержание лица. При

этом УПК РФ дается разъяснение содержания указанного момента и отмечается, что под фактическим задержанием понимается момент фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Помимо этого, статьей 92 УПК РФ строго регламентированы сроки совершения уполномоченными субъектами процессуальных действий в рамках реализации процедуры задержания лица. Так, указанной статьей УПК РФ установлена обязанность должностного лица органа дознания или следователя составить протокол задержания в течение 3 часов с момента доставления лица, а также допросить подозреваемого в течение 24 часов.

Важнейшей правовой гарантией соблюдения процессуального срока задержания является требование УПК РФ о необходимости указания в протоколе задержания времени его составления. Конституционный суд Российской Федерации в своем определении установил, что возложение на должностных лиц обязанности указывать время задержания в протоколе исключает бесконтрольное, вне установленных сроков, содержание задержанного правоприменительным органом и не лишает задержанное лицо права на обращение к адвокату (защитнику) за юридической помощью с момента фактического задержания или иного реального ограничения его прав [6].

Несмотря на то, что уголовно-процессуальным законом установлен достаточно широкий перечень гарантий соблюдения срока задержания лица, ряд ученых-процессуалистов считают необходимым указанный перечень расширить. Так, Гриненко А.В. указывает, что права и законные интересы задержанного лица могут быть нарушены вследствие того, что положения статьи 92 УПК РФ содержат в себе понятие доставления лица, однако содержание данного понятия в нормах УПК РФ не раскрыто. Отмечает необходимость не только разъяснить в тексте уголовно-процессуального закона понятие «доставление», но и установить предельно допустимый срок его производства – 3 часа [3, с. 28].

Думается, что внесение подобных изменений в УПК РФ является нецелесообразным, так как длительный срок доставления лица, как правило, связан не со стремлением должностных лиц нарушить права и законные интересы задержанного лица, а с объективно существующими условиями, препятствующими оперативному доставлению задержанного в орган дознания или к следователю (погодные условия, отсутствие транспортной доступности, значительное расстояние). Кроме того, установление подобного срока, может повлечь необоснованное привлечение должностных лиц, осуществляющих фактическое задержание и доставление лица, к дисциплинарной ответственности, что также нарушит их права и законные интересы.

Стародубова Г.В. указывает на то, что в УПК РФ должна быть норма, указывающая на необходимость незамедлительного доставления задержанного подозреваемого к следователю или в орган дознания [10, с. 22].

Данная точка зрения представляется достаточно обоснованной, так как указание на необходимость незамедлительного доставления позволит исключить превышение полномочий сотрудниками, производящими фактическое задержание. При этом, незамедлительность в данном случае будет означать разумность срока совершения подобного действия с учетом всех возможных фактических обстоятельств и условий доставления.

С ограничением свободы лица также связано применение к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу. В науке уголовного процесса и правоприменительной практике вопросу соблюдения срока заключения лица под стражу уделяется особое внимание.

Важнейшей гарантией обеспечения прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого при заключении под стражу является возможность принятия такого решения исключительно судом. Подобный порядок избрания данной меры пресечения свидетельствует о существенном ограничении с помощью нее прав лица, в связи с чем законодателем установлены судебные гарантии их соблюдения при принятии подобных решений.

Анализ судебной статистики за 2024 год показывает, что ходатайства должностных лиц органов предварительного расследования об избрании в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу, как правило удовлетворяются (из 92 681 заявленного ходатайства удовлетворены 82 514 ходатайств, то есть 89%) [11]. Подобные показатели свидетельствуют о том, что органами предварительного расследования при заявлении данных ходатайств соблюдаются требования УПК РФ, что позволяет судам удовлетворять их требования.

Соблюдение сроков заключения лица под стражу гарантируется также наличием усложненной процедуры продления данного срока, заключающейся в необходимости согласования постановления о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания лица под стражей с руководителем вышестоящего следственного органа или вышестоящим прокурором. Указанное согласование необходимо для исключения случаев незаконного и необоснованного содержания лица под стражей свыше необходимого срока.

Говоря о процедуре продления сроков содержания лица под стражей Загорский Г.И. отмечает, что действующий УПК РФ допускает обоснованную длительность содержания под стражей при условии наличия оснований для такого продления и соблюдения предусмотренного уголовно-процессуальным законом порядка [4, с. 44]. Дополнительной гарантией соблюдения срока содержания лица под стражей является требование о необходимости отражения в резолютивной части постановления суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания лица под стражей не только продолжительность периода содержания подозреваемого, обвиняемого под стражей, но и даты его окончания [8].

Кроме того, важнейшей гарантией соблюдения установленного срока содержания лица под стражей является обязательность незамедлительного освобождения лица, содержащегося под стражей свыше срока, установленная статьей 10 УПК РФ и гарантирующая соблюдение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых лиц.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Соблюдение процессуальных сроков на этапе досудебного производства представляет собой одну из гарантий не только обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса, но и достижения назначения уголовного судопроизводства, так как является основой правомерного осуществления деятельности по подготовке материалов уголовного дела, направляемых в суд для принятия итогового решения.

2. Соблюдение сроков применения к подозреваемым и обвиняемым мер принуждения, связанных с ограничением их свободы является важнейшей гарантией реализации их прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве. При этом соблюдение указанных сроков обеспечивается как с помощью нормативных средств, т.е. требований УПК РФ, предъявляемых к порядку избрания и применения к лицам мер принуждения, так и в порядке выполнения органами и должностными лицами правоприменительных функций.

Литература

1. Апелляционное постановление Костромского областного суда от 20.10.2020 № 22-925/20 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 15.09.2025).
2. Апелляционное постановление Магаданского областного суда от 20.05.2020 № 22-165/20 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 15.09.2025).
3. Гриненко А. В. Самозащита в досудебном уголовном процессе // Адвокатская практика. – 2017. – № 6. – С. 28.
4. Загорский Г.И., Кобзарев Ф.М., Шалумов М.С. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и сроки содержания под стражей: некоторые теоретико-правовые вопросы // Вестн. Том. гос. ун-та. – Право. – 2020. – №38. – С. 44.
5. Коротченко О. Н., Федоренко Н.А. Актуальные вопросы применения разумного срока в предварительном расследовании, согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 06–07 июня 2019 г. – Иркутск, 2019. – С. 139.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2011 г. №1579-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дядченко Сергея Валентиновича на нарушение его конституционных прав пунктами 11 и 15 статьи 5 и статьей 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=241171#ZGdwNzTsEyjyOyn> (дата обращения 15.09.2025 г.).

7. Павлов Д. В., Озерова Ю.С. Особенности процессуальных сроков при принятии решения о возбуждении уголовного дела по признакам преступлений ст. 150 и 151 УПК РФ // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 02.12.2022 г. – Санкт-Петербург. – 2022. – С. 266.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». // Российская газета. – 27.12.2023. – №294.

9. Приказ МВД России от 29.08.2014 г. №736 (ред. от 09.10.2019) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях». // Российская газета – 14.11.2014 г. – № 260.

10. Стародубова Г. В. Задержание подозреваемого: проблема исчисления срока // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 1. С. 22.

11. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.api-press.spf/> (дата обращения 15.09.2025).

The importance of observing the time limit for checking a crime report, detention, and preliminary investigation in ensuring the rights of participants in criminal proceedings
Zalivin A.N.

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article outlines certain problems that arise when calculating deadlines, mainly related to the lack of legislation specifying the beginning and end of such deadlines. As a result, legal disputes arise in law enforcement practice regarding the duration of such deadlines, which reduces the effectiveness of the activities of officials authorized to conduct criminal proceedings. However, an analysis of judicial practice has shown that the Russian Federation currently has a well-developed system of judicial guarantees for ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings, including the observance of procedural deadlines. It is consistent to conclude that in law enforcement practice, courts generally agree with the arguments of the preliminary investigation bodies regarding the extension of deadlines, particularly the use of coercive measures, which indicates that even during the preliminary investigation stage, rights and legal interests of participants in criminal proceedings are generally respected, including through a competent approach to calculating procedural deadlines and preventing them from being exceeded.

Keywords: compliance with the time limit for checking a crime report, detention, general time limit for preliminary investigation, ensuring the rights of participants in criminal proceedings

References

1. Appellate Ruling of the Kostroma Regional Court of October 20, 2020, No. 22-925/20 // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru> (accessed September 15, 2025).
2. Appellate Ruling of the Magadan Regional Court of May 20, 2020, No. 22-165/20 // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru> (accessed September 15, 2025).
3. Grinenko A. V. Self-Defense in Pre-Trial Criminal Proceedings // Advocate Practice. – 2017. – No. 6. – P. 28.
4. Zagorsky G.I., Kobzarev F.M., Shalunov M.S. Selection of a preventive measure in the form of detention and the terms of detention: some theoretical and legal issues // Vestn. Tomsk. state University. – Law. – 2020. – No. 38. – P. 44.
5. Korotchenko O.N., Fedorenko N.A. Current issues of applying a reasonable time limit in a preliminary investigation, according to the current criminal procedure legislation // Activities of law enforcement agencies in modern conditions: collection of materials from the XXIV international scientific and practical conference, Irkutsk, June 6–7, 2019 – Irkutsk, 2019. – P. 139.
6. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 17, 2011 No. 1579-O-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sergei Valentinovich Dyadchenko regarding the violation of his constitutional rights by paragraphs 11 and 15 of Article 5 and Article 92 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=241171#ZGdwNzTsEyjyOyn> (accessed September 15, 2025).
7. Pavlov D. V., Ozerova Yu. S. Features of procedural deadlines when deciding to initiate a criminal case based on the signs of crimes under Articles 150 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Criminal proceedings in Russia and foreign countries: problems and development prospects: materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, December 2, 2022. - St. Petersburg. – 2022. – P. 266.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.12.2013 No. 41 (as amended on 11.06.2020) "On the practice of applying the legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions by the courts." // Rossiyskaya Gazeta. – 27.12.2023. – No. 294.
9. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 29.08.2014 No. 736 (as amended on 09.10.2019) "On approval of the Instructions on the procedure for accepting, registering and resolving applications and reports on crimes, administrative offenses, and incidents in territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation." // Rossiyskaya Gazeta – November 14, 2014 – No. 260.
10. Starodubova G. V. Detention of a Suspect: The Problem of Calculating the Term // Legal Bulletin of Samara University. 2019. Vol. 5. No. 1. P. 22.
11. Judicial Statistics of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://stat.api-press.rf/> (date of access 09/15/2025).

Эволюция экономической преступности, ее влияние на государственные и общественные институты

Зацепин Михаил Николаевич

доктор юридических наук, профессор, аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества УрГЮУ, mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович

доктор юридических наук, доцент, директор Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, tr0507@ya.ru

Одной из основных проблем, стоящих сегодня перед обществом, - это проблема борьбы с насильственной преступностью. Основными же методами в борьбе с экономической преступностью должны стать экономические, в них следует точно сформулировать исходные и принципиальные моменты. Необходимо определить задачи борьбы с экономической преступностью, либо противодействия ей, а также требования к деятельности соответствующих государственных и правоохранительных структур. Особое внимание следует уделить критериям криминализации и декриминализации с целью произвола и принятия законодателем необдуманных решений, в основном вносящих хаос и неразбериху в правоприменительную деятельность и для практических работников. Важно научно спрогнозировать действия принимаемых норм в борьбе с экономической преступностью на длительную историческую перспективу, обеспечить полноту нормативного содержания, которая изначально не страдала бы пробелами в регламентации кардинальных вопросов уголовной ответственности и закрепляла более четкую классификацию преступлений по степени их общественной опасности, систему и виды наказаний.

Ключевые слова: экономическая преступность, государственные и общественные институты, квалификация преступлений, уголовная ответственность, нормы уголовного права.

Традиционно нормы уголовного права классифицируются на запрещающие, обязывающие, управомочивающие, поощрительные и нормы, допускающие компромисс. Существуют различные суждения относительно понятия и юридической природы этих норм. Дискуссия по проблемам компромисса в борьбе с экономической преступностью только начинается и можно считать их лишь подходом к посткриминальным действиям. Не секрет, что в последние 15-20 лет процессы обновления уголовного законодательства, внесения в него весьма спорных изменений и дополнений приобрели лавинообразный характер. Это не способствует достижению тех социальных целей, которые ставятся перед уголовным законодательством, и в частности повышения применения норм, связанных с экономической преступностью.

Исторический аспект развития экономической преступности, по мнению многих ученых-правоведов, истоки и корни экономической преступности в нашей стране, начинаются с первых лет Советской власти. Некоторые ученые считают, что экономическая преступность в дореволюционном обществе не существовала, она появилась значительно позже, уже в годы советской власти. Другие ученые в своих работах упоминают только о группах казнокрадов в царской России, насчитывая их количество и связь с полицией. [3; 6; 10]

В последние десятилетия экономическая преступность для нашей страны явление, безусловно, «новое», хотя отдельные ее признаки, например, такие как организованный характер преступлений, факты подкупа должностных лиц и т.д. отмечались во все времена государства Российского. В царской России это было характерно группировкам казнокрадов, теневой рынок существовал уже и тогда, вопрос же об исторических корнях экономической преступности в России более «сложное» явление. В нашей науке уже давно преодолен вульгаризаторский тезис об отсутствии объективных причин антиобщественных явлений. Однако непонимание этого обстоятельства, неглубокие представления о механизмах действия различных экономических, социальных, психологических и иных факторов, обуславливающих антиобщественное поведение, еще существуют. Достаточно распространенным стало суждение о том, что экономическая преступность возникла у нас в конце 50-х и начале 60-х годов, а определенный рост преступности в организованных формах приходится на окончание 40-х и начало 50-х годов. Официальные данные уголовной статистики и проводимые криминологами эмпирические исследования дают возможность отследить изменения в состоянии, динамике и структуре преступности, всю совокупность преступлений. Например,

должностные преступления - качественная характеристика ее структуры, т.е. соотношения между отдельными видами преступлений также целями и мотивами действий преступников, возрастными и иными особенностями их личности и другими данными. Существующая экономическая преступность как социальное явление, включает и характеризуется определенными количественными и качественными показателями - динамикой, элементами организованных форм различающиеся между собой по характеру преступной деятельности, продолжительностью связей, соблюдением воровских норм к таким группировкам преступников, выделение в ее среде лидеров, преступных авторитетов, предводителями стали не только «воры в законе» их идеи объединения и организации «современного» преступного мира. [9]

Но относительно «массовый» характер организованной, экономической преступности, что позволяет отнести ее уже к социальному явлению, приходится на 70-90-е годы, «связанными» с состоянием экономики, именно в ней «содержится» причина криминальной корпоративности. Этому способствовала так называемая «бесхозяйственность» и отсутствие контроля за «мерой труда и потребления», грубые нарушения распределительных отношений привели к тому, что в стране начался стихийный и уголовно организованный процесс перераспределения национального дохода, корыстные злоупотребления, преступления в экономической сфере. Предводители «цеховиков» вкладывали деньги уже не только в подпольное производство и борьбу за рынки сбыта в условиях жесткой конкуренции между собой, но и подкуп «чиновников», но им «мешала» деятельность правоохранительных органов, хотя эта деятельность была ограничена в силу «политических» причин. До двух третей преступно добытых денег использовались на подкуп морально «не устоявшихся» работников государственно-хозяйственного аппарата, в том числе и правоохранительных органов. Взаимосвязь таких, казалось бы, разных проблем, как наследственная природа человека, его поведение, в современной России. Проблема поведения и ответственности человека связана не только с «перестроечными» событиями, но и с внутренними процессами «современного» общества.

Насколько неформальные платежи затрагивают предприятия, прояснило исследование, проведенное «ЭЖ», в рамках которого было опрошено более 50 руководителей промышленных компаний из различных регионов страны. Действия предпринимателей в случае объяснения войны коррупции, в % от числа опрошенных: затея бесперспективна, участвовать в ней не буду – 30,3; отказ от ответа – 0,7; приму участие -29,5; пережду, посмотрю, что получится – 39,5%. [5; 8]

Необходимо отметить - экономическая преступность выросла вместе с изменением социально-политических условий развития общества в конце 80-х и в начале 90-х. Взаимосвязь социально-экономических изменений и права выразилось также в модификации правовых явлений. Определились соци-

альные потребности, требующие правового упорядочения, которые отражают объективный ход экономического развития и получают завершающие формы в процессе осуществления государственной власти. Наиболее значительным отношением к концепции УК РФ 1996 года представлялись тогда две проблемы уголовной ответственности – установление места и круга совершаемых правонарушений, определение соотношений их по степени общественной опасности, отражаемых в санкциях соответствующих статей названного УК. Общие причины и условия преступлений в сфере экономической деятельности того периода касаются негативных факторов, связанных с издержками проводимых преобразований, в экономической сфере и господствующее влияние криминогенного фактора, социально-политическую нестабильность, дезинтеграция геополитического и правового пространства. Наиболее разрушительным из экономических факторов, влияющих на совершение экономических преступлений связано с неоправданно высоким темпом концентрации капитала и средств производства, в руках «красных» директоров и «партноменклатуры». Экономическая организованная преступность стала находить выражение в деятельности организованных преступных группировок, занимая «пробел» в структуре общей преступности. Несоответствие действующего законодательства способствовало образовывать связи с государственными чиновниками и с сотрудниками правоохранительных органов, содержать которых на материальном уровне у преступников находилось значительное количество руководителей. Их антиобщественные поступки, правонарушения как форма человеческого поведения. Мы не говорим уже о детективной литературе, в которой можно встретить не только произведения с увлекательными сюжетами, но и книги, содержащие достаточно глубокий анализ мотивов и причин преступного поведения. Есть и примечательный факт – у истоков создания криминальной полиции Англии, известной ныне под названием Скотланд-Ярда, стоял английский писатель Г. Филдинг.

С принятием в 1987 году Закона об индивидуальной трудовой деятельности, а затем Закона о кооперации в СССР (1988) г., использовать кооперативные предприятия для незаконных доходов, скрывать свои истинные доходы от финансовых органов, преследуя корыстные цели стало легче используя для этого самые разнообразные средства. Преступность «увидела» в этом возможность заниматься вымогательством у кооператоров. Организованная (в большей степени экономическая) преступность стремилась получать прибыли и сверхприбыли, не игнорируя при этом и такими видами преступлений, как кражи, злоупотребления, шантаж, подкуп, насилие. Реакция общества на обрушившуюся криминальную обстановку и сегодня имеет в большинстве случаев не последовательный, фрагментарный, а иногда и противоречивый характер. Проводимые экономические преобразования, сопровождались значительным усилением социальной дезорганизации, а правительственные программы борьбы с пре-

ступностью в значительной части оказывались невыполнимыми из-за недостаточного ресурсного обеспечения. Уголовное законодательство, существующее сегодня предстало средством формулирования репрессивных запросов, обучению правоприменителей приемам «квалификации» деяний и сопровождения логического единства нормативных текстов, хотя решается не очень удачно.

В период так называемого «застоя» борьба с преступностью транслировала несоответствие между декларируемыми принципами равенства всех граждан перед законом и реальной практикой привлечения к уголовной ответственности. Социалистическая политизация преступности была скрытой из-за оправдания идеологических преимуществ и к правоохранительным органам предъявлялись императивные требования об искоренении и сокращении правонарушений. Уголовная статистика была закрытой и подвергалась цензуре, такие требования воспринимались как относительно реалистичные, да и в действительности регистрируемый уровень уголовной преступности был более низким. Причин низкого уровня было много, но значительную роль играл всеобъемлющий контроль за социумом. С ослаблением во второй половине 80-х контроля, преступность стала расти быстрее, чем численность населения, тем не менее политическая установка о преимуществе социализма над капитализмом в деле борьбы с преступностью была действующей. В тот же период состоялось сращивание казнокрадов «социалистической» собственности с «ворами в законе», которые находились тогда в оппозиции активной к государственным институтам. Их «единство» привело к новому общесистемному характеру профессионализма – организованную, коррупционную преступность.

В ГУЭП МВД России подведены первые итоги прошедшего года по борьбе с экономической преступностью. Анализ складывающейся в экономике России криминогенной ситуации свидетельствует о дальнейшем нарастании негативных тенденций. [2]

Партийный и административный контроль перестали существовать, а различные формы экономического контроля (финансовый, валютный, налоговый, таможенный) начали появляться только к концу 90-х. В начале 90-х годов политизация проблемы преступности была прерогативой политических партий и серьезно перетолковывала правоприменительную деятельность. В условиях департизации и деидеологизации органов правоохраны криминогенная активность коррупционеров усилилась. Определенно, большая часть вины за безрадостную статистику возлагается на правоохранительные органы, эффективность их работы имела объективное обоснование сложившейся ситуации – нищим обеспечением, оттоком квалифицированных работников, резким увеличением численности кадров за счет молодого пополнения, новой политической «заангажированностью» и тому подобное. В большинстве своих ипостасей преступность стала характеризоваться выраженной корыстной направленностью, новыми более изощренными способами и формами

преступной деятельности, имеющими опыт деятельности в «подпольном» бизнесе теневой экономики. Правоохранительная и судебная система оказалась «беспомощной» противостоять организованной преступности, тогда как позиции «последней» постоянно укреплялись. Перед государством встали принципиально новые задачи по обеспечению контроля над развитием экономических процессов в стране. [1]

Показатель латентности экономической преступности, экстраполяция динамических рядов выявленных и раскрытых преступлений, а также судимости не несли позитива. В течение последних десятилетий была «активная» работа по разоблачению и расследованию преступлений, в том числе совершенных организованными группами. Относительно повысилась результативность усилий государственной власти, направленных на вытеснение криминальных структур из сферы экономики. [7]

И сегодня острота проблемы еще не «снята» и существует. Продолжают действовать организованные преступные формирования, контролирующие бизнес и предпринимательские структуры. (40) Экономическая преступность (учтенная и плюс латентная) доходит до уровня качественного и количественного пресыщения, за которым уровень терпимости интенсивно растущей преступности выйдет за пределы устоявшихся гражданских представлений, решение которых потребует фундаментального изменения социально-правовых характеристик. Экономическая преступность в том или ином виде есть в «любом» государстве. Но во «многих» странах она упорядочена, вызывает меньше неопределенности и не мешает в значительной степени общественным отношениям.

Эксперты определили отрасли бизнеса, которые несут *наибольшие потери*. Самым высоким оказался уровень риска четырех секторов: банки; компании, специализирующиеся на операциях с ценными бумагами; компании, занимающиеся инфраструктурой финансового рынка; медицинские учреждения. [11]

Таким образом, нельзя рассматривать безопасность предпринимательства без учета истории эволюции экономической преступности в России. Наиболее пристальное внимание науки, литературы, искусства, общественного мнения было привлечено к имитации общественного взаимодействия. Нарушение регламентированных, «писанных» законов и административных правил было недозволительно. Правила и законы начинают существовать не сами по себе, они послужили результатом конвенционального договора, соглашения между гражданами, делая возможным существование разных движений и объединений интересов в обществе.

Литература

1. Без надлежащей законодательной базы преступность в экономике не остановить // Экономика и жизнь № 6 февраль 1996 г. С. 48.

2. Криминогенность в экономике продолжает возрастать // Экономическая газета № 5 февраль 1996 С.34.

3. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969.

4. Лунеев В. Криминология на этапе перестройки // Социалистическая законность № 3, 1989 г.

5. Одной из самых злободневных проблем экономики сегодня остается теневое налогообложение // ЭЖ № 16 апрель 2004 г. С.39

6. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960.

7. Право и безопасность (борьба с коррупцией) № 1(14) март 2005 г. С.3-91.

8. Рассудим честно. Тысячи раскрытых дел по коррупции не совпадают с судебной статистикой. // Российская Газета неделя 21 февраля 2013 г. № 38 (6014) С.8.

9. Советское государство и право, 1969, № 1, с.118.

10.Ткачев П.Н. Статистические этюды. Спб., 1863.

11.Хакеры переключились с банков на промышленные предприятия 6 декабря 2019 г. // <https://pravo.ru/news/2-07375/>.

The evolution of economic crime and its impact on state and public institutions

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.

Russian criminological Association Doctor of law, Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

One of the main problems facing society today is the problem of combating violent crime. The main methods in the fight against economic crime should be economic, they should accurately formulate the initial and fundamental points. It is necessary to define the tasks of combating or countering economic crime, as well as the requirements for the activities of relevant government and law enforcement agencies. Special attention should be paid to the criteria of criminalization and decriminalization for the purpose of arbitrariness and the adoption of rash decisions by the legislator, which mainly caused chaos and confusion in law enforcement and for practitioners. It is important to scientifically predict the actions of the adopted norms in the fight against economic crime for a long historical perspective, to ensure the completeness of the normative content, which initially would not suffer from gaps in the regulation of cardinal issues of criminal responsibility and would consolidate a clearer classification of crimes according to their degree of public danger, the system and types of punishments.

Keywords: economic crime, state and public institutions, qualification of crimes, criminal liability, norms of criminal law.

References

1. Without a proper legislative framework, crime in the economy cannot be stopped // Economics and Life No. 6 February 1996, p. 48.
2. Criminogenicity in the economy continues to increase // Ekonomicheskaya gazeta No. 5 February 1996, p. 34.
3. Kuznetsova N.F. Crime and Criminality, Moscow, 1969.
4. Luneev V. Criminology at the stage of perestroika // Socialist Legality No. 3, 1989.
5. Shadow taxation remains one of the most pressing problems of the economy today // EJ No. 16 April 2004, p. 39
6. Ostroumov S.S. Crime and its causes in pre-revolutionary Russia. Moscow, 1960.
7. Law and Security (fight against corruption) No. 1(14) March 2005. pp.3-91.
8. Let's be honest. Thousands of solved corruption cases do not match the judicial statistics. // Rossiyskaya Gazeta nedelya February 21, 2013 No. 38 (6014) p.8.
9. The Soviet State and Law, 1969, No. 1, p.118.
10. Tkachev P.N. Statistical studies. Spb., 1863.
11. Hackers switched from banks to industrial enterprises on December 6, 2019 // <https://pravo.ru/news/2-07375/>.

Проблемы использования в уголовном судопроизводстве электронных документов

Кулиев Сиявуш Теймурович

аспирант Института мировой экономики

Современное уголовное судопроизводство активно интегрирует электронный документооборот в процессуальную деятельность. Актуальность приобретает исследование нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок применения цифровых документов в ходе уголовного процесса. Анализ действующего законодательства выявляет необходимость комплексного подхода к регулированию информационно-цифровых технологий в судебной практике. Приоритетным направлением развития процессуального права становится создание эффективного механизма использования электронных материалов, обеспечивающего баланс общественных и индивидуальных правовых интересов. Внедрение цифровых инноваций призвано модернизировать судебную систему, сделав правосудие максимально открытым для граждан.

Ключевые слова: электронный документ, электронная копия документа, доступ к правосудию, соотношение частных и публичных интересов, злоупотребление правомочиями.

Масштабная цифровизация общественных отношений, распространение электронных коммуникационных систем обусловили модернизацию работы правоохранительных органов и судебных инстанций [1]. Развитие российского уголовного судопроизводства характеризуется активным применением инновационных цифровых решений, переходом на безбумажный формат делопроизводства. Руководство страны утвердило специальные федеральные программы по технологическому совершенствованию судебной системы [2]. Практическая реализация намеченных преобразований предполагает комплексное внедрение цифровых инструментов во внутреннее функционирование судебных органов и их взаимодействие с иными участниками процесса. Первостепенной задачей становится разработка законодательного фундамента, закрепляющего процессуальные механизмы осуществления электронного правосудия [3]. Масштабы применения информационно-цифровых технологий и специализированного технического оборудования в уголовном судопроизводстве демонстрируют устойчивый рост. Нормы уголовно-процессуального права закрепляют многообразные формы использования цифровых инструментов представителями государственных органов, ведущими производство по делу, а также гражданами, привлеченными к участию в процессуальных действиях. Процесс доказывания по уголовным делам активно интегрирует цифровые методы сбора и анализа информации. В современном уголовно-процессуальном законодательстве закреплены нормы, регулирующие применение электронных технологий при оформлении процессуальных документов. Статья 474 УПК РФ предоставляет должностным лицам альтернативу традиционному типографскому способу документирования. Процессуальное право устанавливает возможность формирования электронных версий судебных актов согласно положениям статьи 474.1 УПК РФ. Нормативная база регламентирует электронную передачу исполнительного листа судебному приставу-исполнителю совместно с копией решения суда. Достоверность электронных документов обеспечивается усиленной квалифицированной электронной подписью судьи в соответствии с российским законодательством, что закреплено статьей 393 УПК РФ [4]. Портал государственных услуг включает специализированный раздел «Безопасность и охрана правопорядка», обеспечивающий прием электронных заявлений граждан о преступлениях в правоохранительные органы. Лица, пострадавшие от противоправных действий, получили возможность подавать заявления через официальные электронные платформы. Участники уголовного судопроизводства

наделены правом электронной подачи процессуальных документов: ходатайств, заявлений, жалоб, представлений по уголовным делам, включая вопросы реализации приговоров и судебных решений, согласно части 1 статьи 474.1 УПК РФ. Законодательство предусматривает направление электронных копий судебных решений участникам процесса посредством интернет-коммуникаций на основании статьи 474.1 УПК РФ. Правовые основы использования электронной документации в уголовном процессе закреплены положениями статьи 474.1 УПК РФ. Изучение действующих норм уголовно-процессуального права демонстрирует повышенное внимание законодательных органов к вопросам интеграции электронного документооборота в судебную практику. Однако существующий механизм использования цифровых документов как составляющая электронного делопроизводства требует дальнейшей правовой доработки.

1. Анализ Уголовно-процессуального кодекса РФ выявляет значимый правовой пробел - отсутствие нормативного определения электронных документов. Базовая дефиниция содержится в Порядке подачи документов в электронном виде в Верховный Суд РФ, введенном приказом Председателя Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 46-П [5].

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении [6] раскрывает правовую природу электронной документации через разграничение двух категорий: электронного образа документа и электронного документа как самостоятельной формы. Электронный образ формируется путем сканирования бумажного носителя с последующим заверением электронной подписью по установленным законодательством правилам.

Принципиальное отличие электронного документа заключается в изначальном создании в цифровом формате без предварительного бумажного варианта. Юридическая сила электронного документа обеспечивается электронной подписью согласно нормативным требованиям.

Существующая система правового регулирования электронного документооборота создает определенные затруднения в практической деятельности работников следственных подразделений и органов прокуратуры.

2. Действующее законодательство не содержит четких указаний относительно круга процессуальных субъектов, уполномоченных создавать электронные документы, а также стадий уголовного процесса, допускающих электронное делопроизводство. Особую неопределенность вызывает вопрос правомочности следственных органов оформлять процессуальные решения в электронном формате. Анализ норм уголовно-процессуального права позволяет сделать вывод об отсутствии подобных полномочий. Правовое регулирование электронного документооборота в уголовном процессе характеризуется фрагментарностью. Статья 474 УПК РФ обозначает электронный способ создания процессуальных документов как альтернативу бланковой форме. Часть 2 статьи 474.1 УПК РФ наделяет суды

полномочиями по формированию электронных решений, параллельно закрепляя возможность электронной подачи представлений. Согласно статье 5 УПК РФ представление выступает формой прокурорского реагирования на судебные акты в рамках установленной процедуры.

Документация, сформированная электронным способом без применения электронной подписи [7], существенно отличается от электронного документа и электронного образа, не требующего цифрового заверения. Указанные особенности обуславливают нецелесообразность ограничения электронного взаимодействия исключительно судебной системой.

Органы предварительного расследования демонстрируют недостаточную интеграцию в информационно-технологическую инфраструктуру уголовного судопроизводства. Действующее законодательство не предоставляет следственным органам равнозначных электронных возможностей. Расширение полномочий должностных лиц предварительного следствия, включая право направления электронных ходатайств об избрании мер пресечения, соответствовало бы современному вектору цифровизации уголовного процесса.

Нормативная база не обеспечивает участникам процесса возможности электронного обращения к следователю, дознавателю, прокурору на досудебных стадиях. Статья 474.1 УПК РФ ограничивает право электронной подачи документов судебными инстанциями. Факультативный характер применения электронного документооборота судами при наличии технических условий [8. С. 314] замедляет внедрение цифровых инноваций.

Научное сообщество обоснованно предлагает расширить использование информационных технологий органами предварительного расследования через реализацию проекта «Электронное уголовное дело» [9. С. 33–34].

3. УПК РФ не регламентирует возможность подачи заявления о преступлении в электронном формате. Статья 141 УПК РФ ограничивает формы подачи заявления устным или письменным вариантом. Ведомственный приказ МВД России, утверждающий Инструкцию о порядке работы с заявлениями, допускает их электронную подачу. Однако пункт 11 Инструкции предписывает обязательную распечатку электронных заявлений для дальнейшей работы с ними как с письменными документами, что противоречит концепции электронного делопроизводства. Статья 474.1 УПК РФ предоставляет участникам процесса право направлять в суд электронные ходатайства, заявления, жалобы в установленные законом сроки. Электронные документы требуют заверения электронной подписью согласно российскому законодательству путем заполнения специальных форм на официальных интернет-ресурсах судебных органов. Процессуальное законодательство устанавливает требование электронного формата для сопроводительных материалов к процессуальным обращениям. Документация, формируемая различными субъектами и организациями в произвольной либо регламентированной форме,

подлежит заверению электронными подписями согласно актуальным правовым нормам. Правовая неопределенность сохраняется в вопросе электронной подачи заявления в порядке частного обвинения. Буквальное толкование статьи 474.1 УПК РФ не выявляет формальных препятствий. Криминологические исследования категории потерпевших от преступлений частного обвинения демонстрируют фактическую неосуществимость электронной подачи заявлений ввиду отсутствия электронных подписей у большинства пострадавших. Часть 2 статьи 20 УПК РФ блокирует возможность направления электронного заявления через представителей или адвокатов, несмотря на наличие у правозащитников электронных подписей.

4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ обозначает необходимость нормативного установления порядка и сроков подачи электронных обращений. Процессуальное законодательство не содержит регламента приема, отклонения, возврата электронных документов. Пленум Верховного Суда РФ восполнил данный правовой пробел, разработав механизм подачи электронных обращений через специализированные формы на официальных интернет-порталах судебных органов.

Процедурные аспекты регулируются порядками подачи электронных документов, утвержденными Верховным Судом РФ [12] и Судебным департаментом при Верховном Суде РФ [13] в пределах установленной компетенции. Ведомственные приказы руководства Верховного Суда РФ и Судебного департамента устанавливают алгоритм обработки поступающих электронных обращений, основания и механизм отклонения.

«Порядок подачи мировым судьям документов в электронном виде» закрепляет полномочия первичной проверки электронных материалов за уполномоченным работником аппарата суда. Специалист осуществляет верификацию документации по ключевым параметрам: правильность адресации судебному органу, техническая доступность материалов, соответствие формальным требованиям Порядка. Приоритетное значение придается наличию графической подписи заявителя в электронном образе обращения и соблюдению нормативных требований к электронной подписи (п. 4.4). Процедура отклонения электронных документов охватывает широкий спектр оснований. Документы не принимаются судом при неверной адресации или повторном направлении идентичного обращения. Существенным препятствием выступают технические дефекты, включая нечитаемость материалов, отсутствие отдельных страниц, перевернутое изображение. Недопустимо представление файлов в неустановленных форматах либо объединение нескольких документов в единый файл. Основанием отказа служит наличие технических ограничений доступа к файлам, защита от копирования, встроенные мультимедийные элементы.

Особое внимание уделяется корректности электронной подписи. Отсутствие усиленной квалифицированной электронной подписи, истечение срока

действия сертификата, несоответствие подписи документу или его последующая модификация влекут отклонение материалов. Обязательным требованием выступает наличие графической подписи заявителя в электронном образе обращения.

Процессуальные нарушения, связанные с неверным указанием номера дела или отсутствием документов о полномочиях представителя, также препятствуют принятию электронных материалов. Несоблюдение иных технических требований к оформлению электронных документов служит самостоятельным основанием их отклонения судом.

Анализ установленного порядка выявляет двойственную природу оснований отклонения электронных документов. Отказ в принятии обращений обусловлен не только формальными нарушениями технических требований к оформлению и размещению материалов, но и содержательными критериями. Принципиальное значение приобретает необходимость законодательного закрепления оснований отказа в принятии электронных документов, поскольку действующий механизм ограничивает процессуальные права участников уголовного судопроизводства и создает препятствия в доступе к правосудию. Процедура обжалования решений об отклонении электронных обращений также требует нормативной регламентации на уровне федерального закона.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 9.05.2017 № 203 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» //
2. Постановление Правительства РФ от 20.11.2001 № 805 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России” на 2002–2006 годы» // Проф.;
3. Постановление Правительства РФ от 21.09.2006 № 583 «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы» // Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 14.12.2017) «Развитие судебной системы России» на 2013–2020 годы» //
4. Лазарева В.А. Актуальные вопросы развития электронного судопроизводства в России. URL: <http://khabarovsk.arbitr.ru/sites/khabarovsk.arbitr.ru/files/pdf/Лазарева.pdf> (дата обращения: 11.09.2018).
4. Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 07.11.2016) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» //
5. Приказ Председателя Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 46-П «Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» //
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в

электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов».

7. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «Об электронной подписи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.12.2017).

8. Семенцов В.А. К вопросу о перспективе цифровизации отечественного уголовного судопроизводства // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : междунар. науч.- практ. конф. 18–19 октября 2018 г. / редкол.: А.В. Гришин и др. Орел : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2018. С. 314.

9. Сергеев М.С. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 33–34.

10. Рябцева Е. Электронное уголовное дело – пилотная апробация (Республика Казахстан). URL: http://www.rivus.ru/news/osushhestvlenie_pravosudija_v_ehlektronnoj_forme_pozicija_avtora_rjabceva_e_v/2017-10-23-97 (дата обращения: 11.09.2018).

11. Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 07.11.2016) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // КонсультантПлюс. Версия Проф. 14

12. Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа (утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 46-П) //

13. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»

14. Трефилов А.А. Система УПК ФРГ (с приложением в виде перевода УПК ФРГ на русский язык). Заарбрюкен, 2011. 427 с. 15. Качалова О.В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017, No. 203, "Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030" //
2. Resolution of the Government of the Russian Federation of November 20, 2001, No. 805, "On the Federal Target Program "Development of the Judicial System of Russia" for 2002–2006" // Prof.;
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of September 21, 2006, No. 583, "Development of the Judicial System of Russia" for 2007–2012" // Resolution of the Government of the Russian Federation of December 27, 2012, No. 1406 (as amended on December 14, 2017), "Development of the Judicial System of Russia" for 2013–2020" //
4. Lazareva V.A. Current issues in the development of electronic legal proceedings in Russia. URL: <http://khabarovsk.arbitr.ru/sites/khabarovsk.arbitr.ru/files/pdf/Lazareva.pdf> (accessed: 11.09.2018).
4. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated August 29, 2014 No. 736 (as amended on November 7, 2016) "On Approval of the Instructions on the Procedure for Receiving, Registering, and Resolving Applications and Reports of Crimes, Administrative Offenses, and Incidents in Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" //
5. Order of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 29, 2016 No. 46-P "Procedure for Submitting Documents to the Supreme Court of the Russian Federation in Electronic Form, Including in the Form of an Electronic Document" //
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 26, 2017 No. 57 "On Certain Issues of the Application of Legislation Governing the Use of Electronic Documents in the Activities of Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts" .
7. Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ (as amended on 23.06.2016) "On Electronic Signature" (as amended and supplemented, entered into force on 31.12.2017).
8. V. A. Semenov. On the Prospects of Digitalization of Domestic Criminal Proceedings // Modern Criminal Procedure Law - Lessons of History and Problems of Further Reform: Int. Scientific and Practical Conf. October 18-19, 2018 / ed. board: A. V. Grishin et al. Orel: Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, 2018. P. 314.
9. M. S. Sergeev. Legal Regulation of the Use of Electronic Information and Electronic Storage Media in Criminal Proceedings: Domestic and Foreign Experience: Abstract of a PhD thesis. ... Cand. Jurid. Sciences. Ekaterinburg, 2018. Pp. 33–34.
10. Ryabtseva E. Electronic criminal case – pilot testing (Republic of Kazakhstan). URL: http://www.rivus.ru/news/osushhestvlenie_pravosudija_v_ehlektronnoj_forme_pozicija_avtora_rjabceva_e_v/2017-10-23-97 (date of access: 11.09.2018).
11. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 29, 2014 No. 736 (as amended on November 7, 2016) "On approval of the Instructions on the procedure for accepting, registering and resolving in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation applications and reports on crimes, administrative offenses, and incidents" // ConsultantPlus. Version of Prof. 14
12. Procedure for Submitting Electronic Documents, Including Electronic Documents, to the Supreme Court of the Russian Federation (approved by Order of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 29, 2016, No. 46-P) //
13. Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2016, No. 251 "On Approval of the Procedure for Submitting Electronic Documents, Including Electronic Documents, to Federal Courts of General Jurisdiction"
14. Trefilov, A.A. "The System of the Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany (with an appendix in the form of a Russian translation of the Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany). Saarbrücken, 2011. 427 p. 15. Kachalova, O.V., Tsvetkov, Yu.A. "Electronic Criminal Cases – a Tool for Modernizing Criminal Procedure" // Russian Justice. 2015. No. 2. P. 95–101.

Problems of using electronic documents in criminal proceedings

Kuliyev S.T.

Institute of World Economy

Modern criminal proceedings actively integrate electronic document management into procedural activities. The study of the regulatory framework governing the use of digital documents in the course of criminal proceedings is becoming relevant. The analysis of the current legislation reveals the need for an integrated approach to the regulation of information and digital technologies in judicial practice. The creation of an effective mechanism for the use of electronic materials, ensuring a balance of public and individual legal interests, is becoming a priority area for the development of procedural law. The introduction of digital innovations is designed to modernize the judicial system, making justice as open as possible to citizens.

Keywords: electronic document, electronic copy of the document, access to justice, correlation of private and public interests, abuse of powers.

Использование современных стоматологических слепочных масс при изъятии следов орудий взлома и инструментов

Дусева Нина Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России,

Волчкова Елена Васильевна

кандидат химических наук, доцент кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России

Дусева Дарья Алексеевна

ассистент кафедры хирургической стоматологии и челюстно-лицевой хирургии Волгоградского государственного медицинского университета

Неизменно высоким остается уровень преступлений, связанных со взломом преград, при расследовании которых изымаются объемные следы орудий взлома с различных поверхностей. Был проведен сравнительный анализ физико-химических и эксплуатационных свойств традиционных (гипс) и современных стоматологических слепочных материалов (тиоколовые, А-силиконовые, С-силиконовые массы) применительно к задачам трасологии. Экспериментальным путем установлены преимущества и недостатки каждого материала с точки зрения точности воспроизведения микрорельефа, усадки, удобства использования и сохранения следовоспринимающей поверхности. Доказана высокая эффективность А-силиконовых масс, как наиболее эффективного средства для фиксации следов взлома.

Ключевые слова: трасология, следы орудий взлома, изъятие объемных следов, слепочные массы, криминалистика.

Эффективность раскрытия и расследования преступлений находится в прямой зависимости от правильного выбора методов и средств работы с материально фиксированной следовой информацией в ходе производства следственных действий, а также при проведении дальнейших исследований в лабораторных условиях [1, с. 327]. К наиболее часто изымаемой в ходе осмотров мест происшествий группе следов относятся традиционные трасологические следы. Анализ практики осмотров мест происшествий показывает, что в большинстве случаев объемные следы орудий взлома обнаруживаются и изымаются с рам и полотен дверей, рам и фрамуг окон, реже – с поверхностей хранилищ (сейфов, банкоматов и терминалов [2, с. 72]

Приведенные показатели частоты изъятия трасологических следов свидетельствуют о их высокой значимости при установлении обстоятельств преступных посягательств, а также влекут за собой необходимость детального рассмотрения технических и методических проблем, возникающих в процессе их обнаружения, фиксации и изъятия. К числу ключевых проблемных аспектов среди прочих относится отсутствие в большинстве случаев в распоряжении сотрудника экспертно-криминалистического подразделения слепочного материала для изготовления копий следов [3, с. 122]. Зачастую для получения объемных слепков следов орудий взлома и инструментов на месте происшествия сотрудники экспертно-криминалистических подразделений вынуждены использовать наиболее доступные материалы: восковый пластилин и медицинский гипс. Однако данные материалы обладают существенными недостатками (деформация при надавливании у пластилина, проблематичное изготовление слепков с вертикальных поверхностей у гипса), которые препятствуют качественному и быстрому копированию следов.

Необходимо заметить, что отображение признаков в следе во многом зависит от используемого слепочного материала и условий, в которых проходил процесс изготовления слепка следа. Современные стоматологические слепочные массы могут успешно применяться при изготовлении слепков следов орудий взлома.

Все современные оттисковые стоматологические материалы классифицируются по различным основаниям (механизму реакции полимеризации, консистенции после полимеризации и др.) (рис.1, рис.2).

Одним из оснований для классификации оттисковых стоматологических материалов является обратимость реакции полимеризации. К первой группе относятся материалы, которые в результате химических реакций подвержены необратимым процессам отверждения (реакция полимеризации однопослелавленная и не протекает по обратному пути), ко

второй группе - термопластические материалы, которые при определённой температуре приобретают пластические свойства и теряют их при охлаждении.

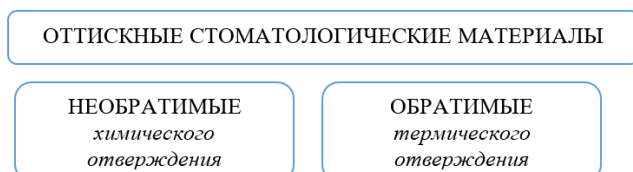

Рис. 1 Классификация оттисковых стоматологических материалов по механизму реакции полимеризации

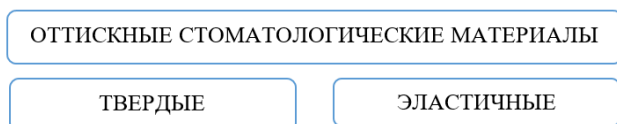

Рис. 2 Классификация оттисковых стоматологических материалов по консистенции после полимеризации

Твердые оттисковые стоматологические материалы после отверждения не имеют свойства эластичности и после деформаций не восстанавливают свою исходную форму. Применяемые в стоматологии твердые оттисковые материалы (гипс, цинкэвеноловые пасты) характеризуются хрупкостью и поэтому неудобны в использовании для изготовления слепков следов орудий взлома и инструментов на месте происшествия. Эластичным материалам свойственно восстанавливать свою первоначальную форму после воздействия упругих деформаций. Упругими деформациями называются те, в пределах которых сохраняется целостность материала, то есть в пределах модуля упругости.

Эластичные оттисковые стоматологические материалы являются более современным средством и отображают более точно и четко детали поверхности. Классификация современных эластичных стоматологических материалов приведена на схеме (рис. 3).

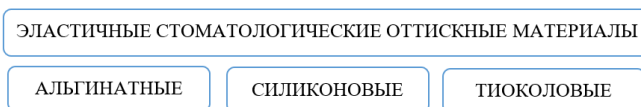

Рис. 3. Классификация эластичных стоматологических оттисковых материалов

Основой для изготовления альгинатных оттисковых стоматологических материалов служит, ее калиевые и натриевые соли альгиновой кислоты. В качестве связывающего элемента в состав вводятся неорганические наполнители – тальк или оксид цинка. Химический состав альгинатных материалов обеспечивает их быстрое затверждение под воздействием воды. Поэтому в их состав вводят в качестве замедлителя процесса фосфат натрия. Вязкость получаемой смеси зависит от количества воды, участвующей в замешивании, и строго регламентируется производителем. Точность передачи деталей рельефа альгинатных материалов значительно уступает точности передачи рельефа силиконовыми мас-

сами. Стабильность размеров слепка из альгинатной массы не высока, т.к. альгинаты очень чувствительны к сухости и влажности.

Силиконовые оттисковые стоматологические материалы имеют свою классификацию и включают два класса:

С-силиконы отличаются прочностью, твердостью, восстанавливаемостью после деформаций, гидрофобны, дают усадку;

А-силиконы позволяют отобразить рельеф с высокой точностью, не дают усадки, обеспечивая стабильность размеров, устойчивы к воздействию влаги и очень эластичны.

Тиоколовые материалы (Пермластик). По своим свойствам аналогичны силиконовым, однако обладают неприятным запахом, поэтому проигрывают им в конкуренции.

Материал для фиксации и копирования объемных следов орудий взлома и инструментов должен удовлетворять следующим требованиям:

- возможность осуществления копирования следа за минимальное время;
- удобство использования материала;
- высокое качество получаемого слепка, позволяющего в дальнейшем провести отождествление слеодообразующей поверхности [2, с.73].

В качестве объектов исследования были выбраны 4 слепочных материала:

1. Гипс зуботехнический, класс - 3;
2. Тиоколовая слепочная масса («Пермластик»);
3. С-силиконовая слепочная масса («Сизласт»);
4. А-силиконовая слепочная масса («Экзодент»).

Следы изымались с двух типов поверхностей:

- мягкая древесина (сосна);
- листовой алюминий.

Поверхности со следами орудий представлены на рисунке 4.

Рис. 4. Вид поверхностей, с которых изымались следы

Всего было изготовлено 40 слепков, по 5 слепков для каждой комбинации «материал – поверхность».

Эффективность слепочных масс оценивалась по 5 критериям:

- точность воспроизведения микрорельефа (оценка проводилась при помощи микроскопа МСП-1 с увеличением 20х по наличию и четкости трасс от микронеровностей);

- линейная усадка (измерялась через 24 часа и 7 суток с момента изготовления слепка при помощи микроскопа и окулярной линейки);
- эластичность и прочность на разрыв (определялась субъективно и по возможности извлечения слепка без разрушений);
- время работы и полимеризации (фиксировалось по инструкции производителя для каждого из материалов);
- влияние на следовоспринимающую поверхность (визуальная оценка поверхности после снятия слепка).

Результаты проведенных исследований представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика слепочных материалов

Критерий	Гипс	Тиокол	С-силикон	А-силикон
Точность	Низкая	Хорошая	Очень хорошая	Отличная
Усадка	Незначительная	Высокая (~0,4%)	Очень высокая (~1,5%)	Очень низкая (<0,1%)
Эластичность	Отсутствует	Высокая	Средняя	Средняя/Высокая
Время работы	Длительное	Короткое	Среднее	Оптимальное
Удобство	Простое	Сложное	Среднее	Высокое
Влияние на поверхность	Возможно	Минимальное	Минимальное	Отсутствует

Из данных, приведенных в таблице 1 видно, что гипс продемонстрировал наихудшие результаты по точности. Микрорельеф воспроизводился нечетко. Готовые слепки были хрупкими, часто ломались при извлечении следов. Главным преимуществом осталась низкая стоимость и простота использования для крупных следов на горизонтальных поверхностях. Внешний вид слепков, выполненных при помощи гипса представлен на рисунке 5.

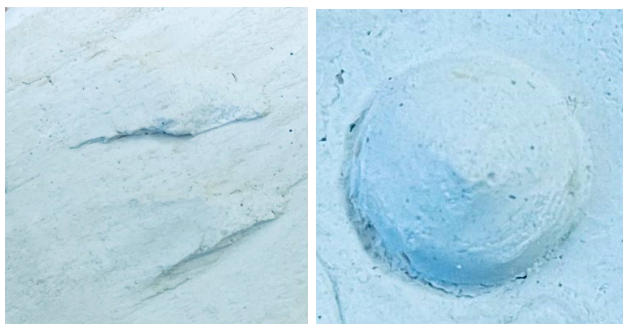

Рис. 5. Слепки, выполненные при помощи гипса

Тиоколовые массы проявили себя как очень эластичные и прочные материалы, которые хорошо извлекались при изготовлении слепков. Точность воспроизведения значительно выше, чем у гипса. Основными недостатками при работе с этим материалом являлись:

- резкий неприятный запах;
- необходимость тщательного дозирования двух компонентов;
- относительно высокая усадка (около 0,4% за 24 часа).

Выявленная усадка материала делает его менее пригодным для длительного хранения при проведении экспертиз. Внешний вид слепков, выполненных при помощи тиоколовой массы представлен на рисунке 6.

Рис. 6. Слепки, выполненные при помощи тиоколовой массы

С-силиконовые массы продемонстрировали хорошую точность и простоту в работе. Время полимеризации составило 4 – 6 минут, что удобно в практическом применении. Однако, как и тиокол они подвержены значительной усадке (до 1,5% и более). Такое значение усадки обусловлено выделением побочных продуктов (спирт и вода) в процессе реакции конденсации. Это является их критическим недостатком для судебно-экспертной практики. Внешний вид слепков, выполненных при помощи С-силиконовой массы представлен на рисунке 7.

Рис. 7. Слепки, выполненные при помощи С-силиконовой массы

А-силиконовые массы показали наилучшие результаты по всем параметрам. Точность воспроизведения микрорельефа была максимальной, все трассы отображались четко и без искажений. Усадка материала ничтожно мала (менее 0,1%) и стабилизируется в первые часы, что обеспечивает долговременную стабильность слепка. Материалы обладают оптимальным временем полимеризации (4 – 5 минут), гидрофобны, легко смешиваются (производятся в виде автомиксующихся картриджей). Единственным недостатком является более высокая стоимость по сравнению с другими материалами. Внешний вид слепков, выполненных при помощи А-силиконовой массы представлен на рисунке 8.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:

- традиционное использование гипса для изъятия объемных следов орудий взлома морально устарело и не отвечает современным требованиям

точности, особенно в случаях необходимости идентификации инструмента по микропризнакам;

- стоматологические слепочные массы, в особенности А-силиконы (поливинилсилоксаны), являются высокоэффективной альтернативой гипса;

- тиоколовые и С-силиконовые массы могут быть использованы в качестве доступной альтернативы гипса, но их применение ограничено вследствие значительной усадки;

- А-силиконовые массы обладают комплексом преимуществ (высочайшая точность воспроизведения, минимальная усадка, удобство использования, химическая инертность), которые делают их наиболее предпочтительным материалом для изъятия объемных следов на местах происшествий.

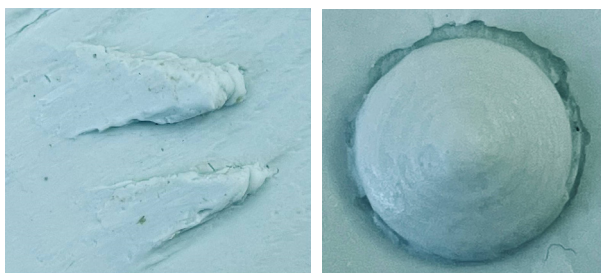

Рис. 8. Слепки, выполненные при помощи А-силиконовой массы

Описанные преимущества современных материалов позволяют рекомендовать их внедрение в повседневную практику работы со следами орудий взлома.

Литература

1. Грибунов О.П., Варданян А.В. Прикладные задачи и профилактические операции криминалистического предупреждения преступлений против собственности на транспорте // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. науч. тр. Иркутск: ВСИ МВД России, 2016. С. 326-331.
2. Иванов А.В., Арутюнян В.Р. Особенности исследования образованных давлением следов орудий взлома // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2021. - №2(52). С. 71-75.
3. Сидоренко О.В. Современные проблемы работы с трасологической следовой информацией // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. - № 4 (63). С. 121-126.

Using Modern Dental Impression Materials to Recover Burglary Tool and Tool Traces

Duseva N.Yu., Volchkova E.V., Duseva D.A.

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd State Medical University

The incidence of crimes involving burglary remains consistently high, with large traces of burglary tools recovered from various surfaces during investigations. A comparative analysis of the physicochemical and performance properties of traditional (gypsum) and modern dental impression materials (thiokol, A-silicone, and C-silicone masses) was conducted for trace evidence applications. Experiments were conducted to determine the advantages and disadvantages of each material in terms of microrelief reproduction accuracy, shrinkage, ease of use, and surface preservation. The high efficiency of A-silicone masses was demonstrated as the most effective means for capturing burglary evidence.

Keywords: trace evidence, burglary tool marks, volumetric trace recovery, impression masses, forensics.

References

1. Gribunov O.P., Vardanyan A.V. Applied tasks and preventive operations of forensic prevention of crimes against property in transport // Activities of law enforcement agencies in modern conditions: Coll. sci. tr. Irkutsk: VSI MVD of Russia, 2016. Pp. 326-331.
2. Ivanov A.V., Arutyunyan V.R. Features of the study of traces of burglary tools formed by pressure // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2021. - No. 2 (52). Pp. 71-75.
3. Sidorenko O.V. Modern problems of working with trace evidence // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2022. - No. 4 (63). Pp. 121-126.

Криминалистический портрет киберпреступника

Сиракянн Аркадий Рашимович

кандидат юридических наук, Заместитель директора Института государства и права Сургутского государственного университета, sirakanyan_ar@surgu.ru

В статье рассматривается феномен киберпреступности в России и за рубежом на протяжении последних трёх десятилетий с акцентом на период 2022–2025 годов, когда масштабы цифровых правонарушений достигли рекордных значений. На основе официальной статистики МВД РФ, отчётов Банка России и материалов ведущих российских исследователей анализируются демографический профиль преступников, используемые ими технологии, социально-психологические характеристики и мотивация. Отдельное внимание уделяется портрету жертв и региональной специфике. Приводятся различные точки зрения по теме исследования, посредством рассмотрения мнений отечественных учёных. Сравнение с зарубежным опытом (США, Европейский союз, Китай) позволяет выявить сходства и различия в развитии киберугроз. Завершающая часть статьи содержит прогноз до 2030 года и рекомендации для профилактики.

Ключевые слова: криминалистика, киберпреступник, киберпреступления, психология преступника, психологический портрет, искусственный интеллект, цифровые технологии

Введение

Киберпреступность стала одним из наиболее динамично развивающихся видов преступности XXI века. В России она занимает лидирующее место в структуре регистрируемых правонарушений: в 2024 году доля киберпреступлений достигла 40% от всех преступлений. Это свидетельствует о системной трансформации криминальной сферы.

Причины этого явления многогранны. Во-первых, бурное развитие цифровой экономики и появление новых платёжных инструментов создали условия для мошеннических схем. Во-вторых, низкий уровень цифровой грамотности населения способствует успешности обмана. В-третьих, сама цифровая среда снижает барьеры: преступники чувствуют анонимность и безнаказанность.

В отечественном научном сообществе отмечается, что: *«киберпреступность представляет серьёзную угрозу современному обществу и его информационной безопасности»* [1].

Таким образом, исследование психологического портрета киберпреступника становится важной задачей не только науки, но и практики — от правоохранительных органов до образовательных учреждений.

Исторический обзор киберпреступности в России

Киберпреступность в России прошла несколько этапов развития. В 1990-е годы появились первые компьютерные преступления, связанные с вирусами и взломами локальных сетей. Основными их участниками были студенты технических вузов, для которых хакерство представляло собой скорее развлечение и способ продемонстрировать свои навыки. Ущерб в тот период был ограниченным, а законодательная база практически отсутствовала.

В 2000-е годы с распространением интернета и банковских карт преступления стали более массовыми. Возникли первые организованные группы, специализирующиеся на фишинге и подделке платёжных средств. В Россию пришли DDoS-атаки, а также появилось вымогательство у интернет-магазинов и банков.

2010-е годы стали этапом профессионализации киберпреступности. Известные группировки «Lurk», «Carberg», «Cobalt» совершали многомиллиардные хищения. В этот период начал формироваться теневой рынок «услуг под ключ», включающий разработку вирусов, продажу баз данных и аренду ботнетов. Киберпреступность приобрела транснациональный характер.

В 2020-е годы на первый план вышли телефонные и онлайн-мошенничества. Сотни тысяч граждан стали жертвами звонков от «сотрудников банка», мошеннических сайтов и фишинговых рассылок. Как

отмечает отечественный ученый Швыряев П.С., «низкий порог входа приводит к формированию полноценной индустрии киберпреступности, на что обратил внимание один из экспертов. Существуют полноценные нелегальные компании со своими офисами, оборудованием, системами найма и мотивации, которые занимаются незаконной киберпреступной деятельностью.» [2].

Статистика и динамика

Цифровая преступность в России демонстрирует ускоряющуюся динамику и качественные изменения в структуре и методах. Оценки официальных и аналитических источников показывают устойчивый рост: если в 2022 году фиксировались приблизительно **500 тыс.** случаев преступлений с использованием ИКТ, то в 2023 году их количество превысило **670 тыс.**, а в 2024 году достигло **765,4 тыс.** (приблизительно 40% всех зарегистрированных преступлений). В первой половине 2025 года зарегистрировано уже **424,9 тыс.** таких инцидентов; при этом раскрываемость выросла до **28,9%**, что указывает и на усиление оперативных возможностей, и на увеличение числа расследуемых дел (см. источники МВД, Банка России и отраслевые отчёты). [3]

Финансовый ущерб серьёзен и наглядно иллюстрирует коммерческую мотивацию преступников. В 2024 году объём операций без согласия клиентов (НСО) вырос на **74,36%** и составил около **27,5 млрд ₽**; число таких операций превысило **1,19 млн**, тогда как доля возвращённых средств редко превышает **10%**. Карточные мошеннические операции — более **820 тыс.** случаев на общую сумму порядка **8,5 млрд ₽**; через систему быстрых платежей (СБП) злоумышленники провели более **200 тыс.** мошеннических переводов (суммарно миллиарды рублей). Эти цифры показывают не только масштабы экономического ущерба, но и быстроту адаптации преступных схем под новые платёжные каналы. [4]

Наблюдается изменение структуры преступлений: доля «классического» неправомерного доступа уменьшается в процентном выражении, но растут масштабы мошенничества, вымогательства (ransomware), утечек персональных данных и схем, связанных с криптоактивами. Отдельно растёт число гибридных сценариев — когда социальная инженерия (фишинг, vishing) используется как вход в финансовые цепочки с последующими многоступенчатыми выводами средств через «дропов» и биржи.

Аналитики также фиксируют омоложение контингента правонарушителей: в материалах МВД и в академических исследованиях подчёркивается, что весомую долю составляют молодые люди 16–29 лет, причём большое число «стартов» приходится на 16–18 лет. Это связано с тем, что ранняя цифровая социализация — через игры, чаты и обучающие ресурсы — даёт навыки и доступ, а мотивация «быстрого заработка» делает криминальную опцию привлекательной.

Технологии и методы: от фишинга до шифровальщиков

Современные киберпреступники в России используют широкий набор технических и социотехнических инструментов:

1. **Фишинг и клон-страницы.** Фишинг — это способ обмана, при котором мошенники маскируются под известные компании, банков, госуслуги или популярные сервисы, чтобы выманить у жертвы конфиденциальные данные (логины, пароли, данные банковских карт, коды подтверждения). **Клон-страницы** — это специально созданные поддельные сайты, которые имитируют дизайн и адреса официальных страниц (например, сайт банка, маркетплейса или платёжного сервиса). Пользователь заходит на такой сайт, вводит свои данные (номер карты, пароль, код из SMS), и они попадают напрямую к мошенникам. Клон может быть практически неотличим от оригинала, что делает его особенно опасным.

2. **Vishing (телефонный фишинг).** Vishing — это вид мошенничества, при котором преступники используют телефонные звонки для выманивания конфиденциальной информации. Вместо поддельных сайтов или писем, как в классическом фишинге, мошенники звонят жертве, представляются сотрудниками банка, полиции, службы безопасности или другой «авторитетной» организации и под разными предлогами пытаются получить: данные банковской карты, пароли, коды подтверждения и личную информацию (паспортные данные, адрес, номер СНИЛС и т.д.). Часто применяются приёмы психологического давления: запугивание («с вашей карты пытаются списать деньги»), срочность («нужно немедленно перевести средства на “безопасный счёт”»), создание доверия («мы из банка, у нас ваши данные»).

3. **Мессенджер-мошенничества.** Это разновидность интернет-мошенничества, при которой злоумышленники используют популярные мессенджеры (WhatsApp, Telegram, Viber и др.) для обмана и хищения денег или персональных данных.

Основные формы:

- **Фальшивые аккаунты** — мошенники представляются знакомыми, коллегами или родственниками и просят срочно «занять деньги», «помочь перевести» или «пополнить счёт».

- **Фишинговые ссылки** — жертве присылают сообщение с «выгодным предложением», «подарком», «акцией», ведущее на клон-сайт.

- **Выманивание данных** — под видом службы поддержки, курьера или банка требуют ввести код из SMS или реквизиты карты.

- **Социальная инженерия** — использование доверия и эмоционального давления (например, сообщение от «друга», который «попал в беду»).

Главная особенность мессенджер-мошенничества в том, что оно играет на доверии: общение выглядит личным и быстрым, а значит, у человека меньше времени на проверку информации.

4. **Ransomware и вымогательство.** Ransomware — это вид вредоносного программного обеспечения, которое блокирует доступ к компьютеру или шифрует данные пользователя, а затем требует выкуп за восстановление доступа.

Как работает:

- Вирус попадает на компьютер (через заражённое вложение, фишинговую ссылку, взлом уязвимости и т. д.).

- Все важные файлы (документы, фото, базы данных) шифруются с помощью сложных алгоритмов.

- Пользователю выводится сообщение о том, что данные будут потеряны, если он не заплатит выкуп (чаще всего в криптовалюте).

5. Криптообнал и схемы с криптовалютами. Быстрые инвестиционные фишки, биржи-посредники и «обнал через обменники» — классические инструменты перевода денег в наличные.

Технические инструменты сочетаются с поведенческими приемами: эксплуатация доверия, давление на эмоции (страх, срочность), создание «легитимного» контекста (фейковые документы, скриншоты чатов). Это заставляет говорить о «гибридной природе» современных ИКТ-преступлений — технологический уровень усиливает социопсихологическую манипуляцию.

Социальный портрет жертв: неочевидные уязвимые группы

Анализ состава потерпевших от киберпреступлений позволяет выделить несколько ключевых социально-демографических сегментов, различающихся по типам уязвимости и характеру совершаемых в отношении них преступлений.

Наиболее многочисленную категорию представляют **активные пользователи онлайн-банкинга**, преимущественно женщины в возрасте от 25 до 44 лет. Данная группа характеризуется высокой цифровой активностью и вовлечённостью в электронные платежи, использование маркетплейсов и инвестиционных сервисов. Именно это делает их основной целью для фишинговых атак, мошенничества на «ложных маркетплейсах» и так называемых инвестиционных скамов. При внешней технической грамотности уязвимость таких пользователей связана с доверчивостью к визуально достоверным, но поддельным интернет-ресурсам, а также с эффектом привычного поведения в онлайн-сред

Пожилые граждане (65 лет и старше) представляют собой одну из наиболее уязвимых групп. Они чаще других становятся жертвами телефонных сценариев мошенничества, основанных на методах социальной инженерии. Преступники, представляясь «сотрудниками банка», «правоохранительных органов» или «судебных приставов», манипулируют доверием и чувством тревоги потерпевших. Особенностью данной группы является недостаточная осведомлённость о современных технологиях защиты и повышенная склонность к доверию авторитетным фигурам, что делает их основной целью вишинговых атак.

Молодёжь и подростки демонстрируют иной тип уязвимости, связанный с их активным присутствием в социальных сетях и низким уровнем критического восприятия онлайн-рисков. Наиболее распространёнными угрозами для этой категории явля-

ются sextortion (вымогательство интимных материалов), взлом аккаунтов и вовлечение в сомнительные интернет-челленджи, которые могут иметь признаки мошенничества или психологического давления. Недостаток жизненного опыта и стремление к самовыражению усиливают их подверженность манипуляциям.

Отдельного внимания заслуживает сегмент **представителей малого бизнеса и индивидуальных предпринимателей**. Данная категория часто становится объектом фишинговых и B2B-мошенничеств, в рамках которых злоумышленники маскируются под деловых партнёров, клиентов или банковские организации. Потеря доступа к корпоративным сервисам, электронным платёжным системам и базам данных приводит к значительным финансовым потерям и временной дестабилизации бизнес-процессов.

Социологические исследования показывают, что уязвимость граждан к кибермошенничеству определяется не столько недостатком технических знаний, сколько особенностями социального поведения. Ключевыми факторами выступают доверчивость, стремление к быстрому получению прибыли, а также склонность к импульсивным действиям в условиях стресса. Как отмечает специалист ВШЭ, М.С. Фабрикант, «жертвами киберпреступников и нарушителями правил кибербезопасного поведения становятся в том числе люди, в целом хорошо осведомленные о киберпреступности и ее внешних проявлениях, однако по каким-либо причинам не всегда способные использовать эту информацию в конкретных ситуациях, когда она оказывается необходимой» [5].

Психологический портрет киберпреступника Демографический профиль.

Совокупный анализ статистических данных МВД России и результатов научных исследований позволяет выделить ряд устойчивых характеристик, формирующих демографический профиль лиц, вовлечённых в киберпреступность. Наиболее высокий уровень вовлечённости наблюдается в возрастной группе от 16 до 29 лет, при этом пик активности приходится на подростковый и юношеский возраст (16–18 лет). По гендерному признаку значительное преобладание имеют мужчины, составляющие около 80–90% всех задержанных по делам о компьютерных преступлениях [3]. В образовательном отношении большинство правонарушителей — это студенты, лица с незаконченным высшим образованием или выпускники колледжей технического профиля. При этом профессиональные IT-специалисты встречаются сравнительно редко, что свидетельствует о том, что базовые технические знания, необходимые для совершения преступлений, могут быть получены самостоятельно в процессе онлайн-обучения или взаимодействия в интернет-сообществах.

Когнитивные особенности. Киберпреступников отличает сочетание высокой обучаемости и когнитивных искажений, связанных с восприятием своих

действий как «виртуальных», не имеющих реального морального значения. Для данной категории характерны следующие черты:

- развитая техническая компетентность и способность быстро осваивать новые инструменты и технологии;
- гибкость мышления и выраженная креативность, что позволяет адаптироваться к изменяющимся условиям цифровой среды;
- склонность к стратегическому планированию и анализу, при одновременном игнорировании долгосрочных рисков и последствий собственных действий.

Такое сочетание качеств делает их эффективными в техническом плане, но уязвимыми с точки зрения морально-нравственной рефлексии.

Эмоционально-личностные черты. Для киберпреступников характерны специфические эмоционально-личностные особенности:

- сниженная эмпатия — жертва воспринимается не как конкретный человек, а как абстрактная цифровая фигура, что снижает чувство вины;
- высокая толерантность к риску — особенно среди подростков и молодых взрослых, которые воспринимают противоправные схемы как форму азартной игры или способ испытать свои способности;
- рационализация поведения — оправдание своих действий через распространённые формулы вроде «все так делают», «это не хуже обычной работы» или «в интернете это не считается настоящим преступлением».

Эти психологические механизмы способствуют снижению внутреннего контроля и формированию устойчивого оправдания противоправного поведения.

Социальный контекст. Как подчёркивает Л. Л. Бошаева [6], значительное влияние на вовлечение молодёжи в киберпреступность оказывает социальная среда. Подростки и молодые люди нередко попадают в соответствующие практики через геймерские, даркнет- и IT-сообщества, где нормы «лёгких денег» и «обхода системы» становятся частью субкультурных установок. Такие группы формируют у участников чувство принадлежности и взаимной поддержки, снижая моральные барьеры и способствуя нормализации противоправного поведения.

Сравнение киберпреступности с традиционной преступностью

Сопоставление киберпреступности с традиционными («уличными») формами правонарушений позволяет выявить принципиальные различия в социально-демографическом составе, мотивации и способах совершения преступлений.

Во-первых, киберпреступники значительно моложе своих аналогов из сферы традиционной преступности. Если для уличных правонарушений характерно участие лиц среднего возраста, нередко с криминальным опытом, то в киберпреступности доминируют молодые люди в возрасте до 30 лет, зачастую не имеющие судимостей и ведущие внешне социально адаптированный образ жизни.

Во-вторых, ключевым отличием является высокий уровень технической грамотности и использование специализированных знаний. Киберпреступность требует от участников умения работать с цифровыми инструментами, сетевыми протоколами, средствами шифрования и анонимизации. В отличие от спонтанных или эмоционально обусловленных «уличных» преступлений, киберпреступления, как правило, планируются заранее, включают элементы координации действий, распределения ролей и использования цифровой инфраструктуры.

Для традиционной преступности характерно, что значительная часть правонарушений совершается в состоянии аффекта или под воздействием алкоголя, а основными мотивами выступают ревность, агрессия или бытовые конфликты. Киберпреступность, напротив, имеет рациональный и инструментальный характер — она ориентирована на получение финансовой выгоды при минимальных рисках и отсутствии прямого физического контакта с жертвой.

На наш взгляд, киберпреступность разрушает привычную модель деления на «профессионалов» и «случайных преступников». Сегодня школьник может быть вовлечён в транзакционные схемы, нанося ущерб на миллионы рублей. Данное наблюдение подчёркивает, что современная киберпреступность не требует длительного вхождения в криминальную среду — достаточно владения цифровыми навыками и доступа к соответствующим онлайн-сообществам.

Международные тенденции киберпреступности.

Мировая практика демонстрирует устойчивый рост масштабов и разнообразия киберпреступлений, что подтверждается официальными данными правоохранительных и аналитических структур различных стран.

США. Согласно отчётам подразделения FBI Internet Crime Complaint Center (IC3), в 2024 году совокупный ущерб от киберпреступлений в Соединённых Штатах превысил 16 млрд долларов [7]. Наиболее распространёнными видами противоправных действий стали инвестиционные мошенничества, схемы BEC (Business Email Compromise) — компрометация деловой электронной переписки с целью хищения корпоративных средств, — а также вымогательство с использованием программ класса ransomware. Для американской киберпреступности характерна высокая степень организованности, вовлечение транснациональных группировок и тесная связь с финансовыми преступлениями.

Европейский союз. По данным Europol [8], на территории стран ЕС наблюдается устойчивый рост атак на критическую инфраструктуру, расширение масштабов массовых фишинговых кампаний, а также активное использование криптовалютных инструментов для обналичивания и сокрытия происхождения похищенных средств. Европейская киберпреступность всё чаще ориентирована на подрыв доверия к цифровым платформам и государственным сервисам, что делает её не только экономической, но и социальной угрозой.

Китай. Согласно отчётам Министерства общественной безопасности КНР [9], за последние годы отмечен быстрый рост числа мошенничеств, связанных с QR-кодами и мобильными приложениями. Особое распространение получили схемы, в которых пользователи перенаправляются на поддельные страницы платёжных систем или скачивают вредоносные приложения, замаскированные под официальные сервисы. Китайская модель киберпреступности характеризуется массовостью, технологической изощрённостью и ориентацией на широкие слои населения.

Российская ситуация в целом ближе к китайской. Для неё характерны массовое вовлечение молодёжи, акцент на социальную инженерию и широкое использование мобильных сервисов как основной среды для реализации мошеннических схем. В отличие от западных стран, где преобладают сложные корпоративные атаки, российская киберпреступность носит более социально ориентированный характер, направленный преимущественно против граждан и малого бизнеса.

Прогноз развития киберпреступности до 2030 года

Перспективы развития киберпреступности в России и мире во многом зависят от уровня цифровой грамотности населения, эффективности государственной политики в области информационной безопасности и скорости адаптации правоохранительных органов к новым технологическим вызовам. С учётом текущих тенденций можно выделить три вероятных сценария развития ситуации: оптимистический, реалистический и пессимистический.

Оптимистический сценарий

При условии активной реализации программ профилактики и повышения цифровой грамотности населения возможна стабилизация уровня киберпреступности к концу десятилетия. Расширение образовательных инициатив, усиление контроля со стороны финансовых институтов и внедрение современных антифрод-систем приведут к снижению темпов роста преступлений. В этом случае общий ущерб перестанет расти экспоненциально, а уровень общественной уязвимости к мошенническим схемам постепенно снизится.

Реалистический сценарий

Согласно прогнозам криминологов, при сохранении текущих тенденций количество киберпреступлений к 2027 году может превысить 1 миллион случаев ежегодно, а совокупный ущерб составит порядка 50–70 млрд рублей [10]. Ожидается, что преступные группы будут всё активнее использовать искусственный интеллект, технологии deepfake и автоматизированные системы для персонализированного фишинга и социальной инженерии. Основным вызовом станет способность государственных и корпоративных структур своевременно адаптировать защитные механизмы под динамично меняющуюся цифровую среду.

Пессимистический сценарий

При отсутствии системных мер и должной координации между государственными и частными институтами возможно экспоненциальное распространение киберпреступности. В этом случае вероятно массовое вовлечение подростков и молодёжи в противоправные схемы, активное использование квантовых технологий для обхода криптографической защиты, а также рост числа атак на критическую инфраструктуру (энергетика, транспорт, банковская система). Такой сценарий приведёт к дестабилизации цифровой среды и росту общественного недоверия к онлайн-сервисам.

Практические меры профилактики

Для минимизации рисков и предотвращения негативных сценариев необходим комплексный подход, включающий **следующие направления:**

Образование. Введение обязательных курсов цифровой гигиены и основ кибербезопасности в школах и вузах, развитие просветительских программ для взрослых.

Банковские технологии. Совершенствование антифрод-систем, внедрение поведенческой аналитики и биометрических методов идентификации клиентов.

Государственная политика. Создание федеральных и региональных центров мониторинга киберугроз, запуск единых горячих линий для граждан, оперативное взаимодействие с банками и операторами связи.

Международное сотрудничество. Укрепление партнёрства в рамках БРИКС, Интерпола и других международных структур, проведение совместных операций по противодействию транснациональной киберпреступности.

Психологическая профилактика. Работа с молодёжной аудиторией в геймерских и онлайн-сообществах, формирование альтернативных форм занятости и развитие культуры ответственного поведения в сети.

Таким образом, киберпреступность в России представляет собой массовое и системное явление, тесно связанное с цифровизацией общества.

Типичный киберпреступник — молодой мужчина 16–29 лет, технически грамотный, мотивированный финансовой выгодой, с низким уровнем эмпатии к жертвам. Его поведение формируется под воздействием интернет-сообществ и культур «лёгких денег».

Анализ мнений ученых показывает, что ключевыми факторами являются когнитивная перестройка в виртуальной среде, снижение личной ответственности и массовая вовлечённость через социальные сети и мессенджеры. Для сдерживания роста необходимо сочетание правовых, технических, образовательных и психологических мер.

Литература

1. Тимофеев А. В., Комолов А. А. Киберпреступность как социальная угроза и объект правового ре-

гулирования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 95–101.

2. Швыряев П.С. Проблема киберпреступности в России: актуальное состояние и перспективы решения // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 616–629.

3. Число киберпреступлений в России [Электронный ресурс] // Интернет-портал и аналитическое агентство TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%BE_%D0%BA%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 05.10.2025).

4. ЦБ зафиксировал рекорд 27,5 млрд ₽ похищенных со счетов [Электронный ресурс] // Медиа холдинг РБК (РосБизнесКонсалтинг). URL: <https://www.rbc.ru/finances/18/02/2025/67b489749a794780d1527516> (дата обращения: 05.10.2025).

5. Фабрикант М.С. Психологические факторы кибербезопасности и доверие к ложным новостям в интернет-коммуникации: обзор современных зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 4. С. 163–171.

6. Бошаева Л. Л. Криминологическая характеристика киберпреступности в отношении несовершеннолетних в России: монография. – Москва: Проспект, 2023. – 144 с.

7. FBI Releases Annual Internet Crime Report [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы безопасности США. URL: https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2024_IC3Report.pdf (дата обращения: 05.10.2025).

8. Cyber-attacks [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейской полицейской организации (Европол). URL: <https://www.europol.europa.eu/crime-areas/cyber-attacks> (дата обращения: 05.10.2025).

9. Rising Wave of QR Code Phishing Attacks: Chinese Citizens Targeted Using Fake Official Documents [Электронный ресурс] // Платформа кибербезопасности Cyble. URL: <https://cyble.com/blog/rising-wave-of-qr-code-phishing-attacks-chinese-citizens-targeted-using-fake-official-documents/> (дата обращения: 05.10.2025).

10. Чирков Д.К., Трунцевский Ю.В., Гордеев А.Ю. Криминологический среднесрочный прогноз развития криминальной ситуации в России // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. №10А. С. 91-99.

Forensic Profile of a Cybercriminal Sirakanyan A.R.

Surgut State University

This article examines the phenomenon of cybercrime in Russia and abroad over the past three decades, focusing on the period 2022–2025, when the scale of digital crimes reached record levels. Based on official statistics from the Russian Ministry of Internal Affairs, Bank of Russia reports, and materials from leading Russian researchers, the article analyzes the demographic profile of criminals, the technologies they use, their socio-psychological characteristics, and their motivations. Special attention is given to the victim profile and regional specifics. Various perspectives on the research topic are presented, including the opinions of Russian scholars. A comparison with international experience (USA, European Union, China) reveals similarities and differences in the evolution of cyberthreats. The final section of the article provides a forecast to 2030 and recommendations for prevention.

Keywords: forensics, cybercriminal, cybercrime, criminal psychology, psychological profile, artificial intelligence, digital technology

References

1. Timofeev A. V., Komolov A. A. Cybercrime as a Social Threat and an Object of Legal Regulation // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences. 2021. № 1. P. 95–101.
2. Shvyryaev P. S. The Problem of Cybercrime in Russia: Current Status and Solution Prospects // Standard of Living of the Population of Russian Regions. 2023. Vol. 19. № 4. P. 616–629.
3. The Number of Cybercrimes in Russia [Electronic Resource] // Internet Portal and Analytical Agency TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%BE_%D0%BA%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (date of access: 05.10.2025).
4. The Central Bank recorded a record 27.5 billion rubles stolen from accounts [Electronic resource] // Media holding RBC (RosBusinessConsulting). URL: <https://www.rbc.ru/finances/18/02/2025/67b489749a794780d1527516> (accessed: 05.10.2025).
5. Fabrikant M.S. Psychological factors of cybersecurity and trust in fake news in online communication: a review of modern foreign research // Modern foreign psychology. 2024. Vol. 13. № 4. P. 163–171.
6. Boshayeva L. L. Criminological characteristics of cybercrime against minors in Russia: monograph. - Moscow: Prospect, 2023. - 144 p.
7. FBI Releases Annual Internet Crime Report [Electronic resource] // Official website of the FBI. URL: https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2024_IC3Report.pdf (date accessed: 05.10.2025).
8. Cyber-attacks [Electronic resource] // Official website of the European Police Organization (Europol). URL: <https://www.europol.europa.eu/crime-areas/cyber-attacks> (date accessed: 05.10.2025).
9. Rising Wave of QR Code Phishing Attacks: Chinese Citizens Targeted Using Fake Official Documents [Electronic resource] // Cyble Cybersecurity Platform. URL: <https://cyble.com/blog/rising-wave-of-qr-code-phishing-attacks-chinese-citizens-targeted-using-fake-official-documents/> (Accessed: 05.10.2025).
10. Chirkov D.K., Truntsevsky Yu.V., Gordееv A.Yu. Criminological medium-term forecast for the development of the crime situation in Russia // Issues of Russian and International Law. 2024. Vol. 14. № 10A. P. 91-99.

Организационно–тактические основы криминалистического обеспечения безопасности участников предварительного расследования: субъектный состав и формы реализации

Четвертакова Кристина Владимировна

адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, kristina.196@inbox.ru

Статья посвящена исследованию одной из фундаментальных категорий криминалистики – формы реализации криминалистической деятельности. Автор обосновывает тезис о том, что форма, понимаемая как внешнее структурно-организационное воплощение содержания деятельности, является объективной необходимостью, вытекающей из правовых, гносеологических и праксеологических основ этой науки. Основное внимание уделяется анализу форм применительно к криминалистическому обеспечению безопасности участников предварительного расследования. Автор выделяет и детально характеризует четыре основные формы реализации данной деятельности: контрольно-надзорную, уголовно-процессуальную, оперативно-розыскную и организационную. Раскрывается содержание каждой из них, а также их взаимосвязь и роль в создании комплексной системы защиты. В заключении формулируется система основополагающих принципов, на которых базируется криминалистическое обеспечение безопасности: законности, конфиденциальности, пропорциональности, баланса интересов сторон, системности, взаимной ответственности субъектов и приоритета превентивных мер. Доказывается, что соблюдение данных принципов гарантирует эффективность защиты прав и законных интересов участников предварительного расследования и способствует достижению целей уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение безопасности, формы реализации деятельности, тактическая комбинация, контрольно-надзорная форма, уголовно-процессуальная форма, оперативно-розыскная форма, организационная форма, принципы обеспечения безопасности, предварительное расследование

Наука криминалистика, занимающаяся разработкой средств, приемов и методов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, по своей сути является наукой деятельностью. Ее предмет и цели непосредственно связаны с оптимизацией и регламентацией практических действий в уголовном судопроизводстве. В этой связи категория деятельности является для криминалистики центральной, а вопрос о формах ее реализации приобретает фундаментальное теоретическое и прикладное значение. Форма в данном контексте понимается как внешнее, объективно выраженное структурно-организационное воплощение содержания криминалистической деятельности, придающее ей целостность, устойчивость и эффективность. Необходимость существования и соблюдения определенных форм проистекает из самой природы криминалистики, находящейся на стыке науки и практики правоохранительной деятельности, требующей системности, достоверности и процессуальной легитимности.

В советский период развития криминалистики учение о деятельности и ее формах получило глубокую методологическую проработку, основанную на диалектическом единстве формы и содержания. Ведущие ученые, такие как Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, И. Ф. Герасимов рассматривали криминалистическую деятельность прежде всего в рамках предварительного расследования, выделяя в качестве ее основной формы тактическую операцию, а впоследствии – тактическую комбинацию [1, с. 47]. Под этим понятием подразумевалась система тактических приемов, объединенных общей целью расследования, проводимых в определенной последовательности и направленных на решение конкретной промежуточной задачи. Обосновывая данную форму, Р. С. Белкин указывал, что бессистемное, хаотичное применение даже самых совершенных тактических приемов не приводит к успеху [2, с. 112]. Форма тактической комбинации призвана была структурировать деятельность следователя, придать ей логическую «стройность» и целеустремленность. Советская криминалистическая наука последовательно отстаивала позицию, что любое действие следователя, будь то осмотр места происшествия, допрос или следственный эксперимент, должно быть не произвольным актом, а реализовываться в строго определенной, научно обоснованной форме. Эта форма задавалась, с одной стороны, уголовно-процессуальным законом, а с другой тактическими рекомендациями криминалистики, оптимизирующими познавательную и удостоверяющую стороны этого процесса. Таким образом,

форма понималась как гарантия законности, научной обоснованности и эффективности деятельности.

Помимо тактических комбинаций, советская криминалистика разрабатывала и более крупные формы организации деятельности, такие как методика расследования отдельных видов преступлений. Методика представляла собой типизированную, выверенную на практике программу действий следователя в стандартных ситуациях, возникающих при расследовании краж, убийств, мошенничеств и т.д. Она была высшим проявлением систематизации криминалистических знаний и их приложения к практике, выступая в качестве макроформы, интегрирующей в себе рекомендации из всех разделов криминалистики: техники, тактики и методики.

Современный этап развития криминалистики, характеризующийся интеграцией с достижениями цифровых технологий, усилением роли судебной экспертизы и расширением сферы применения криминалистических знаний, не только не упразднил потребность в формах, но и усложнил и дифференцировал их. Современные ученые, среди которых можно выделить Н. П. Яблокова, Е. Р. Россинскую, В. А. Образцова, развивают и углубляют учение о формах криминалистической деятельности, распространяя его на новые объекты и виды деятельности [3; 4; 5].

Если в советский период акцент делался преимущественно на деятельности следователя, то сегодня в поле зрения науки попадает система деятельности более широкого субъектного состава, включающая оперативных работников, специалистов, экспертов, прокуроров. Соответственно, расширилась и палитра форм. Так, криминалистическая тактика обогатилась учением об организационно-тактическом обеспечении производства следственных действий, которое включает в себя не только последовательность приемов, но и планирование, использование сил и средств, управление участниками. Форма тактической операции или комбинации трансформировалась, включив в себя элементы информационного противоборства, работы с цифровыми носителями и данными, полученными оперативно-розыскным путем.

Особое развитие получила форма организации экспертной деятельности. Современная криминалистика выработала сложные, многоуровневые формы проведения комплексных и комиссионных экспертиз, где взаимодействие экспертов разных специальностей подчинено строгим правилам, обеспечивающим полноту и объективность исследования. Методика экспертного исследования стала одной из ключевых форм, регламентирующих познавательную деятельность эксперта, гарантирующей ее воспроизводимость и научную валидность.

В области криминалистической методики произошел отход от жестко директивных схем расследования в сторону гибких, адаптивных моделей и алгоритмов. Современная криминалистическая методика – это не столько инструкция, сколько система типовых версий, программ действий и информаци-

онных моделей, которые должны быть адаптированы к конкретным обстоятельствам дела. Формой реализации такой деятельности становится криминалистическая характеристика преступления, которая служит информационной основой для выдвижения версий и планирования расследования, и собственно план расследования, как динамичная, корректируемая форма организации всей совокупности процессуальных, оперативно-розыскных и иных мероприятий.

Обоснование того, почему любая деятельность в криминалистике имеет свою форму, носит системный характер. Во-первых, это обусловлено требованиями уголовно-процессуального законодательства. Законодатель, стремясь гарантировать права и свободы личности, обеспечить законность и обоснованность процессуальных решений, придает многим действиям следователя и суда строго определенную процессуальную форму. Нарушение этой формы влечет за собой признание доказательств недопустимыми. Криминалистика, будучи служебной по отношению к праву наукой, не может игнорировать этот императив и, более того, призвана разрабатывать такие тактические формы, которые максимально полно и точно реализовывали предписания закона.

Во-вторых, необходимость формы диктуется гносеологической природой криминалистической деятельности, которая по сути является разновидностью познавательной, исследовательской деятельности. Познавание, особенно в условиях дефицита информации и активного противодействия, не может быть успешным, если оно не организовано, не систематизировано и не подчинено определенным правилам и методам. Форма здесь выступает как способ структурирования познавательного процесса, обеспечивающий его логичность, последовательность, полноту и всесторонность. Она является материальным воплощением метода.

В-третьих, коммуникативная и удостоверительная функции криминалистической деятельности также требуют ее формализации. Результаты деятельности (протоколы, заключения эксперта, постановления) должны быть понятны и доступны для всех участников процесса. Унификация и стандартизация форм фиксации хода и результатов действий (например, фототаблицы к протоколу осмотра места происшествия, структура экспертного заключения) обеспечивают их доказательственную силу и способствуют установлению объективной истины по делу.

Наконец, в-четвертых, сама практическая эффективность как критерий ценности любой криминалистической разработки невозможна без придания ей определенной, восприимчивой формы. Рекомендация, которая не имеет четких границ, условий и порядка применения, не является технологичной и не может быть внедрена в практику. Форма – это то, что превращает теоретическое знание в практический инструмент.

Таким образом, форма реализации деятельности в криминалистике не является внешней, «наду-

манной» категорией. Она представляет собой объективную необходимость, вытекающую из правовых, гносеологических, коммуникативных и праксеологических основ этой науки. Эволюция взглядов на форму от достаточно жестких тактических комбинаций советского периода к современным гибким, информационно-насыщенным алгоритмам и моделям отражает общее развитие криминалистики, ее адаптацию к новым социальным реалиям и технологическим вызовам. Постоянное совершенствование форм криминалистической деятельности, их научное обоснование и практическая апробация остаются одной из центральных задач этой динамично развивающейся отрасли научного знания.

Прежде, чем перейти к анализу форм реализации применительно к сфере криминалистического обеспечения безопасности, целесообразно выяснить исходя из какой деятельности формируется концептуальная основа такой идеи.

Поскольку эффективность реализации безопасности на стадии предварительного расследования зависит от властных субъектов, целесообразно классифицировать предполагаемые формы через специфику деятельности этих субъектов, принимая во внимание их основные функции в сфере обеспечения безопасности участников предварительного расследования.

Так как криминалистическое обеспечение безопасности деятельность комплексная, то и арсенал форм ее реализации может колебаться от простых контрольных и формальных до более сложных организационно-правовых форм.

По нашему мнению, исходя из индивидуальных особенностей полномочий конкретных субъектов можно выделить следующие основные формы реализации криминалистического обеспечения безопасности:

- контрольно-надзорная форма
- уголовно-процессуальная форма
- Оперативно-розыскная форма
- организационная форма.

Контрольно-надзорная форма реализации деятельности на стадии предварительного расследования представляет собой комплексный правовой институт, сущность которого раскрывается через призму организационно-правовых средств, направленных на обеспечение законности, обоснованности и эффективности процессуальных действий и решений. В контексте криминалистического обеспечения безопасности участников предварительного расследования данная форма приобретает особое значение, выступая в качестве гаранта не только успешного раскрытия преступления, но и защиты прав, свобод и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу предварительного расследования.

Теоретическое осмысление контрольно-надзорной деятельности в советский период во многом базировалось на принципах централизации и иерархичности. Такие ученые, как М.С. Строгович и В.М. Савицкий акцентировали внимание на прокурорском надзоре, как универсальном средстве обеспечения законности, в том числе на досудебных стадиях [6; 7]. Прокурорский надзор рассматривался

как единая и неделимая функция, охватывающая все стороны предварительного расследования, включая принятие мер к устранению нарушений закона. Однако в рамках советской доктрины безопасность участников уголовного процесса, в ее современном понимании, как комплексная криминалистическая проблема, не выделялась в самостоятельный объект прокурорского надзора. Акцент делался на соблюдении уголовно-процессуальных норм, прав обвиняемого и потерпевшего, но без разработки определенных и подходящих криминалистических методик обеспечения безопасности.

В современный период контрольно-надзорная форма представляет собой институциональный механизм обеспечения законности и обоснованности применения мер безопасности участников предварительного расследования, реализуемый через прокурорский надзор и судебный контроль. Данная форма имеет превентивно-контрольный характер, направленный на недопущение произвола со стороны органов расследования и гарантирование соблюдения конституционных прав защищаемых лиц [8, с. 880].

Прокурорский надзор в сфере обеспечения безопасности участников предварительного расследования осуществляется в соответствии с положениями статьи 37 УПК РФ и представляет собой многоаспектную деятельность. Как отмечает Синдеев А.Ю., прокурор в досудебном производстве выполняет двойственную функцию: с одной стороны, осуществляет уголовное преследование, с другой – надзирает за законностью действий органов предварительного расследования [9, с. 125]. Применительно к обеспечению безопасности эта двойственность проявляется в необходимости балансирования между эффективностью процессуальных мер защиты и соблюдением прав всех участников процесса.

Содержание прокурорского надзора в рассматриваемой сфере включает следующие направления:

Первое направление – проверка правомерности и обоснованности применения мер безопасности, предусмотренных частью 3 статьи 11 УПК РФ. Прокурор анализирует, соответствует ли избранная мера безопасности характеру и степени реальной угрозы, не является ли она чрезмерной или, наоборот, недостаточной для защиты конкретного лица.

Второе направление – надзор за соблюдением процессуальных гарантий при проведении следственных действий с участием защищаемых лиц. Прокурор проверяет, соблюдены ли требования части 9 статьи 166 УПК РФ о неразглашении данных о личности защищаемого лица, правомерно ли применены технические средства для искажения голоса и внешности при производстве следственных действий, обеспечена ли безопасность при проведении очных ставок и иных процессуальных мероприятий, предполагающих контакт с предполагаемым угрозоносителем [10, с. 85].

Третье направление – контроль за правомерностью возбуждения уголовных дел по фактам угроз

или насилия в отношении участников уголовного судопроизводства. Епихин А.Ю. справедливо указывает, что именно прокурорский надзор на этой стадии позволяет исключить случаи необоснованного привлечения к уголовной ответственности либо, наоборот, укрытия фактов противоправного воздействия на участников процесса [11, с. 67].

Четвертое направление – проверка обвинительных заключений (обвинительных актов, обвинительных постановлений) на предмет корректности и полноты описания обстоятельств применения мер безопасности.

Пятое направление – рассмотрение жалоб защищаемых лиц на действия (бездействие) и решения следователя или дознавателя. В соответствии с частью 3 статьи 11 УПК РФ участник процесса, в отношении которого применены меры безопасности, имеет право обжаловать нарушение своих прав и законных интересов.

Судебный контроль в сфере обеспечения безопасности участников предварительного расследования представляет собой совокупность полномочий суда по проверке законности и обоснованности решений, затрагивающих конституционные права граждан и связанных с применением мер безопасности. В отличие от прокурорского надзора, который осуществляется в административном порядке, судебный контроль реализуется в форме судебных заседаний с участием сторон и принятием мотивированных процессуальных решений.

Содержание судебного контроля в контрольно-надзорной форме включает следующие проявления:

Первое проявление – санкционирование меры пресечения в виде заключения под стражу в целях обеспечения безопасности участников предварительного расследования. В соответствии со статьей 97 УПК РФ одним из оснований избрания меры пресечения является вероятность того, что подозреваемый или обвиняемый может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Второе проявление – продление срока содержания под стражей. Согласно статье 109 УПК РФ продление срока меры пресечения в виде заключения под стражу осуществляется судом по ходатайству следователя. При рассмотрении такого ходатайства судья проверяет, сохраняются ли обстоятельства, послужившие основанием для избрания данной меры, в том числе угроза безопасности участников процесса.

Третье проявление – санкционирование следственных действий, производство которых возможно только по судебному решению и которые связаны с обеспечением безопасности участников процесса. В соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК РФ только суд правомочен принимать решения о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыска и выемки в жилище, личного обыска (за исключением случаев, предусмотренных статьей 93 УПК РФ), выемки заложенной в

ломбарде вещи, наложения ареста на корреспонденцию и выемки ее в учреждениях связи, контроля и записи телефонных и иных переговоров, получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Четвертое проявление – рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения следователя, дознавателя, прокурора, связанные с применением мер безопасности. Согласно статье 125 УПК РФ заинтересованные лица вправе обжаловать в суд любые процессуальные решения и действия, способные причинить ущерб их конституционным правам и свободам либо затруднить доступ к правосудию.

Уголовно-процессуальная форма представляет собой совокупность предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством мер и механизмов, направленных на защиту участников предварительного расследования от противоправного воздействия [12, с. 88]. В отличие от контрольно-надзорной формы, которая носит преимущественно контрольный характер, уголовно-процессуальная форма непосредственно реализует защитные функции через применение конкретных процессуальных инструментов.

Содержание уголовно-процессуальной формы обеспечения безопасности включает следующие элементы:

Первый элемент – реализация процессуальных мер безопасности, предусмотренных частью 3 статьи 11 УПК РФ.

Применение каждой из указанных мер имеет свою специфику. Например, неразглашение данных о личности защищаемого лица с присвоением псевдонима осуществляется путем вынесения постановления следователя или судьи (в судебных стадиях), в котором указываются основания применения данной меры, сведения, подлежащие засекречиванию, и псевдоним, которым будет обозначаться защищаемое лицо.

Второй элемент – избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в целях нейтрализации угроз безопасности участников предварительного расследования. Как уже отмечалось, данная мера имеет двойственную природу: она одновременно выступает средством процессуального принуждения и инструментом защиты других участников процесса от противоправного воздействия.

Третий элемент – разработка и применение тактических приемов производства следственных действий с участием защищаемых лиц в условиях применения мер безопасности. Данный элемент уголовно-процессуальной формы носит тактико-криминалистический характер и предполагает разработку следователем оптимальной последовательности и методики производства следственных действий, исключающих разглашение данных о защищаемом лице и минимизирующих риски его демаскировки [13, с. 14].

Оперативно-розыскная форма обеспечения безопасности участников предварительного расследования представляет собой комплекс мероприятий, осуществляемых органами, уполномоченными проводить оперативно-розыскную деятельность (далее

– ОРД), в целях выявления, предупреждения и пресечения угроз безопасности защищаемых лиц [14, с. 128]. Данная форма тесно связана с уголовно-процессуальной, но отличается от нее спецификой применяемых методов, негласным характером большинства мероприятий и специальным субъектным составом исполнителей.

Содержание оперативно-розыскной формы включает следующие элементы:

Первый элемент – проведение тактических операций (комбинаций), представляющих собой сочетание следственных, оперативно-розыскных и организационно-технических мероприятий, направленных на решение конкретных задач обеспечения безопасности с учетом сложившейся следственной ситуации. Понятие тактической операции было разработано в трудах А.В. Дулова, который определял ее как совокупность следственных, оперативных, ревизионных и иных действий, разрабатываемых и производимых в процессе расследования по единому плану под руководством следователя с целью реализации такой тактической задачи, которая не может быть решена производством отдельных следственных действий [15, с. 93].

Применительно к обеспечению безопасности участников предварительного расследования тактические операции могут включать: организацию защиты защищаемого лица при производстве следственного действия; выявление и задержание лиц, осуществляющих противоправное воздействие на участников процесса; пресечение каналов утечки информации о защищаемых лицах; дезинформацию заинтересованных лиц относительно местонахождения и личности защищаемых участников процесса; оперативное документирование фактов угроз или насилия в отношении защищаемых лиц.

Второй элемент – осуществление оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление угроз безопасности участников процесса, их пресечение и нейтрализацию.

Каждое из этих мероприятий может быть использовано для выявления лиц, представляющих угрозу безопасности участников процесса, сбора доказательств их противоправной деятельности, предотвращения планируемых преступных действий [16, с. 61].

Третий элемент – выполнение поручений следователя, связанных с обеспечением безопасности участников предварительного расследования. Применительно к обеспечению безопасности такие поручения могут включать: проведение оперативной проверки по факту угроз в отношении участника процесса; установление лиц, причастных к противоправному воздействию; обеспечение физической охраны защищаемого лица; сопровождение защищаемого лица к месту производства следственного действия; проверку оперативных данных об источнике утечки информации о защищаемых лицах; проведение оперативных мероприятий по документированию фактов противодействия расследованию.

Четвертый элемент – участие сотрудников оперативных подразделений в производстве следственных действий с защищаемыми лицами в целях

обеспечения их физической защиты. Подразделения ОРЧ ОГЗ МВД России, оперативные сотрудники уголовного розыска, а также сотрудники ФСИН России (если защищаемое лицо содержится в учреждении уголовно-исполнительной системы), ФСБ России, Росгвардии участвуют в производстве следственных действий, обеспечивая охрану защищаемых лиц, конвоирование, предотвращение возможных инцидентов.

Организационная форма криминалистического обеспечения безопасности участников предварительного расследования представляет собой систему методико-криминалистических, организационно-управленческих и координационных мероприятий, направленных на создание оптимальных условий для эффективного применения всех иных форм обеспечения безопасности. Данная форма носит интегративный характер и объединяет в себе элементы планирования, координации, взаимодействия различных субъектов, разработки типовых программ действий в зависимости от следственной ситуации.

Содержание организационной формы включает следующие элементы:

Первый элемент – организация взаимодействия следователя с субъектами, обеспечивающими безопасность участников предварительного расследования (прокурором, судом, оперативными подразделениями МВД, ФСБ, ФСИН, Росгвардией). Взаимодействие представляет собой согласованную деятельность различных органов и должностных лиц, направленную на достижение общих целей при сохранении каждым субъектом своих специфических функций и полномочий. Эффективность обеспечения безопасности напрямую зависит от качества взаимодействия, своевременности обмена информацией, четкости распределения функций и ответственности.

Второй элемент – планирование безопасности с учетом типичных следственных ситуаций. Планирование представляет собой мыслительный процесс, заключающийся в определении задач расследования, путей и способов их достижения, находящий отражение в письменной или графической форме. Применительно к обеспечению безопасности планирование предполагает выявление типичных следственных ситуаций, связанных с угрозами безопасности участников процесса, и разработку типовых программ действий для каждой из таких ситуаций.

Третий элемент – разработка особенностей производства различных следственных действий с участием защищаемых лиц. На основе положений криминалистической тактики выявляются особенности, обусловленные механизмом преступного посяательства, личностью преступника, ситуативной характеристикой расследования, необходимостью обеспечения безопасности участников процесса [17, с. 157]. Такие особенности касаются выбора времени и места производства следственного действия, определения круга участников, применения технических средств, фиксации хода и результатов,

обеспечения конфиденциальности данных защищаемых лиц.

Четвертый элемент – выработка типовых вариантов сочетания следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в целях обеспечения безопасности. Как справедливо отмечается в литературе, без тесного взаимодействия следователя и оперативных подразделений, без оптимального сочетания процессуальных и оперативно-розыскных средств невозможно качественно обеспечить безопасность участников предварительного расследования.

Любая деятельность, в том числе нами рассматриваемая, обязательно базируется на основополагающих принципах. Принципы криминалистического обеспечения безопасности представляют собой основополагающие идеи, руководящие начала, определяющие содержание и направленность всей деятельности по защите участников предварительного расследования от противоправного воздействия. Принципы носят нормативно-руководящий характер, пронизывают все формы реализации обеспечения безопасности и служат критерием оценки эффективности применяемых мер.

На основе анализа научной литературы, нормативных правовых актов и правоприменительной практики можно выделить следующую систему принципов криминалистического обеспечения безопасности участников предварительного расследования:

1. Принцип законности. Данный принцип предполагает строгое соответствие всех мер обеспечения безопасности требованиям действующего законодательства, прежде всего Конституции Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса РФ, Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и иных нормативных правовых актов. Принцип законности требует, чтобы любая мера безопасности имела законное основание, применялась уполномоченным субъектом, в установленном порядке, с соблюдением процессуальных гарантий прав всех участников процесса.

2. Принцип конфиденциальности. Данный принцип предполагает ограничение доступа к информации о защищаемых лицах, о применяемых в отношении них мерах безопасности, о местах их проживания и работы. Конфиденциальность обеспечивается путем засекречивания данных о личности защищаемого лица, присвоения псевдонимов, ограничения круга лиц, имеющих доступ к материалам дела, содержащим сведения о защищаемых лицах, проведения закрытых судебных заседаний, применения технических средств, исключающих визуальное наблюдение и идентификацию защищаемых лиц [12, с. 78].

3. Принцип пропорциональности (соразмерности, целесообразности). Данный принцип предполагает адекватность применяемых мер безопасности характеру и степени реальной угрозы. Меры безопасности не должны быть ни чрезмерными,

влекущими неоправданное ограничение прав и свобод участников процесса, ни недостаточными, не обеспечивающими реальную защиту от угроз. Принцип пропорциональности требует от следователя, прокурора, суда тщательной оценки ситуации, характера угрозы, личности защищаемого лица и угрожающего лица, возможностей применения различных мер безопасности и выбора оптимального варианта.

4. Принцип баланса интересов сторон. Данный принцип предполагает необходимость учета и соблюдения прав и законных интересов всех участников уголовного процесса при применении мер безопасности. С одной стороны, защищаемое лицо имеет право на безопасность, на защиту от противоправного воздействия. С другой стороны, обвиняемый имеет право на защиту, на ознакомление с доказательствами, на возможность оспаривать показания свидетелей. Принцип баланса интересов требует, чтобы меры безопасности не влекли необоснованного ограничения права обвиняемого на защиту.

5. Принцип системности и комплексности. Данный принцип предполагает, что обеспечение безопасности участников предварительного расследования не может быть достигнуто применением отдельных, разрозненных мер. Необходим системный, комплексный подход, предполагающий координацию и взаимодействие всех форм обеспечения безопасности (контрольно-надзорной, уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной, организационной), всех субъектов (следователя, прокурора, суда, оперативных подразделений МВД, ФСБ, ФСИН, Росгвардии), всех видов мер (процессуальных, оперативно-розыскных, организационно-технических).

6. Принцип взаимной ответственности субъектов. Данный принцип предполагает, что каждый субъект, участвующий в обеспечении безопасности участников предварительного расследования, несет ответственность за надлежащее исполнение своих функций и обязанностей. Следователь несет ответственность за своевременное выявление угроз, принятие решений о применении мер безопасности, организацию взаимодействия с другими субъектами. Прокурор несет ответственность за осуществление надзора за законностью применяемых мер. Суд несет ответственность за законность и обоснованность принимаемых решений о санкционировании мер, ограничивающих конституционные права. Оперативные подразделения несут ответственность за качество и своевременность проведения оперативно-розыскных мероприятий, обеспечение физической охраны защищаемых лиц.

7. Принцип приоритета превентивных мер. Данный принцип предполагает, что система обеспечения безопасности должна быть ориентирована не на реагирование на уже совершенные акты противоправного воздействия, а на их предупреждение, на выявление угроз на ранней стадии и принятие мер по их нейтрализации до того, как они реализуются. Превентивный характер обеспечения без-

опасности достигается путем оперативного наблюдения за обвиняемыми и связанными с ними лицами, прослушивания переговоров, выявления планируемых акций противодействия, своевременного применения процессуальных мер безопасности, профилактических бесед с участниками процесса.

Таким образом, на основании проведенного исследования сформулированы следующие выводы:

Формы реализации криминалистического обеспечения безопасности участников предварительного расследования включают контрольно-надзорную форму (осуществляемую через прокурорский надзор и судебный контроль), уголовно-процессуальную форму (реализуемую через применение процессуальных мер безопасности, избрание мер пресечения и разработку тактических приемов следственных действий), оперативно-розыскную форму (включающую проведение тактических операций, оперативно-розыскных мероприятий, выполнение поручений следователя и физическую защиту) и организационную форму (охватывающую планирование безопасности, координацию взаимодействия субъектов и разработку типовых программ действий).

Данные формы базируются на системе принципов: законности, конфиденциальности, пропорциональности, баланса интересов сторон, системности и комплексности, взаимной ответственности субъектов, приоритета превентивных мер. Соблюдение указанных принципов обеспечивает эффективность криминалистического обеспечения безопасности участников предварительного расследования, гарантирует защиту их прав, свобод и законных интересов, способствует достижению целей уголовного судопроизводства – защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Дальнейшее развитие криминалистической науки в данном направлении должно быть сосредоточено на совершенствовании методик выявления и оценки угроз безопасности, разработке новых тактических приемов и тактических операций, учитывающих современные формы противодействия расследованию, повышении эффективности межведомственного взаимодействия и координации действий различных субъектов обеспечения безопасности, внедрении новых технических средств защиты, адаптации международного опыта к российским условиям.

Литература

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 2 : Частные криминалистические теории / Р. С. Белкин. – М. : Юристъ, 1997. – С. 45-60.
2. Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств / Р. С. Белкин. – М. : Юрид. лит., 1966. – 112 с.
3. Яблоков Н. П. Криминалистика: Учебник для вузов / Н. П. Яблоков. – М. : БЕК, 1999. – С. 78-85.
4. Россинская Е. Р. Криминалистика: Курс лекций / Е. Р. Россинская. – М. : Норма, 2003. – С. 45-52.
5. Образцов В. А. Криминалистика: Учебник / В. А. Образцов, В. В. Крылов. – М. : Юристъ, 1995. – С. 210-225.
6. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1 / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1970. – С. 120-121.
7. Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве / В. М. Савицкий ; АН СССР, Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1975. – 383 с.
8. Маслова Т. Н. К вопросу о надзорных полномочиях прокурора в реализации процесса применения мер безопасности участников производства по уголовному делу / Т. Н. Маслова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2023. – Т. 33. – С. 877-883.
9. Синдеев А. Ю. Процессуальные решения прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства и их юридические последствия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Синдеев А. Ю. – М. : Университет прокуратуры Российской Федерации, 2021. – 195 с.
10. Мишин А. В. Тактика производства процессуальных действий, связанных с применением мер безопасности / А. В. Мишин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – № 2. – С. 84-87.
11. Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса : курс лекций : учебное пособие / А. Ю. Епихин, А. В. Мишин. – Казань : Изд-во Казан. Ун-та, 2025. – 156 с.
12. Паршуков А. И. Уголовно-правовые средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства / А. И. Паршуков // Актуальные исследования. – 2021. – № 10 (37). – С. 87-89.
13. Дзабиев У. К. Использование следователем результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. / Дзабиев Урузмаг Казбекович ; [Место защиты: Кубан. гос. Ун-т]. – Краснодар, 2023. – 27 с.
14. Мангасаров Р. А. Особенности оперативно-розыскного сопровождения предварительного расследования хищений бюджетных средств / Р. А. Мангасаров // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2025. – № 3. – С. 126-131.
15. Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений / А. В. Дулов. – Минск : Изд-во БГУ, 1979. – 128 с.
16. Шананин М. Г. Тактика использования результатов оперативно-розыскной деятельности для подготовки и проведения следственных действий : Генезис, теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Шананин Михаил Германович. – Санкт-Петербург, 2004. – 199 с.
17. Дергай Г. Б. Криминалистическая тактика : учебное пособие / Г. Б. Дергай [и др.] ; под общ. ред. В. М. Логвина ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Академия МВД, 2021. – 323 с.

Organizational and Tactical Foundations of Forensic Security for Participants in Preliminary Investigations: Subject Composition and Implementation Forms

Chetvertakova K.V.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article examines one of the fundamental categories of forensic science: the form of implementation of forensic activities. The author substantiates the thesis that form, understood as the external structural and organizational embodiment of the content of the activity, is an objective necessity arising from the legal, epistemological, and praxeological foundations of this science. The primary focus is on analyzing these forms as they relate to forensic security for participants in preliminary investigations. The author identifies and describes in detail four main forms of implementation of this activity: control and supervisory, criminal procedural, operational-investigative, and organizational. The content of each of these is revealed, as well as their interrelationships and role in creating a comprehensive security system. In conclusion, a system of fundamental principles is formulated that underpin forensic security: legality, confidentiality, proportionality, balance of interests of the parties, consistency, mutual responsibility of subjects, and the priority of preventive measures. It is demonstrated that adherence to these principles guarantees the effective protection of the rights and legitimate interests of participants in the preliminary investigation and contributes to the achievement of the goals of criminal proceedings.

Keywords: forensic security, forms of activity implementation, tactical combination, control and supervisory form, criminal procedural form, operational-search form, organizational form, security principles, preliminary investigation

References

1. Belkin R. S. Forensic Science Course: in 3 volumes. Vol. 2: Specific Forensic Theories / R. S. Belkin. - Moscow: Yurist, 1997. - pp. 45-60.
2. Belkin R. S. Collection, Research, and Evaluation of Evidence / R. S. Belkin. - Moscow: Legal Literature, 1966. - 112 p.
3. Yablokov N. P. Forensic Science: Textbook for Universities / N. P. Yablokov. - Moscow: BEK, 1999. - pp. 78-85.
4. Rossinskaya E. R. Forensic Science: Lecture Course / E. R. Rossinskaya. - Moscow: Norma, 2003. - pp. 45-52.
5. Obratsov V. A. Forensic Science: Textbook / V. A. Obratsov, V. V. Krylov. - Moscow: Yurist, 1995. - Pp. 210-225.
6. Strogovich M. S. Course of Soviet Criminal Procedure. Vol. 1 / M. S. Strogovich. - Moscow: Nauka, 1970. - Pp. 120-121.
7. Savitsky V. M. Essay on the Theory of Prosecutor's Supervision in Criminal Proceedings / V. M. Savitsky; USSR Academy of Sciences, Institute of State and Law. - Moscow: Nauka, 1975. - 383 p.
8. Maslova T. N. On the Issue of the Prosecutor's Supervisory Powers in the Implementation of the Process of Applying Security Measures to Participants in Criminal Proceedings / T. N. Maslova // Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law". - 2023. - Vol. 33. - P. 877-883.
9. Sindeev A. Yu. Procedural decisions of the prosecutor in the pre-trial stages of criminal proceedings and their legal consequences: diss. ... Cand. of Law: 12.00.09 / Sindeev A. Yu. - M.: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2021. - 195 p.
10. Mishin A. V. Tactics of producing procedural actions related to the application of security measures / A. V. Mishin // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. - No. 2. - P. 84-87.
11. Epikhin A. Yu. Ensuring the safety of participants in criminal proceedings: a course of lectures: a tutorial / A. Yu. Epikhin, A. V. Mishin. - Kazan: Kazan University Publishing House, 2025. - 156 p.
12. Parshukov A. I. Criminal-legal means of ensuring the safety of participants in criminal proceedings / A. I. Parshukov // Current research. - 2021. - No. 10 (37). - Pp. 87-89.
13. Dzabiev U. K. Use of the results of operational-search measures by the investigator in pre-trial proceedings: author's abstract. diss. ... Cand. Sciences (Law): 5.1.4. / Dzabiev Uruzmag Kazbekovich; [Place of protection: Kuban. state University]. - Krasnodar, 2023. - 27 p.
14. Mangasarov R. A. Features of operational-search support of preliminary investigation of embezzlement of budgetary funds / R. A. Mangasarov // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2025. - No. 3. - P. 126-131.
15. Dulov A. V. Tactical operations in the investigation of crimes / A. V. Dulov. - Minsk: Publishing house of BSU, 1979. - 128 p.
16. Shanenin M. G. Tactics of using the results of operational-search activities for the preparation and conduct of investigative actions: Genesis, theory and practice: dis. ... Cand. of Law: 12.00.09 / Shanenin Mikhail Germanovich. - St. Petersburg, 2004. - 199 p.
17. Dergay G. B. Forensic tactics: a textbook / G. B. Dergay [et al.]; edited by V. M. Logvin; Acad. of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. - Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2021. - 323 p.

Земская реформа 1864 г.: достижения и противоречия земского самоуправления

Барсегян Сурен Григорьевич

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Московского ордена Почета университета МВД России имени В. Я. Кикотя, barseg196@mail.ru

Ермаков Евгений Геннадиевич

кандидат юридический наук, доцент кафедры истории государства и права Московского ордена Почета университета МВД России имени В. Я. Кикотя, ermakoff69@bk.ru

Феднева Наталья Львовна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Московского ордена Почета университета МВД России имени В. Я. Кикотя, nfedneva@gmail.com

Статья посвящена проведению земской реформы 1864 г., ее особенностям, значению для общественного и государственного развития Российской империи, взаимосвязи с другими реформами 60-70-х гг. Автор подчеркивает, что практическая деятельность земств была эффективной и разнообразной. Земство выполняло важные социально-экономические и культурные функции, по своей сути, заменяя собой в местных вопросах государство. Деятельность земств контролировалась губернаторами и Министерством внутренних дел. Значимое влияние на формирование правоприменительной практики органов местного самоуправления оказывал Сенат, который достаточно часто защищал интересы и права местного самоуправления при выработке и осуществлении государственной политики в различных сферах общественной жизни. Отсутствие в законе четкого разграничения предметов общегосударственного и местного значения очень часто приводило к их субъективному толкованию различными учреждениями и должностными лицами. Неопределенность в разграничении хозяйственно-распорядительных вопросов, находившихся в ведении земств и коронной администрации, служила основанием для возникновения конфликтов между ними.

Ключевые слова: местное самоуправление, либеральное движение, земская реформа, земские учреждения, уездные земские собрания, губернские земские собрания, уездная земская управа, губернская земская управа, гласные земских собраний, Сенат, губернатор, губернское правление.

В процессе становления системы местного самоуправления в Российской Федерации прослеживается двоякая тенденция: с одной стороны, внимание законодателя привлекает западный тип муниципальной системы, с другой – присутствует интерес к отечественному феномену – опыту земств. Земские структуры, созданные в ходе реформы 1864 г., явились наивысшей точкой развития идеи самоуправления и ее практического воплощения в дореволюционной России. В связи с этим опыт разработки законодательства в данной области, практическая деятельность земских учреждений и их взаимоотношения с коронной администрацией, юридическими и физическими лицами – все это должно быть осмыслено, но уже исходя из современных условий социально-экономического и политического развития современного Российского государства и получить должное отражение в современном законодательном процессе.

Получение крестьянами личной свободы и статуса «сельских обывателей» привело к необходимости перестройки системы местной администрации и суда. Существовавшая система дворянского сословного самоуправления, не отвечала новым общественным отношениям, которые стали складываться в губерниях и уездах, где помимо дворянства и городского населения появилась огромная масса подданных с новым статусом – лично свободных крестьян. Требовалось создание новых органов местного самоуправления, которые смогли бы работать в новой сложившейся социально-экономической ситуации.

В ходе реформы 1864 г. были созданы всеобщие (надсословные) органы местного самоуправления, которые явились выразителями общеземских нужд и интересов, потеснив прежние сословные интересы дворянства. Проведение земской реформы должно было решить несколько проблем, остро стоявших в области местного управления. Во-первых, упорядочить сбор налогов. Во-вторых, усложнение административных задач в новых экономических условиях настоятельно требовало приобщения населения к вопросам управления. В-третьих, новые органы должны были решить задачи, связанные с развитием на местном уровне народного образования, здравоохранения, благотворительности, строительства дорог и т.п.

Деятельность земств контролировалась губернаторами и Министерством внутренних дел. Значимое влияние на функционирование органов местного самоуправления оказывал Сенат, который аккумулировал правоприменительную практику по вопросам местного самоуправления. Сенат, с одной стороны, являлся органом надзора за законностью действий

и постановлений земских органов, а также рассматривал жалобы на действия земских властей. С другой стороны, он мог оградить земства от административного произвола. Разногласия между администрацией и земствами был призван решать Первый департамент Сената.

В ходе первого этапа реформы земства были введены в 34 губерниях европейской части России, позже еще в девяти губерниях. Особенность внедрения местного самоуправления состояла в том, что для сохранения доминирующего положения дворянства в органах местного самоуправления земства создавались в губерниях с преимущественно дворянским землевладением. В 1911 г. в 6-ти губерниях Западного края (Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской губерниях) стало функционировать Положение о земских учреждениях с определенным изъятием, суть которого состояла в том, чтобы не дать землевладельцам польского происхождения получить большинство голосов в земских учреждениях. Для этого для них была создана отдельная избирательная курия. Сравнение западноевропейского опыта создания и функционирования местного самоуправления с российским позволяет выявить ряд особенностей отечественной модели. Во-первых, несмотря на имеющийся опыт функционирования выборных органов самоуправления различных форм, как носящих сословный характер, так и относительно всенародных, становление сословной системы самоуправления в Российском государстве отставало от Западной Европы. Во-вторых, в европейских странах в XIX в. сословные различия были фактически нивелированы, тогда как в России провозглашение в ходе судебной реформы формального юридического равенства не привело к уничтожению сословных различий, примером чего может служить куриальная система выборов, созданная в рамках земской реформы. В-третьих, в Западной Европе введение органов местного самоуправления характеризует территориальная одновременность, тогда как в России существовала земская «поэтапность». В-четвертых, развитие российских органов местного самоуправления осложнялось отсутствием прочных демократических основ. В-пятых, земские органы получили часть функций чиновничье-бюрократического аппарата, что свидетельствовало о преобладании государственного начала над общественным и сословным и о стремлении государства переложить часть финансовых проблем на общество.

Компетенция земств была обширна. Они решали местные дела и проблемы в сфере народного просвещения, здравоохранения, сбора статистических данных, финансировали строительство дорог местного назначения, занимались благотворительностью, занимались страховым и ветеринарным делом, устанавливали для населения уездов сборы, контролировали наем рекрутов и содержание полицейских учреждений и др. [2] Таким образом, земствами был накоплен богатейший опыт деятельности в различных областях хозяйства.

Система земств функционировала за счет самофинансирования: были окладные и неокладные доходы. Финансовая деятельность земств была достаточно прозрачной не только для государственного, но и общественного контроля. Сметы расходов на очередной год печатались в губернских газетах. Из числа гласных и специалистов избирались особые комиссии для рассмотрения предложений земских управ о расходах. После одобрения смет земским собранием они представлялись губернатору и управляющему губернской казенной палатой.

Политика правительства в отношении земств была двойственной и противоречивой. С одной стороны, благодаря деятельности земств решались насущные каждодневные местные проблемы, притом за счет взимания отдельных налогов, что не сказывалось на государственной казне, с другой стороны, правительство стремилось не допустить превращения хозяйственной деятельности местного самоуправления в политическую. Ведь подобные идеи существовали не только в кругах либеральной интеллигенции, но и в высших слоях бюрократии. Достаточно вспомнить проект, предложенный министром внутренних дел и председателем комиссии по разработке проекта земской реформы П.А. Валуевым, согласно которого при реорганизации Государственного совета предлагалось включить в его состав выборных представителей от губерний. Конституционные идеи высказывали и дворянские собрания, которые были особенно активными в Москве и Петербурге. В.П. Мещерский писал: «... как в Петербурге, так и в Москве ... стали обнаруживаться известные брожения умов в известных дворянских кружках, направленные к тому, чтобы от местного или губернского земства перейти к земству центральному» [6, с.414]. Поэтому «земство центральное» и не было учреждено, точно так же как не были созданы земские учреждения на уровне волости. Кроме того, было строгойше запрещено взаимодействие между земскими учреждениями различных губерний. Таким образом, земство было оставлено без «крыши» и без «фундамента» [8].

Противоречивость правовой основы земских учреждений приводила к конфликтам между губернской коронной администрацией и земствами. Чтобы убедиться в этом достаточно обратиться к сенатской практике. Статистические данные таковы: губернаторские протесты находили поддержку в Сенате в 49% случаев, а в пользу земств было принято 34% положительных решения, и хотя претензии администрации чаще находили удовлетворение, нельзя сказать, что интересы земств полностью игнорировались. Больше всего дел, разобранных Сенатом, вытекало из неточности формулировок статей Положения 1864 г. в части компетенции органов общественного управления [4, с. 36-42].

Говоря о слабости и фрагментарности правовой базы деятельности земств, следует отметить что Положение 1864 г. не содержало исчерпывающего перечня полномочий земств, создав тем самым, с одной стороны, возможности к расширению и углублению их деятельности, с другой — правительство пыталось ограничить эту сторону общественной

жизни. В.М. Гессен писал, что реформы 1860-х гг., «не коснулись вовсе местного административного строя». Хотя формально земству были предоставлены распорядительные функции в значительной части вопросов местного управления, но «в то же время эти функции должны по-прежнему осуществляться административной властью». Таким образом, земство «должно было управлять без власти» [7].

Положение 1864 г. не смогло четко определить принципы финансовой деятельности земских учреждений. Введение временных правил, сохраняющих основные положения устаревших Уставов о земских повинностях, о народном продовольствии и общественном призрении, сохранение государственных земских повинностей и выделение особых обязательных земских повинностей привели к целому ряду негативных последствий для формирующегося российского самоуправления. Расходы земств делились на обязательные (выполнение дорожной, квартирной, подводной повинностей, содержание гражданского управления, тюрем, мировых судов) и необязательные (здравоохранение, образование, экономические и просветительские мероприятия), на которые уходила большая часть денежных средств и усилий местных органов самоуправления. В таком виде земские учреждения неизбежно должны были стать и, в итоге, стали очагом противостояния властям, сформировалось земское оппозиционное движение, возникли нелегальные формы земской деятельности — общеземские съезды, политические встречи представителей земств с не-земской интеллигенцией.

Подводя итог следует отметить, что, несмотря на ограничения, практическая деятельность земств была эффективной и разнообразной. В земские учреждения привлекались высоко профессиональные кадры. Помимо хозяйственной деятельности земские учреждения вели большую культурно-просветительную работу. Особенно много сделали земства в области развития народного образования и медицинского обслуживания населения. Помимо создания основ начальной школы в России, что являлось основной заслугой земств, деятельность земских учреждений способствовала развитию медицины, обеспечив большому числу населения России возможность получения бесплатной и доступной медицинской помощи [7].

Как известно, земская контрреформа 1890 г. своей главной цели не достигла: ей не удалось уничтожить антиправительственную оппозицию в земстве. 1890-е годы — это время усиленной практической деятельности земств в разных областях народной жизни, и одновременно — эпоха нового подъема земского либерального движения после сравнительно недолгого затишья начала 1890-х годов [1]. Как отметил министр финансов С.Ю. Витте, «и при действии закона 1890 года земства не стали послушным орудием правительства». В сущности, обе противоборствующие стороны — и земские либералы, и бюрократия, обменявшись выпадами в 1878-1882 и 1890 гг., вернулись, в основном, к прежним позициям и прежней тактике медленного и

неуклонного давления друг на друга присущими каждой из сторон методами: земцы — посредством петиций и общественного мнения, бюрократия — путем всевозможных ограничений, налагаемых на земскую деятельность [1].

Литература

1. Вережагин А.Н. Земский вопрос в России : Полит.-правовые отношения. Москва : Междунар. отношения, 2002.
2. Гессен В. М. Вопросы местного управления. С.-Петербург, издание юридического книжного склада «Право», типо-литография А. Е. Ландау, 1904.
3. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. В 3-х т. С.-Петербург, Типография М. Стасюлевича, 1875-1883 гг.
4. Лаптева Л.Е. Независимый суд как условие реального местного самоуправления (на примере земских учреждений в пореформенной России) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2014. № 9-2.
5. Лаптева Л.Е. Земская реформа: ожидания и эффекты // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости. Сборник трудов Международной научной конференции. Воронеж, 2016.
6. Мещерский В.П. Воспоминания. В трех томах. Том 1. Санкт-Петербург : Тип. кн. В. П. Мещерского, 1897-1912, 1897.
7. Омельченко Н. А. История государственного управления: учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2014.
8. Сперанский М.М. План государственного преобразования (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М.: Издание «Русской мысли». 1905.
9. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. В 3-х т. Москва, Типография т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1894.
10. Яцкова А. П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. — первая российская конституция: дис. ... кандидата юридических наук. М., 2001.

Zemstvo Reform of 1864: achievements and contradictions of Zemstvo self-government

Barseghyan S.G., Ermakov E.G., Fedneva N.L.

Moscow University Order of Honor the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

The article is devoted to the zemstvo reform of 1864, its features, significance for the social and state development of the Russian Empire, and its relationship with other reforms of the 60s and 70s. The author emphasizes that the practical activities of zemstvos were effective and diverse. The zemstvo performed important socio-economic and cultural functions, essentially replacing the state in local matters. The activities of the zemstvos were controlled by the governors and the Ministry of the Interior. The Senate had a significant influence on the formation of the law enforcement practice of local self-government bodies, which quite often defended the interests and rights of local self-government in the development and implementation of public policy in various spheres of public life. The lack of a clear distinction in the law between subjects of national and local significance very often led to their subjective interpretation by various institutions and officials. The uncertainty in the differentiation of economic and administrative issues that were under the jurisdiction of the zemstvos and the crown administration served as the basis for conflicts between them.

Keywords: local self-government, liberal movement, zemstvo reform, zemstvo institutions, county zemstvo assemblies, provincial zemstvo assemblies, county zemstvo council, provincial zemstvo council, public zemstvo assemblies, Senate, governor, provincial government.

References

1. Vereshchagin A.N. The Zemstvo question in Russia : Political.- legal relations. Moscow : Internat. relations, 2002.
2. Gessen V. M. Issues of local government. St. Petersburg, edition of the legal book warehouse "Pravo", typograph by A. E. Landau, 1904.
3. Gradovsky A.D. The beginnings of Russian State Law. In 3 volumes, St. Petersburg, Printing House of M. Stasyulevich, 1875-1883.
4. Lapteva L.E. Independent court as a condition of real local self-government (on the example of zemstvo institutions in post-reform Russia) // Historical and legal problems: A new perspective. 2014. № 9-2.
5. Lapteva L.E. Zemstvo reform: expectations and effects // Legal regulation: problems of efficiency, legitimacy, and fairness. Proceedings of the International Scientific Conference. Voronezh, 2016.
6. Meshchersky V.P. Memoirs. In three volumes. Volume 1. St. Petersburg : V. P. Meshchersky's Type Book, 1897-1912, 1897.
7. Omelchenko N. A. History of public administration: a textbook for bachelors. 2nd ed., revised and additional M. : Yurayt Publishing House, 2014.
8. Speransky M.M. The plan of state transformation (Introduction to the Code of state laws of 1809). M.: Edition of "Russian Thought". 1905.
9. Chicherin B.N. Course of state science. In 3 volumes, Moscow, Printing House of I.N. Kushnerev and Co., 1894.
10. Yatskova A. P. Basic state Laws of the Russian Empire on April 23, 1906 - the first Russian Constitution: dis. ... Candidate of Law Sciences. Moscow, 2001.